

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

4 '87

ЧТО МОГУТ МОЛОДЫЕ

Вообще-то их — лауреатов премии Ленинского комсомола 1986 года — семеро, но Юрия Татаренко и Валерия Ягодзинского наш фотокорреспондент запечатлеть не смог потому, что они — киевляне и их приезда в Свердловск не ожидалось. Все же остальные лауреаты — свердловчане, вот они (на снимке — слева направо): Наталья Терещенко, Александр Махоньков, Ирина Косицина, Наталья Черненко и Елена Старченко.

Отвечал на наши вопросы Александр: — Название нашей коллективной работы? «Стареющие сплавы с регулируемой стабильностью аустенита — новая группа высокопрочных материалов». Как мы получили эти материалы? Подбором легирующих элементов. Второе: нашли определенные режимы термопластической обработки сталей. И, конечно, отработали отпуск или старение сталей. Но, думаю, не лучше ли все-таки привести пример применения наших сплавов на практике?

— Конечно, Александр!
— В тормозной аппаратуре зиловских грузовиков есть пружина, сделанная из импортной стали. Мы ее, эту пружину, заменили на отечественную, более прочную. Вот, собственно, и весь сказ, если не углубляться в тонкости. Теперь каждая не купленная за рубежом тонна стали может сэкономить ЗИЛу 1600 рублей валюты.

— Есть уже и другие внедренческие эпизоды?

— Да, я рассказал лишь об одной марке стали, а мы изобрели и другие, и они используются уже на предприятиях пяти министерств. Как видите, это целый веер внедрений...

— Почему именно ваш коллектив добился успеха?

— Наверное, потому, что каждый работал и думал самостоятельно, но в то же время мы двигались в одном направлении. И еще нам помогло то, что мы, свердловчане, — ученики уральской школы металлургов.

Фото Игоря Горячева

Пять лет назад юноши и девушки из разных вузов Свердловска оттиснули на своих «целинках» надпись: ССО «Уральский следопыт». Родился новый стройотряд. Необычный — бескорыстного труда...

Читайте стр. 4—5.

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

4 '87

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

- 2/ ... ВЫСОТЫ, КОТОРЫХ ОТДАВАТЬ НЕЛЬЗЯ!
Стихи
- 4/ Ю. Шинкаренко
БЕСКОРЫСТЕ
- 6/ Л. Юзефович
КОНТРИБУЦИЯ. Повесть. Окончание
- 23/ Б. Борисов
КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ДЛЯ КОСМОСА
- 24/ С. Образцов, П. Патока, В. Шориков, А. Минин
ВСТАНЬ, ДАЛЕКИЙ ОБРАЗ ДЕТСТВА!..
- 32/ О. Лыжин
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАРЯД РЮРИКА ТУШКИНА
- 33/ А. Андреев
ЗВЕЗДЫ ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ... Повесть
- 56/ СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ — СПОРНЫЕ И БЕССПОРНЫЕ ...
- 58/ А. Стругацкий, Б. Стругацкий
МНОГИЕ ИЗ ВАС СПРАШИВАЮТ ...
- 65/ И. Ефремов
ДЕТИ — ЭТО МЫ ЗА ПОРОГОМ БУДУЩЕГО
- 67/ Б. Рябинин
ЖИЗНЬ НА ВЫНОСЛИВОСТЬ НАС ИСПЫТАЛА
- 69/ С. Коркодинов
НЕ ГАСНЕТ НА НЕБЕ ЗВЕЗДА
- 70/ В. Миронов
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА. Апрель
- 74/ А. Михайлов
БАЙКАЛ — БАЛХАШ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

На 1-й стр. обложки рисунок Зои Баженовой

К XX съезду ВЛКСМ

...ВЫСОТЫ, Поэтическая

«Я песней, как ветром, наполню страну!..»

Песней и стихами наполнена страна, жизнь и дела ее молодости.

Но и сами стихи, сами песни стали поэтической хроникой страны. В чеканных строчках — звон клинков гражданской, встречные планы первых пятилеток, боли и радости Великой Отечественной... «Каховка» и «Гренада», «Геркин» и «Катюша» говорят нашему сердцу не меньше, чем страницы учебников истории.

В поэтической летописи — наша личная и наша общая биография. Она особенная, эта биография: в ней есть годы рождения, но нет старости, и она бессмертна, она молода всегда. Поэтому:

Звезды останутся юными,
Песни останутся юными,
Юными звонкими струнами
В песнях останемся мы.

В дни празднеств и итогов мы оглядываем пройденный путь, листаем страницы и нашей поэтической летописи. И снова «души вскипают» от «каждой даты», и мы, говоря словами поэта, приводим «просто цитаты из сердца и из стиха».

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!

Когда мы в огнемётной лаве
Решили все отдать борьбе,—
Мы мало думали о славе,
О нашей собственной судьбе.
По совести — другая думка
У нас была, светлая, как мед:
Чтоб пули были в наших сумках
И чтоб работал пулемет.

* * *

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

* * *

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.
Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.
Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

* * *

Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
веселому пенью гудка!
Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

Бригада нас встретит работой,
и ты улыбнешься друзьям,
с которыми труд и забота,
и встречный, и жизнь — пополам.
И с ней до победного края
ты, молодость наша, пройдешь,
покуда не выйдет вторая
навстречу тебе молодежь.
Что же мы, что же мы,
неужто размоложены!
Неужто нашей юности
конец пришел!
Неужто ж мы — седыми —
сквозь зубы зацедили,
неужто ж мы не сможем
разогнать прыжок!..
Давайте перемолвим
безмолвье синих молний,
давайте снова новое
любить начнем...
Чтобы жизнь опять сначала,
как море, закачала.
Давай! Давай!
Давай начнем!

* * *

Нас годы научили мудро
Смотреть в поток
До глубины,
И в наших юношеских кудрях
До срока —
Снежность седины.
Мы выросли,
Но жар не тает,
Бунтарский жар
В нас не ослаб!
Мы выросли,
Как вырастает
Идущий к пристани корабль.

* * *

У человека испокон
Есть право звать вперед.
Но право кинуться в огонь
Лишь совесть на себя берет,
Не совестишка-правдолюб,
Что тихо ноет, словно зуб,
Кого журят: «Не спи!»
Но та, что, став твоей судьбой,
Повсюду, грозная, с тобой,
Как тигр на цепи.
Не мне, дружка, судить о том,
Чего я стою, кто таков,
Но грозной совести путем
Пришел я в мир большевиков.

* * *

Мы молоды. У нас чулки
со штопками.
Нам трудно. Это
молодость виной.
Но плещет за дешевенькими
шторками
бесплатный воздух,
пахнувший весной...
Мы молоды. Мы смотрим строго,
пристально.
Мы любим спорить
и ходить пешком...
Как пахнут ночи!
Мокрым камнем, пристанью,
пыльцой цветочной,
мятою, песком...
Ах, не покинь нас
ясное, весеннее,
когда к нам повзросление
придет,
когда другое,
взрослое везение

КОТОРЫХ ОТДАВАТЬ НЕЛЬЗЯ!

хроника юности

нас по другим дорогам

поведет...

Жизнь — наковальня.

Поднимайте молоты!

На молодости —

главные дела.

Мы молоды.

Мы будем вечно молоды

смотреться в реки,

в книги, в зеркала...

* * *

Нет, счастье не сундук монет —

Копилка долгих лет,

Не жирный праздничный обед,

Не сон ленивый, нет!

Его не взвесишь на весах

И не отметишь на часах.

И все певцы (напрасный труд!)

Ему сравнения не найдут.

Но все,

что есть в твоей судьбе,

Все, чем живешь сейчас,

Отдай отчизне —

и тебе

Отчизна счастье даст.

* * *

Есть в наших днях такая точность,

Что мальчики иных веков,

Наверно, будут плакать ночью

О времени большевиков,

И будут жаловаться милым,

Что не родились в те года,

Когда звенела и дымилась,

На берег рухнувши, вода.

Они нас выдумают снова —

Косая сажень, твердый шаг —

И верную найдут основу,

Но не сумеют так дышать,

Как мы дышали, как дружили,

Как жили мы, как впопыхах

Плохие песни мы сложили

О поразительных делах...

Мы были всякими. Но, мучась,

Мы понимали: в наши дни

Нам выпала такая участь,

Что пусть завидуют они.

Они нас выдумают мудрых,

Мы будем строги и прямы,

Они прикрасят и припудрят,

И все-таки пробьемся мы!

* * *

А ты!

Входя в дома любые —

И в серые

И в голубые,

Всходя на лестницы крутые,

В квартиры, светом залитые,

Прислушиваясь к звону клавиш

И на вопрос даря ответ,

Скажи:

Какой ты след оставишь?

След,

Чтобы вытерли паркет

И посмотрели косо вслед,

Или

Незримый прочный след

В чужой душе на много лет!

* * *

Наша разница в возрасте невелика,

Полдесятка не больше годов.

Но во мне ты недаром

узрел старика —

Я с тобой согласиться готов.

И жестокость наивной твоей правоты

Я тебе не поставлю в вину,

Потому что действительно старше,

чем ты,

На Отечественную войну.

* * *

Все испытав,

Мы знаем сами,

Что в дни психических атак

Сердца, не занятые нами,

Не мешкая займет наш враг.

Займет, сводя все те же счета,

Займет, засядет,

Нас разя...

Сердца!

Да это же высоты,

Которых отдавать нельзя!

* * *

А в юности мы все спешим,

Как будто, затаив дыханье,

Идем на первое свиданье

С прекрасным будущим своим...

Не надо юность торопить!

А для того чтоб насладиться —

Советую не торопиться —

Глотками медленными пить.

* * *

Мы знаем грядущему цену

И знаем, что юность права,

Не как молодая трава,

Что старой приходит на смену,

Чтоб так же отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей

В наш след заступает горячий,

В то дело, что начали мы,

К заветной направившись цели.

Дано ей на том же пути

За нами, но дальше идти,

Исполнить, что мы не успели...

Но пусть она, юность родная,

Поднявшись стремительно ввысь,

Не вздумает там занестись,

Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет,

Что в славе ее безграничной

Мы все же повинны частично

И знали о ней наперед.

* * *

Мы сомкнутым строем

в коммуну идем

и старые,

и взрослые,

и дети.

Товарищ подросток,

не будь дитем,

а будь —

борец

и деятель!

В композиции представлены стихи поэтов А. Безыменского, Э. Багрицкого, А. Прокофьева, Б. Корнилова, Н. Асеева, И. Уткина, И. Сельвинского, Р. Казаковой, И. Алексеева, Л. Мартынова, П. Когана, А. Межирова, В. Федорова, М. Лисянского, А. Твардовского, В. Маяковского.

БЕСКО

Заядлый спорщик: Если говорить о свердловском отряде безвозмездного труда «Уральский следопыт» и о МАТЕРИАЛЬНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ, то вот мое мнение: этот отряд, а с ним около пятисот ему подобных, существующих в стране, — вредны. Своим бескорыстным трудом они пробивают брешь в строгой системе «заработал — получил», провоцируют хозяйственников разных рангов на нарушения. Благодаря им, чудачкам, иные руководители позволяют себе организовать «авральный субботник» вместо того, чтобы регулировать хозяйственный механизм, принцип материального стимулирования. Сам не пойду в такой отряд. Дети рождаются — им закажу. А вы еще фирмам собираетесь курить этому отряду. Что касается примеров алчности — сотню могу набросать. Но единственное средство борьбы с ними — тот же отлаженный принцип «каждому по труду».

Корр: Спасибо. Ты начал рисовать такую цепочку: алчность (пришедшая из далекого прошлого, из физиологического эгоизма человеческого, и ее рецидивы в настоящем). Потом — материальная заинтересованность (нынешнее оптимальное состояние между обязанностями и потребностями). Я продолжу эту линию. ...БЕСКОРЫСТИЕ или заинтересованность духовная (как ростки будущего в настоящем). Тем и ценны, может, отряды, что готовят нашу психологию к иному труду. Далекому, не на одно поколение. Но ведь надо начать. Кстати, не они и начали. Они просто продолжили. Но давай познакомимся с ребятами.

Пять лет назад 24 бойца ССО из разных вузов города Свердловска образовали стройотряд безвозмездного труда. Отряд свой назвали именем нашего журнала. После первой целины весь свой заработок, около 4 тысяч рублей, перечислили в фонд детского дома.

Света Гудкова, комиссар Целины-86: Так и повелось — весь свой заработок отдавать детям. В прошлом году эта сумма равнялась уже 10 тысячам. Купили для детдома автобус, мебель, пальто, санки, коньки. Крепко подружились со своими подшефными. Появились и другие традиции. В том числе неприятные, нас стали не понимать: «Зачем вам это?..» Но праздню любопытствующим мы просто не отвечаем. Правда, некоторые бойцы, говоря об отряде, перестали добавлять, что он — безвозмездного труда. С представителями же официальных органов труднее. Их непонимание отряду мешает. Мы — ССО межвузовский; когда начинается набор в отряд — столько всего слушаешься! В одном из деканатов у нас спросили: «Безвозмездно? В Чехословакии, что

Повесть

Леонид ЮЗЕФОВИЧ

Рисунки Евгения Охотникова

КОНТРИБУЦИЯ

Как сообщил Валетко, со станции Левшино пригнали два эшелона с пленными красноармейцами числом до полутора тысяч. На месте обнаружилось, однако, что вовсе это не красноармейцы, а просто солдатики, уроженцы сибирских губерний, они возвращались домой из германского плена и под Пермью задержаны были боями на магистрали. Начальник штаба предлагал всех их мобилизовать, но Пепеляев счел опасным держать вблизи линии фронта этих людей, наверняка распропагандированных большевиками. Он распорядился беспрепятственно пропустить эшелоны на восток и телеграфировать генералу Голицину, дабы тот их задержал и рассовал по тыловым частям.

Правда, немного утешила другая новость: на складах губснабжения нашли семь тысяч пар новых валенок. Пепеляев вспомнил виденных позавчера убитых из 29-й дивизии — они лежали на снегу в лаптях, в ботиночках, просто в намотанном на ноги и подвязанном веревками тряпье — и подумал, что, видать, появились и у

большевиков свои чиновники. Это радовало не меньше, пожалуй, чем захваченные валенки. Вообще все яснее становилось, что трофеи достались богатые — оружие, снаряжение, продовольствие, можно бы и наплевать на купеческие рубли, на пропавший перстень. Пропали они пропадом, выжиги! Но спускаться не хотелось.

Пепеляев медленно ехал по Сибирской вверх, к губернаторскому особняку, потом гикнул и пустил Васильку вскачь.

— Ну, господин Мурзин,— сказал Грибушин,— насколько я понимаю, вы — калиф на час. Не теряйте времени.

С проницательностью опытного коммерсанта, привыкшего распознавать подлинные отношения между людьми, какими бы словами ни прикрывались эти отношения, он сумел правильно истолковать ситуацию. И Ольга Васильевна Пепеляевым и Мурзиным — временный, непрочный. Но остальные, в том числе и Шамардин, сильно встревоженный тем, что генерал за него не всту-

пился, к новому представителю власти отнеслись вполне серьезно, с уважением: есть, значит, на то свои причины. Фонштейн, принося тысячу извинений и благоразумно избегая слова «контрибуция», начал выяснять, будет ли предъявленный им вексель зачтен за добровольное пожертвование в пользу воинов-освободителей в том случае, если перстень так и не сыщется. И Каменского занимал тот же вопрос, но применительно к подписанному им обязательству уступить «Людмилу» Сыкулеву-младшему.

— Я свою долю внес,— говорил Каменский,— и знать ничего не знаю. Сами виноваты, что не уследили.

— За вами уследишь,— сказал Шамардин.

Несмотря на грибушинский совет, Мурзин пока выжидал, не торопился. Двое самооборонцев, раненый пулеметчик и китаец Ван-Го, невидимые, с надеждой смотрели на него, а он верил в свою удачу и не торопился.

Час назад, в генеральском кабинете, нахлынул азарт, как позавчера, на камском льду, когда вдруг выхватил револьвер. По-пацаньи захотелось показать себя, утереть нос генералу. Мол, знай наших! Но, поостыв, начал торговаться. Четыре жизни потребовал он взамен, ставя залогом собственную, и это красная цена сыкулевской побрякушке, сколько бы она ни стоила. И уж вообще не имела цены возможность посрамить генерала, чтобы уразумел, с кем воюет. Его честному слову Мурзин доверял, но на всякий случай пожелал услышать обещание при свиде-

телях. Поколебавшись, Пепеляев позвал двоих офицеров: дежурного по комендатуре и поручика Валетку и дал слово при них...

Минут десять прошло, и поскольку Мурзин молчал, купцы начали постепенно забывать о его присутствии. Грибушин, склонившись к Ольге Васильевне, вполголоса рассказывал о своем путешествии в Японию, где он изучал правила чайной церемонии, о том, что адмирал Колчак, тоже несколько месяцев проживший в Японии, проявляет, как слышно, большой интерес к чайному обряду.

— Вот вам и повод рассказать ему о здешнем самоуправстве,— сказал Каменский, но от ветом удостоен не был.

Грибушин с Ольгой Васильевной, будто отгороженные незримой стеной, ни на кого не обращая внимания, разговаривали как у себя дома. Каменский, не принятый в их компанию, с завистью поглядывал на Грибушина.

Сыкулев-младший, угрожающе нависая над Константиновым, сипел:

— Тридцать три тысячи! Язык-от не отсох? Да я за него сорок платил!

— Тридцать три и ни копейки больше,— твердил Константинов.— Возможно, вас обманули, господин Сыкулев.

— А ваш перстень действительно стоил сорок тысяч? — спросил Мурзин.

— Вот те крест, сорок!

— Тогда почему принесли именно его?

— Ты еще спрашиваешь? Сам все отнял и

еще спрашиваешь?... Всякую шваль собрали,— закричал вдруг Сыкулев-младший, в упор глядя на Каменского,— ясно дело, покрадут! Чего ногой-то зудишь, а?

— Отойдите от греха подальше,— сквозь зубы проговорил Каменский, однако ногой трести перестал.

Мурзин вспомнил, что эти двое — давнишние конкуренты. Лет десять назад оба держали свои пароходы на ближних пассажирских линиях и сферы влияния поделить никак не могли. За их борьбой следил весь город, многие бились об заклад, ставя на одного из них, и летними вечерами, когда Мурзин возвращался с завода домой, Наталья докладывала ему, что еще предприняли Каменский или Сыкулев-младший, переманивавшие друг у друга пассажиров. Один свои пароходы раскрасил, как игрушечные, и другой не отстал. Один приобрел новые скамьи, и другой заказал точно такие же. У обоих буфеты с пивом, медные поручни блестят, как на броненосце, капитаны ходят в адмиральских фуражках. Каменский на палубах граммофоны поставил, чтобы ездить веселее, и Сыкулев-младший тут же перенял. Но ни тот, ни другой победить не могут. Наконец прибегли к последнему средству: стали снижать цены на билеты. Каменский на копейку сбавит, Сыкулев — на две, Каменский — на три, а Сыкулев уже целый пятак скостил, и отставать нельзя. До того дошли, что чуть не в убыток себе пассажиров начали возить. Лишь тогда спохватились и решили установить твердые цены, у обоих одинаковые на всех маршрутах. Заключили договор, при свидетелях ударили по рукам, Сыкулев-младший спокойно уехал на север скупать пушнину, а когда вернулся и сошел на берег, то глазам не поверил: его пароходы стояли пустые, народ валом валил к сопернику. Как так? Почему? Значит, нарушил, подлец, договор, переступил рукобилье? Прямо с пристани побежал узнавать, и, ходили слухи, едва кондрашка его не хватила, как узнал, почему. Оказывается, всего лишь бублик положил Каменский на свою чашу весов, и она перетянула: каждому пассажиру, куда бы тот ни ехал, впридачу к билету выдавалось еще и по бублику. Грош ему цена, а обернулся тысячными прибылями. Эх, Сыкулев! Надули тебя, вспомнил Мурзин.

Сейчас бывшие конкуренты продолжали яростно собачиться, подогреваемые Грибушиным, который ловко стравливал их на потеху Ольге Васильевне.

Мурзин прислушивался, присматривался. Еще и для того хотелось найти перстень, чтобы эти люди, презирающие таких, как он сам, не

уважающие в других ничего, кроме силы, хитрости и сознания собственной выгоды, поняли бы: его, Мурзина, провести не удастся. Рано или поздно им всем придется жить бок о бок, и это понимание ох как еще пригодится той власти, которую он представлял на самом деле...

Время шло, разговоры начали мельчать, уклоняться в сторону от основного русла. Словно сговорившись, про перстень уже не вспоминали. Казалось, шестеро купцов, ювелир и генеральский адъютант собрались в этой комнате, чтобы посидеть запросто, потолковать о том о сем. Калмыков приставал к Мурзину, просил разрешения послать записочку сыновьям, пускай те принесут сюда обед: у него на обед уха из мороженой рыбки, похлебали бы вместе.

Мурзин же думал о том — кому выгоднее всего завладеть сыкулевским колечком? Хотя для того, чтобы ответить на этот вопрос, не надо было долго думать — разумеется, самому Сыкулеву. Он не только сохранял перстень и получал обратно свою долю контрибуции, но и рассчитывался с Фонштейном, «Людмилу» приобретал совершенно бесплатно, а вдобавок еще надеялся содрать с Пепеляева мыла и свечек на три тысячи рублей. Барыш неплохой, но опасно подозревать человека лишь на том основании, что он имел возможность украсть больше, чем остальные. Мурзин знал этих людей: взять перстень мог любой из шестерых. Даже Грибушин. Да и Шамардина с Константиновым тоже нельзя было пока сбрасывать со счетов.

Да, взять мог любой, но рисковать стал бы не всякий. Вот Исмагилов, тот лихой джигит, вполне способен, однако его, как утверждает Шамардин, привели сюда буквально за минуту до того, как вошел Пепеляев и обнаружилась пропажа. А эти восемь человек провели рядом с черной коробочкой около получаса. Подумав, Мурзин временно снял подозрение с Калмыкова и Фонштейна, известных своей трусостью. Затем присоединил к ним ювелира Константинова, но уже по другой причине — он внушал доверие. Он внушал доверие тем, пожалуй, как старательно пытался скрыть свою бедность; все на нем было почищено, отглажено, и Мурзин далеко не сразу понял, что костюму его — сто лет в обед. Человек богатый и не желающий выдавать свое богатство может прийти в лохмотьях, в дырявых сапогах, как Фонштейн, в драной шубе, как Сыкулев-младший, но Константинов нищету не выставлял напоказ, напротив — хотел скрыть. Чувство собственного достоинства, вот что все отчетливее видел Мурзин в этом лысом странноватом старичке, и подозревать его, видимо, не имело смысла.

Итак, Фонштейн, Калмыков. Чуть в стороне — Константинов. И Грибушин, пожалуй, он до обычной кражи вряд ли опустится. Эта птица другого полета. А Ольга Васильевна? Весной, когда дом Чагиных взят был под наблюдение, она, вероятно, это заметила и сама донесла в ЧК на мужа, чтобы сохранить себе жизнь и свободу. Хитрая баба, от нее всего можно ожидать. Но осторожная. Ради перстня, пускай даже ценой в тридцать три тысячи рублей, рисковать репутацией не станет. Зато, например, могла подбить Каменского, обещав ему за это свою любовь. И теперь нарочно на него не смотрит, любезничает с Грибушиным. А Каменский за ней давно увивается, даже катер назвал ее именем, на что покойный Чагин ответил по-своему: самое дешевое и грубое мыло начал штемпелевать печаткой «каменское». Значит, Каменский. Впрочем, и Грибушин, по всему виду, зол на генерала, вполне может подложить ему свинью, убедив себя, что это не кража вовсе, а нечто иное. Мурзин от Калмыкова и Фонштейна мысленно передвинул Грибушина поближе к Ольге Васильевне и Каменскому. К ним же приставил и Сыкулева-младшего: ему сам бог велел украсть, он в своем праве. И не трус, нет. А Шамардин? Для него это дело самое безопасное, и по физиономии видно, что высокими принципами не отягощен. Разве Пепеляев стал бы его подозревать?

И все-таки вначале Мурзин решил понять другое: не кто взял, а куда дел, если взял. Можно, скажем, незаметно выбросить за окно. В сугроб, чтобы после подобрать. Но сугробы перед губернаторским особняком расчищены, а швырять просто так, на добычу первому же прохожему, рисковать с единственной целью — насолить генералу, на это мог отважиться только один человек — Грибушин.

Мурзин откровенно оглядывал залу, в то же время наблюдая и за купцами, как в игре «горячо — холодно». Кинуть перстень в камин? Но и эта мысль Пепеляева уже осенила: пламя заливали водой, Шамардин лично разгребал голыши, но ничего не нашел. Или нашел и спрятал? Ведь его-то не обыскивали...

Положить в люстру, в один из плафонов? Нет, надо для этого поставить стул на стол, вскарабкаться. Куда там!

Оставался еще паркет: могли украдкой сунуть под паркетину. Мурзин медленно прошелся по зале, то и дело останавливаясь и сапогом пробуя пол, но истертые, давным-давно не вощенные дощечки лежали плотно, прочно, ни одна даже едва уловимым раскачиваньем не выдавала под собой тайника.

— Послушайте, капитан, — спросил Мурзин, глазами указывая на Ольгу Васильевну, — а кто обыскивал даму?

Шамардин отвечал, что приглашали из канцелярии ремингтонистку Милонову.

— Я хочу с ней поговорить, — сказал Мурзин, и через пару минут, приведенная юнкером-часовым, появилась эта Милонова, робкая барышня с толстыми плечами.

Мурзин взял два стула, отнес их в комнатушку, где отдыхали губернаторы. Затем провел туда Милонову и прикрыл за собой дверь.

Беседовали долго. Вскоре Милонова, разрыдавшись, призналась, что Ольга Васильевна при ней ничего с себя не снимала, только дала осмотреть ридикюль, откуда сама же и вынула серебряный рубль. Пожалев ее, Милонова взяла этот рубль и обманула генерала, сказала ему, будто обыск произвела самый тщательный.

Отпустив Милонову, Мурзин вышел в залу, где Шамардин, подмигнув уже совершенно дружески, шепнул:

— Кобылка! На ощупь-то какова?

Он решил, что раз Милонова плачет, значит, ее обыскивали.

— Ольга Васильевна, — сказал Мурзин, — я хотел бы поговорить с вами наедине. Прошу в ту комнату.

— Сестра она отказалась, сказав, что ничего, перед таким важным начальником постойт, ноги не отсохнут: перед генералом сидела, а уж перед ним постойт, окажет уважение.

— Мне известно, — перебил Мурзин, — что вы сумели избежать досмотра.

— Мало я ей дала, паршивке, — сказала Ольга Васильевна.

— Зачем вы так? Эта девушка вас пожалела.

— Допустим... И что вам угодно?

— Почему вы не дали себя обыскать?

Она пожала плечами.

— Неужели непонятно? Я женщина. Впрочем, для вас ведь все равны. Все товарищи. Пожалуйста, зовите эту паршивку, — Ольга Васильевна вынула одну руку из муфты и начала стряхивать с плеча шубку.

— Что, прямо при мне? — спросил Мурзин.

— Можете присутствовать, если хотите. — Она смерила его презрительным взглядом. — Вы для меня не мужчина.

— А кто же?

— Покойник, — ответила Ольга Васильевна, вдевая в муфту другую руку и сбрасывая шубку на стул.

Мурзин остановил ее:

— Можете не трудиться... Дайте-ка мне вашу муфту.

Сунул руку внутрь, в меховое тепло, нащупал карман, где не было ничего кроме носового платка, довольно грязного. Взглянув на Ольгу Васильевну, не заметил и тени тревоги, зато увидел, что левая рука, с которой он только что сам снял муфту, сведена в кулак. Ну, не то чтобы совсем в кулак, но пальцы напряжены, поджаты как-то ненатурально.

— Что у вас там?

Она молчала.

— Я спрашиваю...

— Он,— прошептала Ольга Васильевна, косясь на дверь.— Перстень... Не говорите никому! Не скажете, я вам после половину отдам.

— Распилим или как? — Мурзин не поверил, потому что глаза ее смотрели хитро, обещали другое.

— Половину цены. Соглашайтесь!

— Зачем покойнику деньги!

— За пятнадцать-то тысяч от двух смертей откупитесь.— Она подняла сжатый кулак и держала его у самого своего лица, слегка поворачивая из стороны в сторону, будто поддразнивая.

Ольга Васильевна подскочила к окну, распахнула форточку.

— Выброшу, и ничего не докажете.

Мурзин схватил ее за руку. Рассмеявшись, она тут же развела пальцы: на ладони лежала не то пружинка, не то проволочка — маленькая, изогнутая, чуть сизая на свету, в радужных переливах, словно побывала в огне.

— Что это? — ошарашенно спросил Мурзин.

— Что-что? Зубочистка, вот что.

— Зубочистка? — усомнился Мурзин, уже понимая: издевается над ним, стерва такая, голову морочит.— Почему вы ее прятали-то?

— А шутила,— сказала Ольга Васильевна.— И потом, сами подумайте, какая женщина захочет афишировать, что у нее зубы дырявые?

— Я же для вас не мужчина.

— Вот я и признаюсь: дырявые, дырявые.— Ольга Васильевна улыbnулась ослепительно.

Отпустив ее, Мурзин пригласил Каменского. Тот с готовностью откликнулся на зов, плотно прикрыл за собой дверь и тут же, не дожидаясь вопросов, начал излагать свои соображения: перстень украл Грибушин, чтобы соблазнить Ольгу Васильевну. Не зря он в Японии полгода прожил, его там всяким штукам научили. А удобный момент представился, когда пришел Исмагилов, стал говорить, что ничего не даст, лучше помирать будет. Все его обступили, один Грибушин остался сидеть за столом, рядом с коробочкой.

— А вы,— спросил Мурзин,— где были в это время?

— Где и все. Исмагилова уговаривал, чтобы не упирался.

— А Ольга Васильевна?

— Что вам Ольга Васильевна? — встревожился Каменский.— Она тут ни при чем.

— Но вы считаете, что ее можно соблазнить этим перстнем?

— Нет,— сказал Каменский,— нельзя. Ее не купишь. Это Петр Осипыч так считает.

— И все-таки где находилась Ольга Васильевна в то время, как вы уговаривали Исмагилова?

— Кажется, она стояла у камина. Грела руки.

— У нее же муфта есть.

— Уж я-то знаю лучше других,— весомо проговорил Каменский.— У Ольги Васильевны всегда мерзнут руки. Это от сердца. Она слишком близко все принимает к сердцу... Хотите, дам один совет?

— Ну,— сказал Мурзин.

— Не доверяйте мужчинам с холодными руками и женщинам — с горячими. Я говорю исходя из собственного опыта.

— И почему так?

— Не знаю. Загадка природы. Вот, например, у Грибушина пальцы всегда холодные, словно только что умывался.

— А у Сыкулева?

— Как лед.

— Тогда, может, он украл?

— Может, и он. С него станется.

— Так все же кто, Сыкулев или Грибушин?

— Возможно, они сговорились между собой,— подумав, отвечал Каменский.— И при обыске передавали перстень друг другу. Вот его и не нашли.

Это была толковая мысль, но Мурзин отверг ее еще раньше: ни один из купцов не доверял другому настолько, чтобы взять его в компаньоны.

Каменский ушел, его место занял Сыкулев-младший, который немедленно обвинил в краже своего бывшего конкурента: тот, мол, известный ловкач; в купеческом собрании веселил публику фокусами — с платком, с монеткой, все-то у него пропадало, и сыскать не могли.

Шамардин, добровольно возложивший на себя обязанности мурзинского адъютанта, вводил приглашенных для беседы и выводил их обратно в залу, но присутствовать при разговорах Мурзин ему не разрешал, пользуясь полученной от Пепеляева властью, закрывал дверь у Шамардина перед носом.

Остановив Сыкулева-младшего, который честил Каменского на все лады, припоминая тому и бублик, и еще какие-то грехи десятилетней давности, Мурзин сказал:

— Не найду ваш перстень, меня расстреляют...

Сказал и посмотрел Сыкулеву-младшему в глаза, на чудо не надеясь, не к жалости взывая, не к состраданию, а так, любопытно, что почувствует человек, если взял-то сам, какой тяжестью лягут эти слова на его душу. И лягут ли? Но Сыкулев мгновенно потерял к Мурзину всякий интерес, как только понял, что перед ним не представитель власти, а калиф на час, и можно, значит, не церемониться. Встал и пошел.

Шамардин, заглянув, спросил:

— Кто следующий?

— Калмыков, — ответил Мурзин. — Потом Фонштейн.

Каменский и Сыкулев-младший даже не пытались оправдаться, мысль о том, что они тоже могут подпасть под подозрение, казалась им несерьезной, каждый считал себя свидетелем, не более. Но Калмыков и Фонштейн, вызванный следом, сразу же начали клясться и божиться, что не виноваты.

Фонштейн сказал так:

— Тысяча извинений, господин Мурзин, вы ведь знаете: если украдет русский, говорят, что украд вор, а если украдет еврей, говорят, что украд еврей. Вы же понимаете, я не могу себе такого позволить. Тем более теперь...

Но едва Мурзин стал спрашивать, кто, по его мнению, мог украсть перстень, Фонштейн указал на Калмыкова, как и Калмыков прежде — на Фонштейна. Даже здесь, в разговоре с глазу на глаз, эти двое боялись бросить тень на Грибушина, Чагину, Каменского или Сыкулева-младшего, людей могущественных и способных отомстить, но остерегались и Мурзина. Вдруг тот заподозрит их в нежелании помочь следствию? В итоге Калмыков с Фонштейном предпочли самый безопасный вариант: обвинили друг друга, хотя никаких доказательств и не привели.

Затем Шамардин привел Грибушина. Сели.

— Почему, — спросил Мурзин, — вы сказали генералу, что перстня вообще не было? Шутить изволили?

— Ничуть. Возможно, все мы стали жертвами гипноза.

— Это еще что за штука?

— Внушение, — снисходительно пояснил Грибушин. — Вам такое не приходило в голову? И зря. Сыкулев — человек с сильной волей, он вполне мог внушить нам, будто принес то, чего в действительности не существует. Или существует, но в другом месте. А потом появился генерал, тоже человек с сильной волей, и пелена спала с глаз.

— За дурака меня держите?

— Угадали, — кивнул Грибушин. — Но это к делу не относится.

— А себя вы считаете человеком со слабой волей?

— Но я же говорил генералу, что коробочка с самого начала была пуста. И вам повторыю: пуста, пуста. Могу дать честное слово. Или перекреститься. Что предпочитаете?

— Петр Осипыч,— после паузы спросил Мурзин,— а сами вы могли бы украсть это колечко?

— Да,— серьезно ответил Грибушин.— В нынешней ситуации — да, не скрою, потому что я принципиальный противник любого насилия. Терпимость и ясное сознание собственной выгоды, вот на чем зиждется демократия. А мы еще не созрели для нее. Увы! Я мог бы украсть, потому что других возможностей выразить протест у меня нет. Но красть было нечего.— Он улыбнулся.— Но и вы тогда ответьте честно. Если не найдете перстень, вас расстреляют?

— Да.— Как и в разговоре с Сыкулевым-младшим, Мурзин посмотрел Грибушину прямо в глаза, где разгорелись и потухли кошачьи зеленые огонечки.

— Мне жаль вас,— сказал Грибушин.— Я помню, что вы не все отняли у меня при реквизиции. Но нельзя найти то, чего нет. Коробочка была пуста. Вы заметили, Сыкулев нюхает табак? Так вот, когда он доставал из кармана кисет, он нечаянно выронил коробочку. Она упала на пол и раскрылась. И она была пуста...

Грибушин вернулся в залу, Мурзин остался один, велел Шамардину следовать обождасть. Холодок безнадежности уже проник в душу. И лихорадочная мельтешня начиналась в голове — предвестница отчаяния. Каменский указал на Грибушину, Грибушин — на Сыкулева-младшего, Сыкулев — на Каменского; круг замкнулся. Бред наполнил, как едучий дым, и не хотелось дышать им в последние, может быть, часы жизни. Подташнивало не то от голода, не то от безнадежности, не то от этого дыма.

Вошел Константинов.

Разговор с ним получился путанный, бестолковый, потому что мурзинские вопросы ювелир большей частью оставлял без ответа, говорил о своем. Прежде всего он сказал, что исчезновение перстня его не очень-то удивляет, с драгоценностями такого ранга всегда случаются самые загадочные истории. У драгоценных камней, говорил Константинов, есть душа, как у живых тварей, и чем прекраснее камень, тем душа в нем тоньше и живее...

Опрятный старичок с розовой лысиной, по-детски важный; Мурзин слушал его, и Константинов казался похожим на китайца Ван-Го — то же одиночество заметно в нем, печаль чужака, вежливая покорность не людям, а судьбе, не от трусости идущая, а от сознания, что некие грозные стихии подхватили тебя и несут, и нет

смысла им сопротивляться, нужно лишь не забыть о том, что ты — человек.

— Я предвидел это,— грустно говорил Константинов.— Русские драгоценности исчезают, должны исчезнуть. Силы, в них заключенные, не желают участвовать в братоубийственной войне. А перстень господина Сыкулева сработан русскими мастерами, в таких вещах я не ошибаюсь. И алмазы в нем российские.

В коридоре между кабинетом и каминной залой Пепеляева остановил поручик Валетко.

— Привел? — спросил Пепеляев.

— Никак нет. Нельзя.

— А что такое?

— Да шлепнули их сегодня ночью.

— Всех четверых?

— Всех.— Валетко сделал такой жест, будто смахивал крошки со стола, и смотрел вопросительно, поскольку слышал обещание, данное Мурзину.

— Ступай-ка ты к Веретенникову,— сказал Пепеляев, не отвечая на этот взгляд.

Подполковник Веретенников командовал конно-санитарным отрядом и лазаретом.

— Зачем? — насторожился Валетко.

— Полечись. А то без руки ведь останешься, герой. Мне безрукие адъютанты не нужны.

Уже догадываясь, что теперь, видимо, он и при обеих руках не нужен будет генералу, Валетко начал отнекиваться — мол, совсем не болит, заживает. Но отвечено было с отеческой суровостью: это приказ, обсуждению не подлежит, и Валетко повиновался.

Пепеляев двинулся к каминной зале, уже взялся за дверную ручку, когда то ли от напряжения, то ли от медного холода, потекшего по пальцам, внезапно явилась мысль простая и ясная: он понял, куда девалось колечко. Как же раньше-то не сообразил? Отпустил ручку и под удивленными взглядами двоих юнкеров, охранявших дверь каминной залы, отошел в сторону — подумать спокойно. Мысль была такая: купцов обыскивали по одному, заводя в соседнюю комнатушку, и вор, прежде чем туда идти, мог незаметно передать перстень сообщнику. А потом взял обратно, когда того повели. Ах, выжиги! Пепеляев курил уже вторую папиросу, пытаясь угадать, кто были эти двое. Именно двое, не больше. Три человека — это заговор, а где заговор, там и доносчик. Да и к чему им делить добычу на троих?

Снова шагнул к двери и снова остановился, послал одного из юнкеров привести сюда дежурного по комендатуре и ремингтонистку Милоно-

ву. План уже был готов. Коли так, обыскать всех разом, голубчиков. Одновременно. Раздеть догола. Мужчин в зале, а Чагину — в соседней комнатухе. Пускай потом жалуются, черт с ними! Зато попомнят генерала Пепеляева! Другого способа он не видел.

И купцов, и Константинова тоже Мурзин просил рассказать, что происходило в зале перед тем, как прибыл Пепеляев и обнаружилась пропажа. Слушал и сравнивал. Рассказывали примерно одинаково: все сидели и стояли вокруг стола, на котором лежала коробочка с перстнем, один Исмагилов пришел в самый последний момент и к столу не приближался. Правда, Каменский утверждал, будто Грибушин, когда все стали уговаривать Исмагилова не упрямиться, остался за столом, а сам Грибушин об этом умолчал; правда, Сыкулев-младший, по его же собственным словам, все время сидел на месте, а Каменский видел, как он расхаживал по зале и даже выходил в соседнюю комнатуху; правда, Сыкулев-младший заметил, что Каменский примерял кольцо себе на палец, а затем — на палец Ольге Васильевне, которой оно оказалось как раз впору, а Каменский про это не упоминал, но, в общем, все говорили приблизительно одно и то же.

Ничего нового не добавил и Шамардин, вошедший с таким видом, словно его не на допрос позвали, а на совет — вместе подумать, обсудить дальнейшие действия.

Купцы, сообщил Шамардин, в половине седьмого утра, когда согласились наконец сделать добровольное пожертвование, под конвоем отпущены были по домам. Отправились, видимо, поест горяченького, ибо кроме Сыкулева-младшего и Фонштейна, приволокшего вексель, никто ничего не принес. Могли бы и не ходить. Но он, Шамардин, времени даром не терял. Даже чаю хлебнуть не успел, сразу помчался к Константинову на квартиру, вытащил его из постели и доставил в комендатуру. Затем стали поджидать купцов, которые явились почти одновременно, если не считать Калмыкова, прискакавшего раньше всех. Остальные собрались без четверти восемь, а Пепеляев прибыл около половины девятого. Без десяти минут восемь Шамардин принял у Сыкулева-младшего коробочку с перстнем, осмотрел его и вместе с коробочкой передал Константинову. Тот изучал перстень минуты три, после чего коробочку закрыли и поставили в центр стола.

— И никто больше ее не трогал, не раскрывал? — спросил Мурзин.

— Хватали сперва, но я приказал, чтоб не лапали.

— А кто последний брал, не помните?

— Сыкулев, — сказал Шамардин и тут же передумал. — Нет, Каменский... Или Грибушин?

— Значит, потом коробочка все время лежала на столе?

— Да, я сидел возле.

— И коробочка была закрыта?

— В том-то и дело, что закрыта.

— Выходит, — спокойно сказал Мурзин, — кроме вас некому было и взять. Так выходит?

Оставив потрясенного Шамардина, вышел в залу, где при его появлении сразу сделалось тихо, разговоры смолкли. Ольга Васильевна, по-прежнему царственно-невозмутимая, сидела рядом с Сыкулевым-младшим, в ее сложенных щепотью пальцах мелькнула и скрылась в муфте пружинка-зубочистка. Вероятно, и Сыкулева она не считала за мужчину. Ольга Васильевна была безмятежна, а собеседник ее сопел громче обычного и царапал палкой паркет. На коленях он держал принесенный из дому облезлый портфель, который Мурзин обследовал давно, часа два назад. В нем лежали шерстяные носки и толстая вязаная кофта. Все это, как объяснил Сыкулев-младший, он захватил на тот случай, если Пепеляев на что-нибудь разгневется и опять прикажет погасить камин.

Так оно и случилось: когда искали перстень, пламя заливали водой, но после снова разожгли, и кофта пока не пригодилась.

От бешеного генерала всего можно было ожидать. Калмыков и Фонштейн, надеясь на лучшее, но готовясь и к худшему, тоже предусмотрительно явились не налегке: один с баулом, другой — с маленьким чемоданчиком. Там находились теплые вещи, кое-какая еда, немного денег, а у Калмыкова еще и библия. Сейчас эти двое примостились рядышком, что-то жевали. По лицам их Мурзин понял, что они уже покалялись друг другу в своем грехе и простили друг друга.

Тот Мурзин, который отправился в соседнюю комнатуху вести допрос, еще ничего не знал, а этот, вышедший обратно в залу, мог знать многое. Все смотрели на него, ждали, что скажет. Лишь Константинов, отвернувшись, глядел в окошко. Мурзин подошел к нему и тоже поглядел на улицу: двое солдат вели куда-то старика Гнеточкина, безобидного чудака, последние десять лет страстно мечтавшего состоять при всех начальниках для говорения им правды. Указывая на окно, Гнеточкин о чем-то возбужденно рассказывал своим конвоирам. В открытую форточку доносился его голос:

— Отсюда и вылетела...

Солдатики слушали с интересом.

Шамардин, пытаясь оправдаться, но шепотом, чтобы другие не слышали, встал рядом с Мурзиным. При виде его Гнеточкин вдруг отшатнулся, заорал с искаженным лицом:

— Он! Это он! Его душа вылетела! По глазам вижу!

Конвоиры с двух сторон подхватили его под руки, поволокли по улице, а Гнеточкин вырывался, кричал:

— Куда вы меня тащите? Это он вам приказал? Он, я знаю!

Калмыков, тоже подскочивший к окну, покрутил пальцем у виска.

— Что там такое?— не вставая, поинтересовался Грибушин.

— Опять Гнеточкин скандалит,— объяснил Калмыков.

Месяца два назад Гнеточкина совсем уж было собрались запереть в дурдоме, но Мурзин его отстоял. Он считал, что этот человек нужен городу. Встречая его на улице, каждый невольно задумывался вот о чем: а есть, может, и в самом деле какая-то правда, ему одному ведомая и скрытая от всех? И неуютно делалось под взглядом этих воспаленных, вечно слезящихся глаз. Ворочалась в них темная полубезумная тоска по справедливости, и Мурзин жалел Гнеточкина, защищал от начальников, которые его гоняли, привечал, потому что оба они мечтали об одном — о всеобщей правде, только достичь ее хотели по-разному. Эх, Гнеточкин! Теперь уж некому будет за него вступиться.

— Чего он на меня?— кипятился Шамардин.— По морданции бы ему, чтоб заткнулся!

— Вам велено не выходить отсюда,— напомнил Мурзин.

Не обращая внимания на ропщущего Шамардина, мимо зубодробящего кресла, которое бессмысленностью и никчемностью своей в этой зале неприятно саднило душу, прошел к столу, сел, взял в руки черную коробочку. Он ничего не знал, говорить не о чем, но возникло почему-то странное чувство, будто все уже понял, догадался когда-то давно, а потом забыл, и сейчас нужно не сообразить, не понять, а именно вспомнить, как вспоминаешь утром промелькнувший и забытый сон, который, кажется, не этой ночью приснился, а бог весть когда.

Коробочка была закрыта. Сидя за столом под взглядами шестерых купцов, Константинова и Шамардина, Мурзин держал в руке коробочку, силился вспомнить и не мог — память скользила по всему тому, о чем рассказывали эти люди. Ей, бедной, не за что было зацепиться.

Пепеляев не вошел, а влетел в залу, за ним — дежурный по комендатуре, двое юнкеров и Милонова.

— Ну что?

Вопрос Пепеляева обращен был к Мурзину, но Шамардин, словно именно он играл здесь главную роль, успел ответить первым:

— Ищем, ваше превосходительство... Ищем! Мурзин ничего не сказал.

— Встань,— велел ему Пепеляев.

Он встал, не выпуская из пальцев коробочку.

— Господа-а!— спохватившись, провозгласил дежурный по комендатуре.

Грибушин и Ольга Васильевна нехотя поднялись, прочие уже и так стояли.

— Садитесь, мадам,— сказал Пепеляев и снова повернулся к Мурзину.— Что, провели тебя Сил Силычи?

— Не меня одного.

— Ну, это мы еще посмотрим... Спрашиваю в последний раз, господа: где перстень?

— Скажу за всех,— ответил Грибушин.— Нам нечего добавить к тому, что мы уже сообщили вам и вашему помощнику...

Грибушин продолжал рассуждать, и Пепеляев решил, что все, хватит ходить в дураках.

— Сейчас все вы подвергнетесь повторному обыску,— объявил он.— Мадам, прошу пройти в ту комнату.

Поведя плечиком, Ольга Васильевна пошла, куда было велено. Милонова последовала за ней.

— Прощу раздеваться,— сказал Пепеляев, когда за женщинами закрылась дверь.

— Что значит раздеваться?— спросил Каменский.

— То и значит,— объяснил Пепеляев.— Раздеваться. Снять с себя одежду.

— Как?— поразился Каменский.— Прямо здесь, при всех?

— Надеюсь, вы шутите,— сказал Грибушин.

— Не более, чем вы.

— Я не стану,— плачущим голосом заявил Каменский.— Пожалуйста, обыскивайте по одному, там.— Он кивнул на дверь комнатки, куда ушли Милонова с Ольгой Васильевной.— А здесь я не стану. Мы не мужики и не арестанты, чтобы раздеваться друг при друге.

У Пепеляева дернулась верхняя губа.

— Всем снять обувь и раздеться до белья! Одежду для осмотра передавать им.— Он указал на свою свиту, которая стала расплзаться по комнате.

— А наша честь?— выкрикнул Каменский.

— Честь? Да какая у вас честь! Лучше не вынуждайте меня прибегать к силе. Я жду!

— Господин генерал!— бросился к нему Константинов.— Это невозможно. Умоляю вас, оставнитесь! Такое унижение. Как все мы потом будем смотреть в глаза друг другу?

— И вы тоже раздевайтесь,— приказал Пепеляев.

— Я?— не поверил Константинов.— Вы мне говорите?

Калмыков и Фонштейн уже расстегивали пуговицы. Один юнкер подошел к Грибушину, другой — к Сыкулеву-младшему, дежурный по коммандатуре — к Каменскому, который вздохнул и повиновался. Но Грибушин, отпихнув подошедшего юнкера, закричал:

— Не прикасайтесь ко мне!

Смирился он лишь после того, как Пепеляев с перекошенным лицом выхватил револьвер.

— Прошу вас, не надо,— шептал Константинов, с которого Шамардин грубо стаскивал пиджак: раздевал с удовольствием, наслаждаясь вновь обретенным полномочием, ловко поворачивал туда-сюда, покрикивал.

Вскоре пятеро купцов и Константинов, раздетые, стояли в нескольких шагах один от другого — на такое расстояние развел их Пепеляев, чтобы не могли передавать перстень из рук в руки. Все в нательных рубашках и в подштанниках, один Грибушин из протеста разделся донага, решив обратить публичное раздевание в спектакль, унижающий не его самого, а того, кто это затеял; стоял совершенно голый, не прикрывая срама, уперев руки в полные чресла. Из протеста же он расшвырял одежду по ком-

нате: пиджак полетел в один угол, сапоги — в другой, сорочка — в третий. Юнкера ходили, подбирали все это с полу. Константинов, стараясь ни на кого не смотреть, беззвучно шевелил губами и заслонял клоунские заплатки на белье.

Помощники генерала рылись в карманах, вынимали стельки из сапог, переворачивали и трясли валенки, щупали подкладку у пиджаков и поддевок. Под руками Шамардина треснули и разошлись по шву константиновские штаны.

И Мурзин, глядя на этих людей, почувствовал вдруг, что ему стыдно на них смотреть, одетому — на голых. Пускай эти люди, за исключением Константинова и, может быть, еще Калмыкова, не стоили сочувствия, сами всю жизнь раздевали и обирали других, но сейчас, присутствуя при их унижении, Мурзин ни малейшего злорадства не испытывал, напротив, хотелось отвести взгляд, не смотреть. Сам он никогда, пожалуй, не смог бы заставить себя сделать то, что Пепеляев сделал спокойно, не колеблясь.

Мурзин стоял у стола, сжимая в руке корбочку. Найдет генерал перстень или не найдет, было почти безразлично. Ему-то что? Жизнь кончалась. Он уже видел, как на камском льду, у прорубей, под дулами винтовок скидывают с себя жалкую одежду двое самооборонцев, раненый пулеметчик и китаец Ван-Го, которому не быть больше Иваном Егорычем. И рядом с ними стоит он сам. Прикипают к наледи босые ноги, последним холодом охватывает душу и тело. Залп, черная вода всплеснула, кровь на снегу. Шамардин аккуратно скатывает снятый

с Мурзина жилет. Хороший жилет, теплый, постирать и носить под кителем.

Мурзин вертел в пальцах коробочку, но до сих пор не открывал. Безумная надежда была: вот сейчас откроет, а перстень уже там, подкинутый перепуганным вором. Надавил шпенек, пружинкой откинуло картонную крышку. Пусто. Он потрогал кусочек синего бархата, устилающий донце, как лоскут какой-нибудь — кошачье лукошко; обломанный ноготь неприятно зацепил материю, и тогда наконец вспомнилось то, о чем все время хотел вспомнить и не мог.

Пацаном, еще в Царевококшайске, его иногда звала к себе в дом соседская барыня — играть в лото с ее больным сыном, не встававшим с постели. Играли часа по четыре кряду, и на это время им ставили у кровати тарелку с пирожными. Как-то Мурзин попросил пару штук для сестер, но барыня прочитала нотацию и не дала. А унести без спросу нельзя: когда уходил домой, горничная в прихожей обшаривала, ощупывала, чтобы чего не стибрил, раз нашла в карманах по пирожному, отобрала да еще за ухо надергала. Сестры предлагали выбросить им по пироженке в окошко, но окно выходило во двор, куда им не пробраться. Все-таки, в конце концов, додумались: Мурзин притащил под рубахой своего кота. Вместе с бариным сыном, который страшно обрадовался новому развлечению, веревочкой подвязали коту под брюхо два пирожных и пустили за окно, во двор, на улицу. А там уж его сестры караулили. Правда, во дворе, пытаясь избавиться от поклажи, кот валялся на мусоре, и сестричкам немного досталось — одни корки, давленные и перемазанные грязным кремом.

— А кошки тут не было? — спросил Мурзин, когда Пепеляев проходил мимо с чьими-то сапогами в руках.

Тот поглядел, не понимая.

— Кошки, говорю, не было? Могли к ней привязать и выпустить за дверь.

— А ведь точно, ваше превосходительство, была, — задумчиво сказал дежурный по комендатуре.

И один из юнкеров подтвердил: была кошка. Где-то около бродила, мявкала.

— Серая, — встрепенулся Сыкулев-младший.

И со всех сторон посыпалось на генерала: серая, черная, нет, серая; Калмыков с Фонштейном тоже ее видали, но им она показалась белой, как снег.

— Может, не одна была? — предположил Пепеляев.

Через минуту губернаторский особняк огласился топотом, криками: юнкера побежали ловить кошку. В течение дня ее замечали в разных местах, ремингтонистки в канцелярии слышали мяуканье, но теперь никто не знал, куда она девалась. Дежурный по комендатуре то и дело выглядывал в коридор, давал указания, где еще поискать. Обыск закончен был второпях, купцы начали потихоньку одеваться. Лишь Константинов по-прежнему стоял неподвижно, отвернувшись к окну.

Пепеляев достал часы, щелкнул крышкой: половина четвертого. Перстень пропал, шума не избежать, и Шамардин, конечно, сегодня же донесет в Омск, что генерал Пепеляев самоуправствует, игнорирует циркуляры и якшается с пленными большевиками.

Держа коробочку в одной руке, Мурзин внезапно отломил картонную крышку, освободил и вытащил стальную пружинку. Она была в точности такой же, какую Ольга Васильевна использовала в качестве зубочистки, только светлая, блестящая, без сизоватого отлива.

Вот уже и Константинов стал одеваться, грустно разглядывая порванные Шамардиным штаны.

— Капитана тоже надо обыскивать, — сказал Мурзин. — Чем он лучше других?

Вдалеке хлопнула дверь, юнкера пробежали по коридору в обратном направлении.

Пепеляев решил, что можно авансом выдать Шамардину за будущий донос.

— Давай, — сказал он. — Пускай все убедятся, что ты чист. Раздевайся.

— Да я его и так обышу, можно не раздеваться, — предложил Мурзин.

— Ишь ты! — возмутился Пепеляев. — Офицера обыскивать! Свои обыщут.

— Он у меня голый по льду побегаёт перед смертью, — пообещал Шамардин, расстегивая португую.

Грибушин, Каменский и Сыкулев-младший, уже одетые, наблюдали, как он раздевается, с нескрываемым удовлетворением. Дежурный по комендатуре взял протянутые Шамардиным галифе, вывернул карманы, всем своим видом показывая, что делает это не по своей воле, а по приказу, и на пол порхнул махонький кусочек синего бархата с почернелыми обугленными краями. Бесшумно порхнул, никто не обратил на это внимания. Быстро нагнувшись и опередив Шамардина, который тоже потянулся к обгорелой бархотке, Мурзин поднял ее, взгляделся: точно такая же устилала дно коробочки. На ладони поднес Пепеляеву:

— Гляньте-ка.

Но генерал уже не слышал и не смотрел, потому что в этот момент вбежали юнкера, передний прижимал к груди огромного рыжего кота, отловленного на дворе, за сараями.

— Он самый,— убежденно произнес Калмыков, хотя недавно говорил про белоснежную кошку, а это был кот, причем рыжий.

— Он, он,— закивал Сыкулев-младший.

Кот жмурился и закладывал уши от страха. Его завалили на стол, один юнкер прижал задние лапы, другой — передние, дежурный по комендатуре копался в густой шерсти, искал привязанный ниточкой перстень. Пепеляев стоял в стороне.

Мурзин взглянул на Грибушина, который с иронически вздернутыми бровями наблюдал суматоху вокруг кота. Уже ясно было: этот человек догадался первым, хотя и не обо всем, но никому не сказал кроме Ольги Васильевны, только ей одной. Пускай оценит его ум, его проницательность. После этого разве она сможет отказать ему в любви? И еще он хотел отплатить Пепеляеву за контрибуцию, Мурзину — за реквизицию. Сдал им карты и сел следить за игрой, усадив рядом Ольгу Васильевну, чтобы вместе насладиться их тупостью, беспомощностью, неспособностью ничего понять. А ведь знают столько же, сколько и он, Грибушин. Что видел, то им и рассказал. Пожалуйста, делайте выводы. Если не гипноз, то что?

Шамардин, скользнув мимо, шепнул:

— Отдай бархотку, отпущу, когда на Каму поведут...

Не ответив, Мурзин шагнул к Грибушину:

— Спасибо за правду, Петр Осипыч. Коробочка-то и в самом деле была пуста.

Из соседней комнатки выглянула Милонова. Убедившись, что все мужчины уже одеты, поманила Ольгу Васильевну.

— Умный вы человек, Петр Осипыч,— сказал Мурзин,— а в бабах не разбираетесь. У госпожи Чагиной свои расчеты.

— О чем вы?— вскинулся Грибушин.

— Рассказывали ей, что коробочка была пуста?

— Ну, заладил, как попугай. Я про это и вам говорил, и генералу.

— Но об одном не говорили.

— Интересно, о чем же?

— Коробочка была пуста,— повторил Мурзин.— Да. Только другая коробочка.

— Она вам сказала?— поразился Грибушин.— Она? Ольга Васильевна?

— Думаете, пожалела меня? Нет, у нее свои расчеты.— Оставив разом скисшего Грибушина обдумывать сказанное, Мурзин двинулся к Оль-

ге Васильевне; та успела заметить пружинку в его руке и смотрела, не отрываясь.

Опять возник за плечом Шамардин:

— Отдай бархотку, не то каюк тебе!

Надеясь на чудо, юнкера не отпускали кота, хотя на нем не было ничего, кроме блох. Милонова, краснея, докладывала генералу, что досмотр она произвела, но кольца не обнаружила. Внезапно Пепеляев метнулся к столу. Оттолкнув юнкеров, ухватил кота за задние лапы, крутанул в воздухе и с силой швырнул Мурзину прямо в лицо. Кот впился когтями в шею, кровь потекла за ворот гимнастерки.

— Ну? — бешеным шепотом спросил Пепеляев.— Что еще скажешь?

Мурзин стряхнул кота на пол, и тот streканул за дверь.

Все смотрели на Мурзина, лишь Грибушин — на Ольгу Васильевну, которая осторожно, бочком, все ближе и ближе придвигалась к окну.

— Да хватит ему измываться над нами! — Шамардин выхватил револьвер, но Пепеляев успел ударить его по руке снизу вверх; пуля, срикошетировав от вентиляционной решетки под потолком, с низким шмелиным гудением пролетела над головами и вошла в стену, в переборку, отделявшую залу от соседней комнатки.

Уже спокойнее, уже поигрывая отнятым у Шамардина револьвером, Пепеляев спросил:

— Так что скажешь?

Купцы, при выстреле прыснувшие в разные стороны, теперь старались держаться за спиной у генерала, чтобы случайно не угодить под пулю, если тот вздумает стрелять. Один Мурзин остался в центре комнаты.

Уже начав говорить, он заметил, что форточка в окне, возле которого минуту назад стояла Ольга Васильевна, открыта. А ведь Каменский, раздеваясь, ее закрывал, эту форточку. И лицо Ольги Васильевны вновь стало царственно-безмятежным, словно все происходящее никак к ней не относилось. Само собой, пружинку она выкинула на улицу, воспользовавшись паникой, но Мурзин продолжал говорить, потому что бархотка-то была при нем, он крепко сжимал ее в кулаке.

Открыл рот Калмыков, потупился Фонштейн, из осторожности делая вид, будто ничего не слышит; Каменский дрыгает полосатым коленом, Грибушин свесил голову на грудь, напрягся Константинов, уверенный в том, что вора найти невозможно, ибо его нет; Сыкулев-млад-

ший пытит и скребет палкой пол. Отдельно от них замерли дежурный по комендатуре, двое юнкеров и Милонова. Пуля ударила в стену над ее головой, прическу запорошило осыпавшейся побелкой, словно седина пробилась в волосах; и от этого лицо Милоновой кажется бабьим, вдруг постаревшим.

Мурзин говорил, и все, даже Фонштейн украдкой, не только слушали, но и еще и следили за его взглядом, ждали, на кого он посмотрит. А Мурзин, пожалуй, чаще всего поглядывал на Грибушина с Ольгой Васильевной. Но он решил ничего про них не говорить. Зачем, если все равно не докажешь? Пружинка вылетела за окно, пропала, и говорить о ней не стоило. Грибушин с Ольгой Васильевной могли быть спокойны. Бог им судья и совесть, ежели есть.

Кот здорово разодрал шею. Мурзин трогал царапины, пальцы были в крови. Константинов достал платок, но не успел протянуть, выронил на пол, когда услышал, что, оказывается, не одна была коробочка, а две, совершенно одинаковых, в каждой лежало по синей бархотке.

Было две коробочки, объяснял Мурзин. Одна, с перстнем, лежала на столе, другая — у вора в кармане, пустая, и незаметно поменять их местами было не так уж сложно. А вынуть прямо в кармане перстень и бросить коробочку в камин, чтобы на случай обыска избавиться от улики, — еще проще. Имени вора он не называл. Зачем? Догадаться легко, семи пядей во лбу иметь не надо. И не говорил о том, что Ольга Васильевна, с которой Грибушин поделился своей догадкой, позднее извлекла из каминной пружинку от сгоревшей коробочки — сизую, потемневшую в огне. Потом, уже на свободе, шантажируя похитителя, можно взять с него отступного. Вот что ей важно, и плевать она хотела на Грибушина с его любовью и проницательностью. У нее свои расчеты.

А у Шамардина — свои, похожие.

Но ни он, ни Ольга Васильевна так, видимо, и не поняли, куда потом девался перстень. Да и Грибушин, скорее всего, об этом не знает.

— Коробочка брошена была в огонь неудачно, не успела сгореть до конца, — говорил Мурзин, держа на ладони обгорелый лоскуток синего бархата. — Вспомните, кто угли-то в камине разгребал...

— Врет он, ваше превосходительство! — заорал Шамардин, схватив со стола коробочку с отломанной крышкой. — Где тут бархотка?

Мурзин увидел белеющее донце и все понял. Зачем, дурак, оставил коробочку на столе?

— Не верьте ему, ваше превосходительство!

Он эту бархотку сам вынул, сжег, а на меня валит. Помирать-то не хочется!

— А из чьих галифе она выпала? Все видели.

— Кто видел? Кто? — кричал Шамардин.

Видели Калмыков с Фонштейном, но промолчали, остерегаясь впутываться в эту свару, и Грибушин тоже промолчал, потому что не желал помогать ни Мурзину, ни Пепеляеву; остальные, среди них и дежурный по комендатуре, как раз в тот момент отвлечены были котом.

Свидетелей не нашлось, и Шамардин почувствовал себя увереннее. Ведь не станет же Мурзин требовать, чтобы его снова обыскали.

Пепеляев молчал, с подозрением поглядывая на своего адъютанта: почему решил вдруг стрелять в Мурзина? Он ничего не понимал, но не хотел требовать разъяснений, чтобы не выглядеть глупее других, которые, значит, что-то понимали, если ни о чем не спрашивали.

— Раз такой умный, — предложил Шамардин, — пускай скажет, где перстень.

— Ну, — спросил Пепеляев, — где? Может, в кармане у тебя лежит?

— Дайте мне двоих конвоиров и полчаса времени, — сказал Мурзин. — Я принесу.

— Так его здесь нет? Как так?

— Принесу, так увидите.

Подумав, Пепеляев ткнул пальцем в дежурного по комендатуре, затем в одного из юнкеров:

— Ты и ты... Пойдете с ним. Но смотрите у меня!

— Никуда не денется, — пообещал дежурный.

— И я с ними, — вызвался Шамардин. — Револьвер мой позвольте, ваше превосходительство.

— Чтобы застрелить его при попытке к бегству? — спросил Пепеляев. — Останешься здесь. Понял?

— Полагаюсь на вашу честь, генерал, — сказал Мурзин. — Вы помните свое слово?

— Отпущу, не бойся.

— Не меня одного.

— Иди-иди, — поморщился Пепеляев. — Много что-то разговариваешь.

Когда за Мурзиным с его конвоирами закрылась дверь, Пепеляев перевел взгляд на купцов, которые в шеренгу по одному замерли вдоль стены, ежась под его взглядом, отбрасывающим их одного за другим в сторону, как костяшки на счетах. Грибушин, Каменский, Чагина. Внезапно Сыкулев-младший выронил свою палку и медленно стал сползать по стене вниз, пока не опустился на корточки, страшно хрипя и с ужасом глядя на генерала выжупленными глазами.

Господи, ну, конечно! Кто как не он мог при-

нести с собой два одинаковых футляра? Ведь Грибушин говорил... В то же мгновение Пепеляев крутанулся на каблуках и коротко, мощно ткнул Шамардина кулаком в переносье. Сшибая стулья, тот отлетел, рухнул на пол. Напряглась и дрогнула рука с револьвером, Пепеляев едва не нажал спуск, но сдержался, швырнул револьвер Шамардину — пускай сам, подлец, приставит его к виску. И отвернулся, встал лицом в окно.

Ждал выстрела. Не дождавшись, обернулся.

Стреляться Шамардин и не думал, спокойно засовывал револьвер в кобуру, собираясь идти.

По Сибирской вниз, к Каме, затем квартал вдоль Покровки и опять вниз, уже по Красноуфимской, сначала вниз, после вверх — улица поднималась на береговой холм, по ней вышли к длинному двухэтажному зданию духовной семинарии, где недавно еще находился Дом Трудолюбия в одном крыле, клуб латышских стрелков «Циня» — в другом, а со вчерашнего дня разместился лазарет. Город за спиной курится дымами. Холодно. Скоро стемнеет. Впереди Кама, леса на противоположном берегу, сплошной грядой уходящие к горизонту, слева — мечеть, справа, над обрывом — Спасо-Преображенский собор, желто-белая уступчатая колокольня; наверху креста на ней было той условной точкой, которой отмечался город на географических картах. Вот она, эта точка, в бледнеющем зимнем небе. Где-то на правом берегу, в прокуренном вагоне, штабные сейчас тычут в нее карандашами, изогнутые красные стрелы, как кометы с хвостами, летят к ней с запада, обозначая направления ударов. Ой, летят ли?

— А сказал полчаса, — укорил дежурный по комендатуре.

— Ну, час, — ответил Мурзин. — К теще на блины опаздываешь?

Подошли к сыкулевскому дому — широкому, грузному, темному, как перестоявший боровик. Во дворе, над крышей дровяного сарая, издали заметный, торчит домик голубятни, похожий на тюремную башенку, поставленный так, чтобы камским ветром не сносило на него дым из трубы.

Мурзин сам держал голубей и сыкулевских знал хорошо, на всю Пермь славились его голоногие вертуны, на лету кубарем идущие через хвост, и хохлатые беззобые плюмажники, и розовые трубачи, и особенно чистяки — снежно-белые, ослепительно ходящие на кругах на такой высоте, что в солнечные дни теряются в сиянии, в блеске, лишь через бинокль или в корыте с водой, как в зеркале, можно тогда сле-

дить их полет. При всей своей скупости Сыкулев-младший на голубей денег не жалел, аж из Франции выписал однажды каких-то горбатых уродов с курицу величиной, но в то же время не брезговал и переманить пару-тройку с чужих голубятен. Дней десять назад сманил у Мурзина голубку — чернокрылую, с перевязками. Соседские пацаны, лазавшие по крышам, донесли, что живет у Сыкулева, в его терему. Видимо, это была месть за реквизицию; Мурзин хотел идти разбираться, да уж не до того стало: фронт надвигался с востока, Пепеляев захватил Кунгур.

— Здесь, что ли? — спросил дежурный по комендатуре.

Стоял перед массивными потемневшими воротами, и Мурзин вновь почувствовал себя кречетом, но уже не взлетающим с руки, а из поднебесья падающим на добычу: он заметил одинокого голубя — пестро-белого, с глинистыми мазками, сидящего на крыше голубятни, и померещилось даже, что видит на лапке остренький лучик, пятнышко света ценой в четыре жизни, не считая его, Мурзина, собственной. Божья птица, человечья душа, сегодня утром прошумевшая крыльями перед лицом у Гнеточкина. Этого голубя Сыкулев-младший принес в портфеле вместе с шерстяными носками и кофтой, как Мурзин когда-то — своего кота, и когда все стали уговаривать Исмагилова не упрямиться, потихоньку вышел в соседнюю комнатку, привязал перстень к розовой лапке и выпустил голубя за окно.

Постучали и стояли у ворот; в окно пробарабанили и в калитку, уже сыкулевская сожительница, откинув край занавески, увидела, кто пришел, и ждали, чтобы открыла калитку в воротах, заложенную на засов, когда от лазарета, с другой стороны улицы пьяно окликнул поручик Валетко:

— Никола-ай! Подь-ка сюда!

Стоял, пошатываясь, — рука на перевязи, фуражка ухарски сбита на затылок, мрачно манил пальцем дежурного по комендатуре.

Тот подошел, они заговорили о чем-то, как вдруг Валетко заорал:

— Шкура ты! А честное слово?

Дежурный по комендатуре стал хватать его, не пускать, но Валетко, вырвавшись, направился к Мурзину, высоко поднимая ноги, будто шел по лестнице, а здоровой рукой держась за невидимые перила.

— Очумел, харя пьяная? — тоже заорал наконец дежурный. — Куда?

Валетко остановился, глядя Мурзину прямо в глаза:

— Нашел, значит?

— Нашел,— сказал Мурзин.

— И отдашь?

— Как договорились.

— А ведь дружки-то твои там.— Валетко махнул рукой в сторону Камы.— Плывут...— Он повернулся к дежурному по комендатуре.— Ты, шкура, ему говорить не хочешь? А честное слово? Или не слыхал? Не при тебе дадено?

— Мелет, пьяный, сам не знает чего,— сказал Мурзину дежурный по комендатуре.

— Да что с нами говорить, со шкурами!— Валетко матернулся и, покачиваясь, пошел обратно к лазарету по своей невидимой лестнице.

Проводив его взглядом, который не сулил пепеляевскому адьютанту ничего хорошего, дежурный достал из кобуры револьвер, ткнул Мурзину дулом в подреберье:

— Чего встал? Иди лови.

Мурзин поглядел на птичий терем, там томилась взаперти его чернокрылая, с перевязочками. И зачем только рассказал им по дороге про сыкулевского гончика? Не пойдешь, сами изловят — не велика хитрость, достанется Пепеляеву, обернется лошадьми, подводами, фуражом, хлебом...

Уже открылась калитка, за ней маячила сожительница Сыкулева — похожая на садовую беседку, — необъятной толщины бабища, — причитала, чуя неладное. Само собой, на голубятню она залезть не могла, крыша сарая проломилась бы. Да и куда ей карабкаться по этой лесенке!

Дежурный перехватил револьвер за дуло:

— Иди! Не то счас по зубам.

И Мурзин пошел, услышав за спиной облегченный вздох юнкера, — тот, видать, окончательно убедился, что со шкурами воюет, не заслуживающими рыцарского к себе отношения, и ему стало спокойнее.

Под наставленным револьвером баба с воплями и руганью принесла ключ от голубятни. Дежурный по комендатуре остался внизу, а Мурзин и юнкер, который на всякий случай передернул затвор винтовки, взобрались на крышу сарая, откуда Мурзин уже один полез выше, к голубятне; снял замок, приоткрыл дверцу и сразу отлегло от сердца: слава богу, чернокрылая тут, сидит, нахохлившись, в уголку, одна, всем чужая, как Ван-Го в камере. Он приспустился на пару ступенек и стал ждать, когда пестро-белый порхнет в свой теремок, где колготились товарищи, лениво молотили клювами по рассыпанному пшеницу — Сыкулев утром успел разбросать, и щедро. Птицы у него были порядочные, без зова не вылетали.

Пестро-белый нерешительно царапал когтями железную кровельку, по вершку придвигался к ее краю и с подозрением, казалось, косил на стоявших внизу людей. Но вот слетел на порожек, еще помедлил и вошел внутрь церемонно, как умеют ходить только голуби, с каждым шагом подавая вперед гладкую умненную головку. Мурзин быстро нырнул вслед, и опахнуло привычным, даже на морозе не исчезающим запахом помета, воскрылий, несколько птиц вспорхнули, заполошно забили крыльями, вспугнутым пухом повеяло в лицо. Не без труда поймал он сыкулевского курьера с глинистыми мазками на перьях, перекусил нитку, потом бережно взял свою чернокрылую, оставшуюся безучастной, погладил, подышал ей в клювик, чувствуя пальцами маленькое, но живое и ровное тепло птичьего тельца, и она словно скинула оцепенение, закрутила бесхолой головкой. Мурзин почувствовал, как напрягаются у нее крылья, словно у механической птицы, когда начинаешь поворачивать ключик завода. Он привязал перстень к ее лапке, закрыл голубятню. Спускаясь, увидел внизу сыкулевскую сожительницу, она плакала, сидя прямо на снегу, кривя огромное плоское лицо. Рядом стоял дежурный по комендатуре с револьвером в опущенной руке. Уже темнеет, на правом берегу тишина — ни выстрела, ни паровозного вскрика. И в городе тоже тихо, все попрятались по домам, носа не высунут за ворота. После шести часов вечера всякая власть нынче строга и нелицеприятна: что белые, что красные.

Юнкер, ждавший на крыше сарая, сразу потянулся к перстню, хотел сорвать его с лапки, но Мурзин не дал, сказав, что пускай, дескать, их превосходительство все как есть увидят, в натуре. Сам он этот перстень второпях рассмотреть не успел. Да и что глядеть-то? Ну, колечко.

— Так ведь не тот голубь-то, — удивился юнкер. — Тот белый.

— Да я на другого перевязал, — объяснил Мурзин.

— А зачем?

— Этот красивше. Вишь, какой молодец! Нам все одно, а их превосходительство полюбятся.

Мурзин держал голубку перед грудью, белели перевязочки на ее крыльях, чуть покачивались перстень.

Юнкер приблизил к нему безусое, по-мальчишески надменное лицо, сказал доверительно:

— А шкура ты и есть...

— Жить-то хочется, — улыбнулся в ответ Мурзин.

Сарай стоял в ряду других сараев и амбаров, протянувшихся вдоль границы сыкулевских владений, с крыши видна была Монастырская, сани возле лазарета, а в противоположную сторону простирался соседский огород, где темнели две укутанные от мороза мешками не то яблоньки, не то вишни, и за огородом, за банькой и забором, за безжизненным домом, в котором не освещено было ни одно окно, параллельно Монастырской раскидывалось непривычно пустынное белое полотно Торговой улицы: лавки и магазины закрыты, ни прохожих, ни проезжих.

Дежурному по комендатуре тоже не терпелось пощупать перстень.

— Чего вы там?— кричал он.— А ну, слазьте!

Юнкера надо было скинуть с крыши, иначе бежать нет смысла, пристрелит сверху. Сделав шаг вправо, Мурзин встал так, чтобы юнкер спиной прикрывал его от дежурного,— на случай, если сразу спихнуть не удастся, и дежурный станет стрелять; приготовился ухватить винтовку за ствол, а перед тем выпустить голубку, отвлечь внимание, но спихивать юнкера не пришлось, тот первым шагнул к лестнице. Расслабленный презрением к человеку, постыдно думающему о том, как погнать врагам, расстрелявшим его товарищей, забыв про всякую осторожность, излишнюю, казалось, по отношению к такому ничтожеству, как Мурзин, более того — унижающую самого конвоира, юнкер спокойно, даже не обернувшись, первым начал спускаться по лестнице. Он еще не успел ступить на землю с последней ступеньки, как Мурзин с силой подбросил вверх свою чернокрылую и сам, пригнувшись, в тот же момент спрыгнул в огород по другую сторону сарая.

Хрен им! Если и убьют, перстень все равно не получат. Кому придет в голову искать на мурзинской голубятне? Да и вдвоем далеко не побегут, один останется караулить. Им не его поймать важнее, а голубя. Голубь-то, они думают, сыкулевский, полетает и сядет на ту же крышу. А вот хрен им!

Он спрыгнул в огород и побежал в сторону Торговой. На бегу заложил три пальца в рот, оглушительным свистом разорвало воздух, ударило снизу в пернатое тельце, голубку словно еще раз подкинули — уже там, в высоте, она стремительно взмыла вверх и пошла, пошла над крышами в темнеющем низком небе, пропала, после чего бахнуло два выстрела, револьверный и винтовочный — то ли голубке вдогонку, то ли Мурзину. Он махнул через забор, пересек улицу, краем глаза увидев сзади, на крыше сыкулевского сарая, силуэт юнкера с нацеленной в

небо винтовкой, нырнул в чей-то палисадник и минут через пятнадцать, никем не преследуемый, огородами уже выбирался к своему дому — напрямик, вслед за чернокрылой.

Ночью, отсидевшись в овраге за Петропавловским собором, он по льду уходил на правый берег. Голубку запереть не стал, отпустил на свободу, чтобы не изжарили соседи; перстень, снятый с ее лапки, завернутый в тряпочку, лежал в сапоге. От снега и простора над Камою было светло без луны, могли заметить с обрыва, и он шел быстро, почти бежал по узенькой тропке — вдалеке она виделась отчетливо, а вблизи то и дело терялась, ускользала из-под ног, сапоги проваливались, хотя и неглубоко, потому что снег здесь раздувало ветром. Под ним бесшумно текла Кама; двое самооборонцев, начпуль Лесново-Выборгского полка, насмерть стоявший позавчера у Петропавловского собора со своими восемью пулеметами, и китаец Ван-Го плыли во мраке, в ледяном крошеве, их волокло течением, переворачивало, поднимало вверх, обдирало лица о ледяной потолок. В кладбищенском логу лежали рядом неукротимый Мышлаков, родившийся в ста шагах от этого лога, и Яша Двигубский, занесенный сюда из какого-то местечка под Минском. Город оставался за спиной, отодвигался в темноту, ветер свистел, как в трубе, потом вдруг совсем близко Мурзин увидел сосны правого берега и пошел осторожнее — впереди показались мостки у конепойных прорубей. Проруби затянуло тонким ледком, под ним плоскими черными пузырями играла вода.

«Катастрофа на Уральском фронте началась с боев под Кушвой, где были расположены части 29-й дивизии. Полки этой дивизии находились бесценно в боях пять месяцев, потеряли наиболее боеспособный элемент из сознательных уральских рабочих, к моменту неприятельского наступления не получали хлеба пять дней и при наступивших 25—30 градусах мороза не имели ни валенок, ни теплой одежды... В штабе армии образовалось засилье чуждых Советской власти элементов, относившихся привычно чиновничьи к чужому для них делу. Что же касается партийных товарищей, занимавших ответственные штабные должности, то они растворились, ассимилировавшись в чуждой им среде, потеряли связь с партией, а вместе с тем и чувство партийной ответственности за дело, им врученное... Не было развито должной инициативы

для использования всех имеющихся ресурсов и не было принято самоочевидных мер охраны, как посылка в сторону противника разведки, как выставление в оголенные со стороны города участки фронта застав (Мотовилиха, Сибирский тракт)...»

Из доклада Уральского областного комитета РКП(б) в ЦК РКП(б) о причинах падения Перми и необходимости расследования обстоятельств поражения 3-й армии. 30 декабря 1918 г.

«Генерал Пепеляев! Вы думаете в феврале взять Якутск, в марте — всю область, в апреле — Бодайбо и Киренск, а весной наступать на Иркутск, затем форсированным маршем пройти Сибирь и в 24-м году быть в Москве. Но суровое лицо жизни — это железная действительность, а не роман, не сказка... Я вспоминаю кавказскую басню про барана, который ожирел и стал просить бога, чтобы тот послал ему встречу с волком. Не будьте же глухи и слепы, не проливайте напрасно крови! Вторично предлагаю вам сложить оружие и сдаться на милость Советской власти. Помните, что она сильна и непобедима, и добровольно сдавшегося врага почти всегда милует».

Письмо краскома И. Я. Стродта к А. Н. Пепеляеву, который в Харбине собрал отряд бело-гвардейцев-эмигрантов, высадился на Охотском побережье и двинулся в глубь Якутии. 1 марта 1923 г.

«Я лично окружил штаб, где находился сам Пепеляев, и стал требовать, чтобы мне открыли, и приказал взятому с собой полковнику Варгасову передать через дверь, чтобы они сдавались, так как дома окружены, и что нас много, и я им даю гарантию сохранения жизни до народного суда. Через десять минут открыли двери, я забежал и увидел около десяти человек, часть из них были в одном белье, генерал же одет. На вопрос мой, кто Пепеляев, он ответил: «Я». Я подал ему руку и предложил сейчас же предложить гарнизону сложить оружие, на что он с колебанием дал согласие...»

Из донесения командира экспедиционного отряда С. С. Вострецова о ликвидации остатков пепеляевской «Сибирской добровольческой дружины» в районе Охотска и Аяна. Июнь 1923 год.

«Приговорен судом к расстрелу, замененному ВЦИК 10-летним заключением».

«Как колчаковица была, я, ребята, проживала у отца в селе Нижние Муллы. А когда красные Пермь назад взяли, и Сергей Павлович с ними вернулся. Сперва в милиции служил, а потом отпросился у начальства обратно в завод. Он, милые мои ребята, слесарь был, по орудийным замкам. Тогда уж у нас был сын Ванечка по фамилии Мышлаков, приемный. Он когда вырос, Ванечка-то, хотел нашу фамилию взять, но Сергей Павлович говорит: «Нет, носи отцову...» Отца его белые расстреляли, а Ванечку на этой войне убило. Хороший был мальчик и к технике очень способный. Сам телефон сделал. У нас ни коровы не было, ни козы, а молоко брали у соседей, Вороновых, они за три дома жили. Ванечка к ним телефон и провел. Вечером позвонит, спрашивает: «Что, корову-то подоили?» Марья Воронова говорит в трубку: «Подоили, иди уж!» Он тогда берет банку и идет. А иной раз скажет, не подоили еще. Ну, он тогда не идет...»

Из воспоминаний Натальи Степановны Мурзиной, записанных учениками школы № 9 г. Перми. Апрель 1969 г.

Корреспонденция для космоса

Семнадцать лет назад в космос были запущены два советских корабля — «Союз-4» и «Союз-5».

Радостной была встреча экипажа первой в мире орбитальной пилотируемой станции. Вот тогда космонавты Евгений Хрунов и Алексей Елисеев передали Владимиру Шаталову, стартовавшему на день раньше, газеты и письма. В пакете с корреспонденцией был конверт с таким адресом: «Космос, командиру корабля «Союз-4» Владимиру Шаталову». Обратный адрес: «Земля, космодром, Н. Каманину». Сейчас это почтовое отделение находится в музее Звездного городка.

А нужно ли посылать письма в космос? Ведь космические корабли надежно связаны с Землей радиотелевизионной и телетайпной связью. Вот как ответил на этот вопрос Георгий Гречко:

«Никакая, даже самая совершенная система связи не заменит весточку с Земли. Невозможно передать наши чувства, когда мы держали в руках письма — слова привета от жен, детей, от друзей и товарищей».

Когда на «Союзе-6» работал польский космонавт Мирослав Гермашевский, у него спросили, нашел ли он в документах тайком положенное туда письмо жены.

— Да, нашел, — ответил Мирослав, — приятно было получить. Давно от нее таких писем не получал. Стоило полететь в космос, чтобы жена написала мне теплое, хорошее письмо.

Георгий Гречко вместе с Юрием Романенко более трех месяцев трудился на орбитальной станции «Салют-6». Почта к ним пришла на корабле «Союз-27». А корабль «Союз-28» — его пилотировали Алексей Губарев и чехословацкий космонавт Владимир Ремек — доставил на борт станции решение Министерства связи СССР об открытии первого в мире космического отделения связи. Его начальником был назначен Георгий Гречко.

Миллионы телезрителей наблюдали, как гасили почтовую корреспонденцию в условиях невесомости. Георгий Гречко пробовал ставить штемпель, подкладывая под конверт и специальные резиновые подушечки, и обложку бортового журнала. Лучшие оттиски штемпелей получились тогда, когда ему пришла мысль использовать для гашения... подлокотник кресла Юрия Романенко. Письма с орбиты предназначались почтовым музеям, совету «Интеркосмос» при Академии наук СССР, Всемирной филателистической выставке «Прага-1978»...

Б. БОРИСОВ

ВСТАНЬ, далёкий ОБРАЗ ДЕТСТВА!

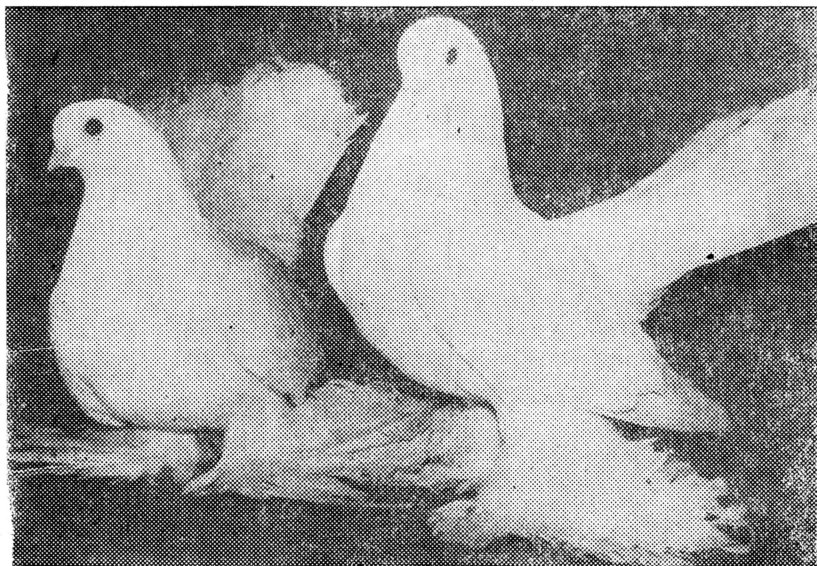
Сергей ОБРАЗЦОВ,
народный артист СССР

Голуби. Опять у меня, как в детстве, голуби. Много голубей. Сто двадцать. Шестьдесят пар. В детстве больше шести-семи пар не было...

Разные голуби. Я постараюсь породы перечислить голубятникам на зависть. Павлины белые и черные. Грудь надутая, голова затылком на спине лежит. Хвост веером... Драконы черные и белые, шея длинные, вокруг глаз и на клюве наросты... Карьеры — коричневые... Якобины — коричневые, с такими шалевыми воротниками, что только клюв торчит, а голова вся в воротник ушла (на модную даму похоже). Чайки с такими коротенькими клювами, что выкормить детей они не могут... Жаворонки с розовой грудью (мне их подарили). Варшавские — «ясные», светло-светло-серые (замечательные летуны). Римские, я их в Брюсселе на рынке купил... Чеграши березовые... Мне они по наследству достались от умершего дворника... Неповторимый был человек, прямо-таки поэт голубиный... В общем, сто двадцать летунов. Значит, по крайней мере, пятьдесят-шестьдесят пар в небе...

Непередаваемое счастье. Свободные, вольные, красивые, счастливые, а мои, мои. Все прилетят, сядут на крышу голубятни, потом по очереди на приполлок. Прошелкают сквозь проволочные прутья хитрого окошка и войдут в голубятню. Я по лестнице туда же. Протяну ладонь с подсевом, и будут они доверчиво клевать с моей ладони зерно...

**В этом выпуске
мы расскажем о старинной русской
(и не только русской) затее,
увлекавшей издавна
и мальчишек, и взрослых,—
о вождении голубей.**

Эдик АКСЕНОВ:

«ХОРОШО, ЧТО У МЕНЯ ТАКАЯ БАБУШКА!»

«Уважаемая редакция! По вашей просьбе побывал я во всех концах Златоуста, нашел нескольких ребят, которые увлекаются голубями. Но... один плохо учится, другой — на учете в детской комнате милиции, третий держит голубей тайком от родителей, его нельзя выдавать. Выбрал Эдика Аксенова, хороший паренек, и записал разговор с ним. Эдика четырехмесячным бросила мать, и с тех пор они живут вдвоем с бабушкой, которая получает пенсию шестьдесят рублей — на эти деньги и живут. Если материал появится в журнале, перешлите, пожалуйста, гонорар Эдику Аксенову. Его адрес: Златоуст, Чапаевский поселок, ул. Нижняя Береговая, 53.

Юрий МОРКОВКИН».

Если бы не моя бабушка Матрена Матвеевна, я никогда бы не смог завести голубей. Я учусь в ГПТУ-28, буду вальцовщиком, как дедушка. А тогда в шестом классе учился... Нашел как-то голубя израненного. Принес домой, прошу бабушку: «Пусть денек побудет!» А бабушка дает мне пять рублей и посылает на базар: «Иди, купи себе еще голубку». Перемахнул я по железным мостам через завод и — на базар. Туда-сюда мечусь: здесь рыбок продают, там — маленьких птичек... Где же голубей продают? Мне говорят: «Вон, за забором». За забором мужики пьяные стоят, голубей держат...

Постепенно я разбогател. Построил у дома голубятню, метр на метр, из досок и брусьев, что остались от дедушки в сарае.

А потом украли моих голубей, всех... Ночью, когда спал. Разломали и голубятню мою, только два следа на снегу в огороде оставили. Ходил я на базар — может, кто продает моих голубей, ждал, что сами прилетят.

— Не жди, Эдик, — сказала бабушка. — Они бы уже прилетели, голуби свой дом знают.

Бабушка заняла десять рублей, и я снова купил пару голубок, и еще двух голубей подарил мне дядя Егор Чоботов. Сейчас их у меня уже шесть. Голубятню пришлось обить железом, сделать двойную дверь. Огромный замок теперь повесил.

Многие ребята, с кем я учусь, тоже хотели бы иметь голубей. Но одним негде держать, другим родители не разрешают: «Голубятник — фу, позор какой... А потом собак гонять начнешь». В школе голубятников-мальчишек за последних считают.

А что плохого в том, что ребята любят всяких животных и птиц, и голубей тоже? Бабушка рассказывает, что в Чапаевском поселке сколько-то лет назад жил Михаил Иванович Захаров. Он свою баню на огороде приспособил для птиц. Мальчишки к нему ходили, как в академию, он их учил кормить птиц, понимать их.

Хорошо, что у меня бабушка такая. А других кто научит?

ПТИЦА-СВЯЗНОЙ

Павел ПАТОКА

Голуби впервые полетели с важными сообщениями 5000 лет назад. Египетские мореплаватели брали их с собой в рейсы, греки во время Олимпийских игр оповещали с их помощью об одержанных победах...

В первой мировой войне на сторонах воюющих стран использовалось более миллиона «почтарей»... Перед началом Великой Отечественной войны в Красной Армии была военная специальность — офицер голубесвязи. Военные голуби имели на лапке портдепешник; возможность их перехвата, в отличие от радиосвязи, исключалась, и подстрелить их на высоте было практически невозможно, поэтому с голубями отправляли разведанные даже открытым текстом. За время войны птицы доставили в тыл около 15 000 донесений... Связь давно стала более совершенной, но одна армия в мире — швейцарская — и по сей день использует голубиную почту: на службе у нее находятся 40 000 голубей.

Первое любительское общество в России основано в 1890 году в Киеве; спустя три года появилось Всероссийское общество голубеводов, открыт первый в мире журнал «Вестник голубиного спорта». Голуби тех лет совмещали в себе декоративность, элегантность и обязательно полет, высокий и продолжительный. Выдающиеся летуны оставили свои клички в истории: одесские фавориты «Красноголовый» и «Орел белый», московский «Князь Серебряный», оставили свои имена и люди, много сделавшие для отечественного голубеводства: москвичи братья Крохины, И. А. Шербина из Кременчуга, знаменитый одесский заводчик К. И. Томчик и многие другие.

На Украине после войны с фашистами породистые голуби были почти полностью истреблены, лишь у наиболее отчаянных любителей сохранились отдельные экземпляры. Но именно на Украине в 1954 году группа энтузиастов вновь создала секцию голубеводства, и уже через год в Киеве состоялась первая выставка...

По данным Юнеско, нынче в мире насчитывается восемь миллионов голубеводов-любителей. Так что человечество не спешит расставаться со своим «детским» увлечением...

НЕ ПО МОДЕ — ПО ДУШЕ

Юлия НЕКРИЧ

Геннадий Васильевич Комаров через порог шагает осторожно... Полна горница голубей, больше сотни, вместе вылетят — в полнеба стая! В голубятне жилплощадь ограниченная, порядок для всех жильцов строгий: отвели тебе место на этаже — обзаводись гнездом, других не задевай. В тесноте, да не в обиде. Голубятню Комаров держит вместе с братом, Юрием Васильевичем. А то ни в сад, ни в отпуск голуби уехать не дадут, и чужому их не поручишь — беспокойства с ними много.

Утром, перед тем как из гаража ехать (Геннадий Васильевич в «Свердловскторфе» работает шофером) — в голубятню успей; со смены явишься — снова туда, корма запаси, тепло наладь...

Тридцать шесть лет он — с голубями, и ничем другим за это время не соблазнился. Даже в армии несколько пар при нем было: с командиром повезло, не препятствовал.

— Голубь в полете — радость, и дома тоже — радость, — говорит Геннадий Васильевич. — Я и без дела, бывает, зайду в голубятню, просто так, поздороваться... Вот этот узнает, приласкать дается, угощение из рук принимает. А тот — нелюдим, не встретит никогда, из гнезда головы не покажет, зато голубь толковый, памятный...

Одни голубеводы отдают предпочтение декоративным породам, ценят птиц за красоту, за наряд. Комаров держит только лётных. А летунов под замком держать — все равно что портить, поэтому Геннадий Васильевич на метеоусловия не смотрит, полетов старается не отменять даже в осеннее ненастье, даже при ветре сильнее умеренного. В лютый мороз, понятно, не выпустит, на этот случай в голубятне «лоджия» имеется. Но есть день, когда голуби непременно отправляются в полет — 9 мая...

Не то дорого, что велика коллекция у Комарова, главное в ней — как птицы подобраны. Вот хоть уральские чернозобе, порода, еще дедами-прадедами в наших краях выведенная — красота в ней, сила, а летуны какие!.. У гривастых своя отличка, у урюпинских своя... Сразу видно, кто какого роду-племени. У Комарова много дипломов с разных выставок, в них баллы начислены за окрас пера, за размах крыла... В переводе с баллов это означает: в хороших руках голубь — и красота при нем, и порода.

Не так часто нынче доброго голубя в небе увидишь. Голубятни диковиной стали.

— На балконах голуби пока не живут... — говорит Геннадий Васильевич. — Все-таки нам проще было: притащишь на чердак, на крышу ящик — и порядок. И такие знатоки среди ребят водились!.. Сейчас голубям места нет. Еще говорят: мода прошла, время другое. Кто ж спорит... А все же вернее, когда не по моде — по душе!

...А время на дворе известно. Время голубей выпускать.

Фото Анатолия Лаптева

...НА КОГО ОСТАВИМ ?!

Вячеслав ШОРИКОВ

Скоро уже пять лет, как я живу в Ольгино. Двадцать четыре минуты езды на электричке от Финляндского вокзала... Некогда Ольгино — один из любимейших дачных пригородов; впрочем, и нынче снять здесь дачу ничуть не проще, чем в Комарово или в Солнечном... Из разговоров со старожилками знаю: еще два-три десятка лет назад в Ольгино едва ли не на каждом сарае или чердаке была голубятня — «шарабан», как здесь называют. И местные жители — что взрослые, что пацаны, — гоняющие голубей, никого не удивляли, как никого нынче не удивляет бесконечная летняя очередь в пивной ларек... Сегодня, чтобы пересчитать в поселке голубятников, хватит пальцев одной руки.

С одним голубятником я знаком лично. Наши с Валентином Александровичем Филатовым дома стоят рядышком. Филатовский шарабан, оборудованный на крыше высокого сарая, я вижу из окна. Голубей Филатов держит еще «с пацанов».

— Чего тут много говорить, я их люблю!.. — прямо высказался Валентин Александрович. — И развести люблю, и людям подарить...

В шарабане живут семь пар голубей — николаевские и гриваки.

— Сложно держать голубей? — спросил я.

— Здесь, в Ольгино?.. Сложно. Ястреб бьет!.. — Филатов вздохнул. — Очень много ястребов, выпускать рискованно, особенно зимой. Голубя они сразу видят. Да и вороны помогают... Поднимется голубь в воздух, как ворона тут же начинает орать — ястребу знак подает.

Я как-то сразу не догадался и встрял:

— А ей-то, вороне, какая выгода?

— Прямая, — усмехнулся Филатов. — Обьедки...

Года три назад по чьей-то неосторожности сарай загорелся. Ночью пожар случился. Тушить выскочили все соседи, и я в том числе. Напомнил я ту ночь Филатову. Он аж в лице переменялся:

— Сколько «детей» погорело!.. Я бы их изо рта выкормил, они ж с наперсток были... Выскочил — надо голубей выручать, распахнул шарабан, а они в гнездах сидят, не шелохнутся — какая мать детей бросит?! Голубь, может, самая преданная птица. Да и мне они — что дети. И пожалеешь, и нашлапеешь, бывает, если напроказничают...

У Валентина Александровича есть сын-шестиклассник и дочь. Дочь увлечена будущей профессией швеи, сын — футболом.

— Иногда с работы приду, спрошу: «Сынок, ты почему голубей не покормил?..» А он мне: «Пап, мне они не нужны!» Видать, не каждому дано... — с го-

речью поведал Филатов. — Голубей держать — дело колготное. И накормить чем-то надо, и клетку почистить. Или вот, за зиму голуби летать напрочь разучиваются, заново учить — все одно, что ребенка учить ходить. Потом, голубь птица такая, что грязную воду пить не станет, я посуду с хлоркой мою. И украсть их могут — это вообще беда...

Да, футбольный мячик гонять куда проще, чем голубей...

...В Ленинграде «птичьим» определен Кондратьевский рынок. По воскресеньям там можно купить рыбок, певчих птиц, кроликов, куриц, в том числе и голубей. Я сказал Филатову, что в ближайшее воскресенье собираюсь на Кондратьевский. Валентин Александрович заметил:

— Чтобы купить хорошую птицу, надо встать затменно.

В воскресенье в семь тридцать утра я был на рынке, разговаривал с голубятниками.

Картотека мнений

Сергей ЗИНОВЬЕВ,
17 лет, ПТУ-31:

— Держу голубей два года. Голубятню построил на чердаке, нелегально. Но пока никто не ругает... Люди сейчас просто не знают, что такое голуби. Я в ЖЭК пришел, подхожу к женщине: «Что нужно для того, чтобы иметь официальное разрешение держать голубятню на чердаке?» У женщины — глаза на лоб: «Какие в наше время могут быть голуби?! Заразу разносят!.. Помет горит!..» И отказала. Наотрез.

Вячеслав Иванович ВОЛКОВ,
49 лет, машинист насосной станции:

— Голуби у меня живут всего шестой год, до этого увлекался канарейками, рыбками. А потом, глядя на знакомых, приятелей, решил завести домашних голубей. Приехал на рынок, взял пару гриваков и поселил на подоконнике. После сварганил маленький шарабанчик — окна у меня во двор. Парочка моя вывела потомство. А тут освободился чердачок — сосед съехал, вот я его и занял. Сейчас у меня пятнадцать пар.

Жаль, что слишком мало пацанов голубями интересуются. Нужна толковая пропаганда. Писать надо больше о голубях, по телевизору показывать, выставки устраивать. Дело-то, с какой стороны ни глянь, хорошее. Взять хотя бы мой чердачок: пока он пустовал, там пацанва собиралась курить, безобразничать, а сейчас приходят на голубей посмотреть... Но сами что-то пока заводить не решаются.

Игорь ШМАРА,
14 лет, ленинградская школа № 158:

— Ездил к бабушке на Северный Кавказ, там многие ребята увлекаются голубями. И я загорелся. Держу голубей дома, в квартире. Две пары, желтые турманы. Родители пока еще не против. Трудностей не боюсь. Голубятню хочу оборудовать на чердаке — на днях сходим с мамой в ЖЭК за разрешением. Думаю, основные трудности ждут меня там, в ЖЭКе...

Анатолий Иванович ЗУБРИЛОВ,
43 года, плотник совхоза «Федоровский»:

— Хотел бы иметь чистопородных голубей, приехал на рынок за николаевской голубкой. Пока ничего путного не вижу: у одной клюв не тот, у другой хвост не чисто-белый... Раньше в нашем поселке голубей держали трое, а теперь один я остался. Не дают поставить голубятню — санэпидстанция взъелась, и совхозное начальство против, так ничего и не смог добиться. Остался от родителей домишко, там и держу. Вообще-то голубятник считается вроде как несерьезный человек. Меня частенько спрашивают: «Мол, что тебе это дает?» А я держу не ради наживы. Зайду в голубятню и люблюсь на них... А вот сын к голубям спокоен, хотя и напоит, и покормит, если попрошу.

Дима КАЗЕННОВ,
16 лет, живет в Тосно:

— У нас свой дом. Голубей держу не так давно, с шестого класса. Знаете... Совсем нет книжек о голубях!.. Как ухаживать? Как разводить? Как шарабан построить? Конечно, можно у кого-нибудь спросить, но всё-то не спросишь, да и не каждый голубятник в сё знает... Я однажды купил голубку за десять рублей, привез домой. Подержал дня три, не утерпел и выпустил на парю с голубем. Летали они высоко, по кругам. Потом гляжу: голубка начала отходить в сторону... Так и улетела.

Виктор Петрович ЕГОРОВ,
48 лет, старший инженер геодезической службы:

— От меня не улетают!.. Поверьте на слово, голуби, как люди, от добра добра не ищут. Я вот принесу птицу, она сразу начинает соображать: будка просторная, светлая, сухая, сквозняков нет, корм разнообразный, уход лучше некуда — зачем улетать?! Что покупаю здесь?.. Рад бы купить, да нечего. Породы выводятся, исчезают.

Евгений Михайлович ЗАМОСКОВСКИЙ,
подошел сам, представился:

— Доцент кафедры зоологии Ленинградского пединститута, заместитель председателя городского клуба голубеводов... Вам непременно нужно познакомиться с Серлиным, нашим председателем. Это и есть тот самый истинный голубевод и знаток, которого вы ищете... Голубевод с большой буквы! Боюсь, что второго такого в Ленинграде вы вряд ли найдете...

Анатолий Яковлевич КУЗНЕЦОВ,
74 года, архитектор, инвалид войны,
живет во Всеволожске:

— Голубями занимаюсь, ни много ни мало, шесть десятилетий, да еще с гаком... Мне достаточно увидеть голубя, и сразу определяю: лётная это птица или нелётная. У меня как бы две цели: селекционная и воспитательная.

По моему глубокому убеждению, голубеводство — замечательное средство воспитания. В пример приведу моего знакомого, Вячеслава Демина. Сейчас он — уважаемый рабочий, высококвалифицированный слесарь, отличный семьянин, просто хороший человек. А когда я впервые с ним познакомился, Славику было двенадцать лет. Он считался трудным ребенком трудных родителей. Пришел ко мне и говорит: «Продай голубей!». Я ему и отвечаю: «Мальчик, я тебе не то что в отцы, в деды гождусь, со мной на «ты» не выйдет. И голубей я тебе не продам. А вот если будешь достойно себя вести — просто отдам». Короче, парнишка привязался и к голубям, и ко мне. Мы с женой ему и дни рождения отмечали, и помогали, чем могли. Славику нам из армии писал чаще, чем друзьям. А когда я болел, он не только в больницу приезжал, но и домой — помогал белье стирать...

Надя РЫЖИКОВА,
15 лет, школа № 176:

— У нас дома всегда много животных и птиц. Сейчас даже лягушка живет. А голубей мы держим с папой. Это очень-очень красивая птица, добрая, нежная. Я пытаюсь изучить голубиный язык. Папа иногда скажет что-нибудь голубю, а он в ответ воркует, что-то тоже говорит... У меня есть подруги. Приходят к нам в гости, как в зоопарк. Им все у нас нравится.

Коля ЧИТОВЕЦ,
15 лет, школа № 165:

— Держу голубей вместе с другом. Голубятню оборудовали в бывшей трансформаторной будке — разрешили дворники. У нас было шесть пар — кружастые и николаевские, недавно их украли. Понятно, что голубятники... Теперь надо все сначала начинать. Деньги на голубей дает мать. Сколько попрошу — столько и дает. Сегодня, например, дала двенадцать рублей...

Я провел у «первого голубятника Ленинграда» несколько часов. Наум Маркович Серлин принял нас прямо в питомнике. Впрочем этому капитальному сооружению, построенному на крыше ведомственного гаража, по-моему, подходит больше название «голубиный дворец»... Четыре просторные секции. Подсобное помещение. Центральное отопление. Водопровод, электричество...

— Этот питомник обошелся мне в кучу денег!.. — сказал Серлин. — Ну, деньги это чепуха... Можете представить, сколько все это стоило здоровья, если разрешения пришлось добиваться в Москве!..

Этот человек буквально посвятил жизнь одной цели — сохранить для потомков гордость отечественного голубеводства — русского короткоклювого турмана. Не надо быть специалистом, чтобы оценить красоту, изящество, статность этих замечательных птиц.

— Вот за эту белую голубку один приезжий из Казахстана предложил мне пятьсот рублей и грозился дать еще больше... Пришлось объяснить товарищу, что деньги здесь ни при чем...

Первой задачей созданного им клуба Серлин считает собрать всех ленинградских любителей. Сегодня их более двухсот. Только в клубе возможно привить навыки и получить знания по содержанию, кормлению, уходу, разведению птиц, возродить традиции.

Еще в трамвае, когда мы ехали к Серлину, Евгений Михайлович Замосковский посвятил меня в суть проблемы «голубевод — голубятник». Голубевод — человек, который занимается культурным разведением голубей, вооружен знаниями, понимает свою работу как труд, а не одну забаву — это, если хотите, моральный человек. Голубятник же, к сожалению, может держать голубей ради наживы, может украсть их, проникнуть в чужую голубятню со сварочным аппаратом в руках, может обменять голубку на бутылку... Разумеется, не все голубятники такие, порой им просто не хватает общей культуры, образования.

Раньше крестьяне на Руси говорили: с того места, где не живет голубь, надо уходить!

Известно, некогда городским «сизарям» была объявлена настоящая война. Появились «научные» статьи, брошюры, кандидатские диссертации, доказывающие, что дикие голуби являются разносчиками орнитоза. Тут же нашлись «энтузиасты», которые с азартом, достойным лучшего применения, начали голубиную бойню.

Во-первых, заметил Серлин, есть мнение главного санитарного врача страны академика П. Н. Бургасова. Этот авторитетнейший специалист, уважаемый человек публично заявил, что те статьи и брошюры неправомочны. За двадцать лет в Москве не было зарегистрировано ни одного случая «голубинового» заражения человека орнитозом.

Во-вторых, уничтожение «сизарей» обернулось нередкими проявлениями детского садизма. Да, да... В ленинградском клубе голубеводов хранится фотография, на которой запечатлены два десятка повешенных голубей...

— Диких голубей разводится угрожающе много

там, где есть бесхозяйственность, антисанитария, — убежденно говорит Н. М. Серлин. — Санэпидстанциям, вместо того чтобы пропагандировать физическое уничтожение голубей, лучше бы заняться своими прямыми обязанностями — навести санитарный порядок в первую очередь в местах помоек. А домашние голуби знают только свой дом — ни грязи, ни заразы от них тем более нет. Вот вы спрашиваете: как возродить былой интерес к голубям, в первую голову — у пацанов? Да вот с этого!.. С устранения искусственных препятствий! Десятки примеров, когда ЖЭКи отказали юным голубеводам в разрешении держать голубей... Но ни одного примера, когда кто-то где-то помог на чердаке оборудовать голубятню... А разве нельзя без нервоотрепки выделять необходимые фонды на зернофураж? Наладить промышленное производство голубятен?.. Переиздать уже известные и полюбившиеся книги или написать новые?.. Сейчас, как грибы после дождя, появляются подростковые клубы по месту жительства. Шахматные, авиамодельные, спортивные — да, прекрасно! Но чем же хуже — кружок юного голубевода?..

...Во время нашего разговора в питомник заглянул сын «первого голубятника Ленинграда». Зашел и тут же вышел...

Серлин вздохнул:

— Абсолютное равнодушие... Удивительно! Голубеводами были его дед и прадед...

Я знаю: у Серлина нет ни машины, ни дачи. Двадцать лет он не был в отпуске... Ему стукнуло семьдесят три. В своем питомнике он проводит по шесть-семь часов ежедневно.

— На кого голубей мы оставим?.. На кого оставить то, что с таким трудом сохранили? — в тяжком раздумье сказал он.

Действительно, НА КОГО?..

Голуби водятся повсеместно на земном шаре, кроме Арктики и Антарктиды.

Из энциклопедии

Голубиные соревнования проходят так. Накануне назначенного дня пернатых спортсменов привозят в судейскую коллегию, где их метят контрольными кольцами. На завтра, ровно в семь утра — старт. Расстояние от места старта до голубятни в родном городе составляет чуть не полстраны. Но с самого первого взмаха крыльев голубь летит напрямик домой. Как ориентируется? А вот это до сих пор загадка...

Все породы домашних голубей (около 150)... произошли от сизого голубя.

Из энциклопедии

...И голуби-монахи с распущенными хвостами, и шикарные павлины, и космачи с крыльями долу, как рыцарский плащ, и останкинский белый голубь, выведенный к одному из Всемирных фестивалей молодежи, все-все они — родственники дикому сизарю. На примере голубей наглядно видно, что методом отбора человек может создавать породы, какие только пожелает; может не только отнимать у природы, оставляя лишь редкие виды, но и обогащать ее новыми.

●

Москвич Вадим Аполлонович Романов по профессии — военный. Всю жизнь, только с одним перерывом, когда был на фронте, он занимается голубями. От одного увлечения родилось другое. В. А. Романов собрал уникальную коллекцию всего, что только имеет изображение этой птицы: значки, марки, открытки, плакаты, этикетки, фантики, сувениры, даже полиэтиленовые мешки.

●

И ДЕЛО, И ИГРА

Анатолий МИНИН

Рисунок Владимира Ганзина

Разведение голубей когда-то было такой же страстью, как ныне езда на монетах. Голубь был все — дело, игра, слава, азарт, общение, счастье... И всегда были истинные любители и знатоки этого дела. Да и есть пока, не перевелись еще.

Председатель общества голубеводов в Уфе главный инженер нефтегазодобывающего управления Иван Сергеевич Бражников верность своим «бабочкам» сохраняет всю жизнь. «Бабочками» называют голубей, которые поднимаются вертикально и машут при этом крыльями, как бабочки. Рядом с голубиным питомником Ивана Сергеевича на крыше вагончика, непонятно для каких нужд оставленного среди многоэтажек, соседи-мальчишки, глядя на Бражникова, сварганили из тарных ящиков подобие будки и держат собственных голубей...

Еще один энтузиаст — наладчик цеха «Курганарххимаша» Николай Васильевич Сластиников. В его цехе проходят практику ребята из СПТУ-3. Николай Васильевич задумал поставить для них голубятню прямо на территории училища. Некоторые ребята, из сельских, как правило, на выходные едут к родителям. Будет голубятня — они смогут послать из дома весточку друзьям, оставшимся в общезжитии...

Мало что знают нынешние ребята о голубях. Для настоящего знатока кощунственно даже слышать, как путают почтовых с декоративными... Но мало кто и может рассказать ребятам об этих птицах. О том, что в заповеднике Аксу-Джабагли в Казахстане существует целая колония скалистых голубей; что инки, даввшие названия птицам в соответствии с их пением, нарекли голубя воркующим словом «урпи»; что рабочие московского завода имени Владимира Ильича специально к фестивалям раз-

водят голубей... И многое-многое другое!

Голуби удостоились, например, памятника от благодарных парижан. В 1870 году, когда немецкие войска осадили столицу Франции, важные сообщения и частные письма отсылались с голубями. Письма помещались в капсуле из пологого конца гусиного пера, залепленного воском. Капсулу крепили вместе со свисточками, отпугивающими пернатых хищников. Немцы специально дрессировали против воздушных почталыонов соколов и ястребов, но несмотря на это «почта» работала исправно до конца осады...

Известно, что почтового голубя можно приучить совершать перелеты на 700 и даже 1000 километров: он не свернет с пути и нигде не съедет до финиша. Курганские голубеводы увозили своих «почтарей» в Омск, Новосибирск и далее. От Омска до Кургана голуби прилетали за девять часов. Одной привязанностью к родной голубятне это не объяснишь — здесь нужны длительные тренировки, огромный труд.

На Руси всегда успешно занимались выведением новых пород. В Кургане, например, гордятся «сорочатами», названными так по окрасу: белое с черным.

Одни названия пород за себя говорят: турманы, чайки, дутыши, драконы, павлины, яковины, монахи, тучерезы... Драконов так назвали из-за кожистых наростов у основания клюва и вокруг глаз, космачей — за удлиненное оперение лап... Названия еще можно объяснить, а вот что такое «плекий» или «вполглаза скороглазый» — это уж только знатокам ведомо, без переводчика не обойтись...

Курган когда-то был настоящим голубиным царством. Почти в каждом дворе, утопая в зелени акаций и сирени, стояли голубятни. «О, да-

лекий образ детства, белый голубь на ветру!» — эти строки написал поэт Сергей Васильев. Переехав из Кургана в Москву, он продолжал и там держать 15 пар гонимых... Есть у него еще одно стихотворение — о голубе-ветеране, который потерял внешний лоск в жизненных переделках («...и коты его трепали, и терзали ястреба... и мальчишки из берданки сдуру били по нему»), но красоты и силы в полете не утратил — продолжал оставаться лидером стаи, увлекая голубей на немислимые пируэты. И хозяин держал «хохлатого», «потому что Ветерану по заслугам нет цены»...

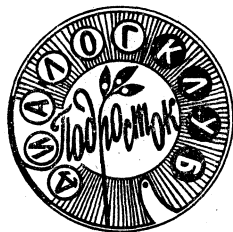
Голубь — птица парная. Прочная пара живет нередко до конца своих дней. Голубеводы стараются подобрать голубя и голубку так, чтобы наилучшие их качества красиво сочетались в потомстве. Дело это трудное, долгое. Далеко не сразу получается вывести породу. Отсюда и цена — добрый голубь денег стоит, слава о нем далеко расходитя. В Курган из других городов едут, смотрят, просят птенцов, а те и взрослую пару. И «дельцы», бывает, примазываются, в семье не без урода.

Много проблем у голубеводов. С «дельцами», с кормами, с помещениями для клубов... Даже с родителями. В Ростове, например, детей принимают в клуб только по заявлению родителей, раз занятие это связано с деньгами — конечно, не всегда с большими, это уж уровень крупных знатоков. И все-таки оно очень интересное и заманчивое! На Руси голубятников всегда было много, и считалась эта забава мальчишеской.

У мальчишек высокая активность. Они не вмещаются в комнату, в квартиру — им нужно пространство. Голубятниками были самые шустрые, но шустрога эта к добру: не было среди истинных голубятников преступников! В наше время возрождение старой забавы не только отвлекло бы ребят от пустого времяпрепровождения, но и вознаградило бы многими радостями и полезными навыками.

В клубах голубеводов нет черты, разделяющей на учителей и учеников, начальников и подчиненных, взрослых и детей — здесь и мальчишка может быть авторитетом. В этих клубах нет возраста: на равных можно и спорить, и огорчаться, и радоваться. Такое уж это дело: и огорчения — всерьез, но и счастье — тоже всерьез.

Жил в Ростове Витя Черевичкин...

Голуби и авиация

В. САМСОНОВ,
старший инженер Уральского управления
гражданской авиации

Наш журнал уже писал о Вите Черевичкине и о песне, которую про него сочинили в войну. Но историю эту дополняет новыми подробностями ростовский журналист А. Агафонов.

— Мы росли с Витей в одном городе. У нас была общая страсть — водить голубей. Ценили красивых породистых птиц, готовы были отдать за них последнюю копейку; могли и зареветь, если «чужак» уводил стаю... А вот «почтарей», как мы их презрительно называли, не держали.

Витю Черевичкина приняли в комсомол. Но он остался навсегда пионером, потому что получить комсомольский билет не успел — город оккупировали фашисты. Повсюду появились приказы: «За укрытие коммунистов, раненых красноармейцев — расстрел!», «За сдачу оружия и радиоприемников — смерть!», «За держание служебных собак — смерть!», «Тем, кто прячет голубей, — смерть!»

Витя расстался со своими породистыми голубями, но... раздобыл в Батайске несколько «почтарей». Прятал их на чердаке. Когда узнавал, что в городе враги установили батарею или оборудовали склад боеприпасов, — тут же чертил подробный план и отправлял его с крылатым почтальоном. Куда?.. На левый берег, к нашим. Об этом догадывалась только его мать.

Неподалеку от их дома находился штаб. И однажды, когда над Нахичеванью показался на бреющем полете самолет и Витя разглядел на фюзеляже звезды, он кинулся к дому за голубями. Раскрыв телогрейку, с привычной удалью подбросил птиц над самым штабом, пытаясь навести самолет на объект. На мальчишку сразу навалились несколько дюжих охранников... Витю били, выкручивали руки, отливали водой и снова били, пытаясь выжать признаки... Его расстреляли, но он не сказал ни слова.

Никто не знал, долетали ли Витины голуби с доносениями; но после освобождения города, люди говорили, ходил по Ростову офицер из разведки и искал мальчишку-голубятника...

На работу я хожу напрямик, дворами. В центре Свердловска, в районе Дома офицеров, среди каменных громадин-домов, среди старых лип в зеленом обихоженном дворе стоит построенная по всем правилам голубятня... Я люблю ходить мимо нее. Замедляю шаг, внутри что-то оттаивает, теплеет... Хозяин голубятни — уже в годах, пенсионер. А чуть в стороне, возле детского садика, — еще голубятня, и возле нее частенько вижу молодого мужчину, которому помогает парнишка лет семи.

Я в детстве тоже водил голубей, и мог бы о них порассказать...

Но звонок из «Уральского следопыта» запрашивал не об этом. Вопрос был поставлен так: «Мешают ли голуби самолетам?» Прежде чем ответить на него, пришлось основательно побеседовать со специалистами, почитать материалы анализа безопасности полетов.

Только в этом году в целом по Аэрофлоту зафиксировано более двухсот случаев столкновения птиц с самолетами. Опасность эта серьезная, особенно при попадании в двигатель; даже если исход благополучный — потребуются ремонт и осмотр машины, которые обходятся в несколько десятков тысяч рублей. Как правило, столкновения происходят на малой высоте, во время взлета или при снижении на посадку. Особенно часты такие случаи в периоды миграции птиц — в мае, августе, сентябре и октябре.

Подавляющее большинство птиц, повреждающих самолеты, — ястреба-тетеревятники, совы, реже вороны, в приморских районах — чайки. Голубей почти не зафиксировано. Домашние голуби не являются помехой для гражданской авиации — это подтвердили все авиаторы.

Конечно, разводить голубей в поселках, расположенных близко к аэропортам, нецелесообразно. В городах же и других населенных пунктах вполне возможно возрождать этот забываемый сейчас вид спорта.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ заряд РЮРИКА ТУШКИНА

Олег ЛЫЖИН

Это странная мастерская. Она совсем не похожа на те светлые, просторные помещения, вид которых воображение услужливо подбрасывает нам, когда речь заходит о художниках. Здесь, в подвале одного из домов Владивостока, невольно думается о другом. Думается, что творить в таких условиях может лишь человек не просто увлеченный. А когда нет уже и физических сил удержать в себе то, чем хочется поделиться, что не просится, а прямо-таки рвется наружу, на холст. Здесь — сама жизнь, мысли, надежды, разочарования, здесь целый мир. Внутренний мир художника, который он яростно и мощно выплескивает на полотно потоком красок. Для себя и — для нас.

Рюрику Васильевичу Тушкину — за шестьдесят. Среднего роста, небольшая седая борода. Глаза добрые и умные.

Картины Тушкина далеко не равнозначны. Однако общее у них есть — равнодушными они не оставляют. Многие их просто не приемлют, еще больше просто не понимают, однако равнодушия — нет. Картины как-то вышибают нас из насиженной колеи. Вышибают очень простым и действенным способом — вопросом.

Да, первое впечатление от картин Тушкина — вопрос. Почему так? Зачем? Что это в конце концов? Ответ не лежит на поверхности холста. Ответ сложен и потому, что его работы нельзя описать словами. Просто невозможно. Но однажды я попробовал. Вот что получилось, глядя на одну из картин, которые можно объединить одним названием — «Клоуны».

По пояс изображен человек. Он в традиционном костюме клоуна — кажется, это называется «домино». На плече у него огромная деревянная ложка. Она полна яиц. Больших, хороших яиц. Сбоку высовывается морда красного коня, выписанная как-то ярко на общем фоне картины. Человек то ли гладит, то ли опирается на этого коня. На заднем плане уходит вдаль деревенская улица. Пустынная, припорошенная снегом. А на голове у клоуна, между прочим, петух, нахохлившийся и растерянный. Вот такое описание. Прочитал сам — смешно и нелепо. А глядя на картину — не улыбаешься. Вопрос... Впрочем, попробуйте сами описать любую из картин на вкладке журнала.

Всего работ у Тушкина около трехсот. Не знаю — много это или мало. С чем сравнить? Пишет он их не так уж и давно, хотя рисовать начал лет с двадцати. Но то было так — просто нравилось, это увлечение, и все. Перелом произошел в 1975 году. Тогда и родился тот художник Тушкин, о котором идет сейчас речь.

— Художник — это не профессия. Это состояние души, — высокие, что называется, слова Рюрик Васильевич произносит просто, даже привычно. Видно, наболело. Поэтому — веришь. — Ведь у каждого должна быть своя «отдушина», своя форточка в жизни. Вот меня спрашивают — почему эта картина такая? А я и сам не знаю. Зачастую мне вообще неведом конечный результат. Начинаю писать — импровизирую... Картины — кусочки моей жизни. Причем жизнь, понятное дело, течет. Изменяюсь я — меняются и картины. К многим возвращаюсь, дописываю. Я как-то странно и очень остро воспринимаю окружающий меня мир. Вот двойные порт-

реты. Мужчины и женщины. Странно, говорят, где ты таких людей нашел? Так не бывает! Но я же и не утверждаю, что все именно так: это — женщина, это — мужчина! Проще всего было бы ответить: «А я так вижу!» — но формула слишком стандартна. Просто интересны взаимоотношения людей, к примеру, внешние, казалось бы, несовместимых. Где-то я их увидел, услышал, возможно, подсмотрел.

Да, пресловутого «я так вижу» Р. Тушкин не приемлет. Люди видят все одинаково — в этом он категоричен. Но вот оценку увиденному дают разную. В оценке все и дело.

Р. Тушкин — художник неизвестный. Не было у него ни одной персональной выставки. В мастерскую особо никого не приведешь, да и зачем? Но зато его хорошо знают друзья-художники. Правда, практически все они, попадая туда впервые, искренне удивлялись: как же можно здесь работать — света мало, места тоже...

— А мне это не мешает, — улыбается Рюрик Васильевич. — Прихожу сюда пораньше — часа за два-три до работы. Или вечером. Практически все время при лампочке. Так что, может, это уже привычка. Но для меня ведь закон один — гармония. Если картина композиционно состоялась, то смотреться она будет при любом освещении, в любом помещении.

— Я никогда не делаю эскизов будущей картины, — продолжает Р. Тушкин. — На мой взгляд, так можно растратить все силы на какой-то «предварительный» этап. К тому же я одновременно пишу шесть-восемь картин. В этом ничего удивительного нет — я и читаю одновременно пять-шесть книг.

Картины стоят на стеллажах, сгруппированные не по годам, а по жанрам. Так удобнее. Тем много: «Двойной портрет», «Композиция», «Натюрморт», «Цирк», «Портрет» и другие.

Вот к примеру — автопортреты. В них на первом плане не фотографическое — внутреннее сходство. Нет и отпечатка самолюбования. Скорее — критический взгляд на себя со стороны. Здесь откровенное желание осмыслить самого себя — можно и посмеяться, и погрустить. Нечасто у нас встречаются такое желание и возможность.

В картинах Тушкина тесно сплетается видимое и нечто внутреннее. Мысленное. Как художник Р. Тушкин явно не стремится облегчить нам понимание его картин. И следовательно, его самого. Как гражданина своей страны Р. Тушкина больше волнуют наши общие недостатки, чем забота о собственном благополучии. Его мироощущение как художника нельзя свести к нескольким заезженным благополучным образам. Его искусство неравнодушно по сути и потому — действительно. Он коммунист, участник войны, профессиональный медик. Может быть, и профессия наложила свой отпечаток на его творчество? Ибо наиболее значительные работы несут в себе почти физически ощущаемый эмоциональный заряд.

Арлекин

Цирк

Зимний вечер

Цирк

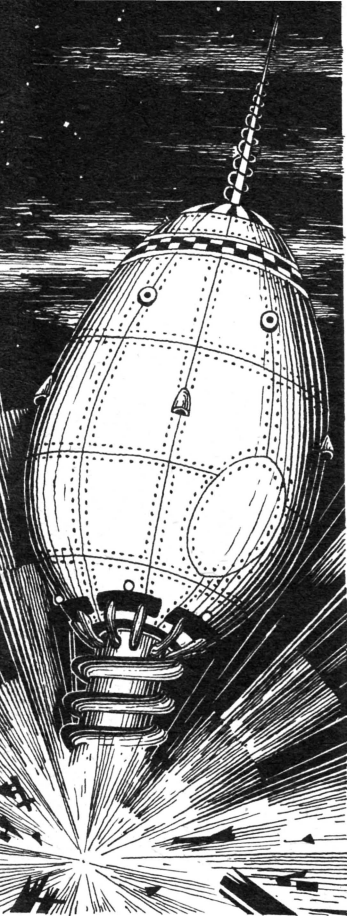

Семья клоуна

Воспоминания о деревне

ЗВЕЗДЫ ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ...

Анатолий АНДРЕЕВ

Рисунки Анатолия Пасеки

Повесть

Журнальный вариант

1.

Было рано. Квартиру переполняла особая, воскресная тишина. Не шумела вода в трубах, не слышно было отдаленных шагов, не хлопали двери, не доносились приглушенные стенами голоса и музыка. Дом словно вымер. Послышался бой часов — не то сверху, не то из соседней квартиры. Иван насчитал шесть ударов. Он решительно отбросил одеяло, встал и прошлепал босыми ногами на кухню.

Не включая света, поставил на плиту чайник и подошел к окну. Из неплотной форточки дуло. Мрак за окном не был сплошным. Его разбавлял призрачный серый, непонятно откуда просочившийся свет, в котором смутно угадывались очертания домов.

Этого дня Иван ждал с нетерпением и теперь старательно тянул время. Не спеша и тщательно он убрался в квартире, поглядывая время от времени на окна — они только-только начинали сереть. Принялся переодеваться, поначалу неторопливо, но, сам того не замечая, все быстрее и быстрее. Лихорадочно натянув, наконец, куртку, он вышел и уже в подъезде обнаружил, что забыл перчатки.

На улице было светлее, нежели казалось из дому. Пропитанные влагой тучи протаскивало над городом без задержки. Ветер рвал тучи в клочья, из прорех начинала и тут же переставала сыпать мелкая снежная крупка.

Город еще спал. Иван пошел переулками — так было уютнее, чем широкими безлюдными улицами.

В утренней тишине далеко разносился звук шагов по бетонным плитам тротуара. Плиты уложили еще в прошлом веке — тогда все строили из бетона.

Здание института сумрачно поблескивало стеклами темных окон. Иван вошел в проходную. Сработал фотоэлемент, вспыхнули светильники. Иван вложил пластиковую карточку пропуска в щель автомата, внутри лязгнуло, загудело, и створки двери разошлись. Он взял пропуск, услужливо возвращенный автоматом, и гулким вестибюлем прошел к широкой, слабо освещенной лестнице.

Кости еще не было. Иван отстраненно оглядел гладкие кубы компьютера, пульт управления им, шкаф с электронными блоками, нелепо торчащую посреди лаборатории дверь в тусклой металлической рамке. От рамки к шкафу и к ЭВМ тянулись толстые, в руку толщиной, косы, сплетенные из разноцветных проводов. Иван поморщился — он не любил незавершенности, а здесь все носило временный, случайный характер. Видно было, что установка собиралась на живую нитку.

Закончился очередной, не очень большой, но значимый кусок его жизни. Вне зависимости от того, удастся ли Костин эксперимент, дальше начнется новая полоса, пока не известно какая, но новая.

2.

В коридоре дробно простучали шаги, чуть скрипнула дверь — пришел Костя. Скинув пальто, он с ходу уселся за пульт, разминая застывшие пальцы, как пианист перед концертом. Пульт ожил, замигал лампочками. Костя неуверенно спросил:

— Ну так что, Ваня? Может быть, ограничимся адекватными мирами?

— По-моему, мы с тобой уже не раз все обговорили, — сумрачно отозвался Иван. — Так что давай включай, и посмотрим, что получится...

— Ну что ж... — вздохнул Костя. — Значит, Ленинград, 3 декабря 19... года.

— Место, место задай, — не утерпел Иван.

Костя досадливо дернул плечом:

— Не мешай, без тебя знаю. Ленинград, Жданов-

НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ СОВЕРШЕНСТВА

Совершенные произведения художественной литературы обладают удивительной особенностью: они оставляют читателя неудовлетворенным. Неудовлетворенность — обратная сторона того эстетического наслаждения, которое великое творение вызывает в читателе. Живой интерес к действиям литературных героев, увлечение их характерами, их мыслями, их жизненными целями, невольная сопричастность их судьбе порождает душевный отклик на все события, описанные в книге: любовь к одним персонажам, недоброжелательство к другим. Литературный герой становится на долгие годы своеобразным спутником нашей собственной жизни. Разве не таковы для нас Робинзон Крузо, Дон-Кихот, Татьяна Ларина, Пьер Безухов, капитан Немо? И разве, закончив полюбившуюся книгу, каждому из нас не хочется доведаться: а что же произошло с ее героями потом, за последней страницей?

Предвидя такой читательский интерес, прежние писатели завершали свои произведения краткими послесловиями, в которых извещали о дальнейшей судьбе придуманных ими людей: этот женился и блаженствует в семье, тот мирно почил, третий пустился в новые странствия, одна героиня вышла благополучно замуж, другая чахнет в тоске по умершему другу, третья получила наследство и зажила припеваючи. В общем, послекнижное существование каждого героя ясно оговорено. Расставаться с ними жалко, но безвестность их дальнейшей судьбы не томит.

В литературе двадцатого века стало нормой завершать повествование без информации о дальнейшей, за пределами книги, судьбе ее персонажей. В результате у многих читателей возникает жажда узнать — а как поведут себя герои потом? И чем книга интересней, тем такая жажда сильнее. Многие продолжения понравившихся романов совершались их авторами по прямым требованиям и прось-

ская набережная. Время — без четверти шесть. Вечера...

Костя еще раз пробежал пальцами по клавишам и откинулся на спинку стула.

Вся эта затея оказалась вдруг Ивану зряшной. Пустячной. Чуть все это, галиматья — параллельные миры, мезонное зондирование, пробой связки... Стало вдруг досадно, что увлекся, как мальчишка, ухлопал полтора года на воплощение бредовых Костиных идей. Ясно же, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. И кончится все прозаически — посидят они, подождут, Костя еще поколдует над машиной и скажет виновато: «Что-то не получается, Ваня...»

Отгоняя эти мысли, Иван поинтересовался:

— Что это долго так...

Костя сердито фыркнул и повел плечом. Его худое носатое лицо выразило крайнюю степень презрения. Иван, в его тревожном и знобком нервном возбуждении, раздражал Костю.

Если быть искренним, раздражать его он начал давно, почти сразу, как начали совместную работу. Но что делать — найти другого исполнителя Косте не удалось. А Иван — взялся. Правда, сразу оговорил, что первый переход в соседний мир осуществит он, Иван, и не в любой попавшийся, а именно в тот, в который ему захочется...

Было тихо, аппаратура работала беззвучно. Иван отошел от окна, но так и не присел, стоял, привалившись плечом к шкафу. Снедавшее с утра нетерпение все же прорвалось крупной дрожью, Иван старался унять ее. Чтобы отвлечься, спросил:

— А что будет, если мезонные генераторы... того... когда я там буду?

— Да ничего не будет, — равнодушно ответил Костя. Минута была торжественная, как-никак первое испытание, а Ивана, похоже, ничто не волнует, кроме собственной безопасности. — Выкинет тебя обратно в наш мир: чтобы там оставить, нужно напряженность поля уменьшать очень медленно, с градиентом не более двух единиц в час...

Иван молча кивнул. Костя подумал и добавил:

— На первый раз я генераторы вообще выключать

не буду, чтобы все время тебя в поле держать. Дам тебе два часа, а потом верну обратно.

На пульте изменилось созвездие огоньков. Костя нервно слотнул и осипшим голосом сказал:

— Ну, Ваня, тебе пора...

Иван обернулся. Металлическая рамка двери, все так же нелепо стоящей посреди комнаты, озарилась призрачным фиолетовым светом. Запахло озоном. По гладкому, светящемуся изнутри металлу пробежали короткие оранжевые искорки.

— Смелее, смелее, — ободряюще сказал Костя. — Током она не бьет. — Он нервно засмеялся, оборвал смех, серьезно добавил: — По крайней мере, не должна бить. Теоретически.

Иван сделал еще шаг и толкнул дверь рукой. Она легко поддалась. За ней открылось... Ничего за ней не открылось. Там была пустота. Вернее, и пустоты не было. Иван затруднился бы сказать, какой цвет имело открывшееся ничто. Да и был ли цвет? Свет, наверное, был. Во всяком случае, темноты там не было.

Иван пригнул голову и двинулся вперед, в белосерое ничто, четко ограниченное металлической полоской рамы. Инстинктивно он задержал дыхание, но ничего не произошло, лишь повеяло вдруг холодком. Ощущение было мимолетным, Иван не успел понять, не почудилось ли оно. Осторожно, не выпуская из рук двери, он шагнул еще раз. Пелена спала с его глаз. Стало темно. Появился ветер. Он нес хлопья снега. Желтыми пятнами повисли фонари. Ветер раскачивал их, скрипел жестяными тарельчатыми абажурами. Экономические лампочки давали мало света. От фонаря до фонаря простиралось слабо освещенное метельное пространство. Слева тусклыми прямоугольниками окон обозначились дома.

3.

Фонарь качался, тени двигались, словно собираясь убежать. Поземка уложила снег волнами. Барханами. Маленькими барханчиками.

Людей на улице не было, и Иван порадовался

бам читателей, не пожелавших расставаться с полюбившимися героями. Так, И. Ильф и Е. Петров после «Двенадцати стульев» сели за «Золотого теленка», которого поначалу и не думали писать.

И за границей, и у нас нередко продолжения знаменитых книг, написанные уже после смерти их создателей совсем другими лицами. Сюжет «Борьбы миров» Г. Уэллса был использован Л. Лагиным в повести «Майор Велл Эндью», братьями Стругацкими во «Втором пришествии марсиан», Кристофером Присом в романе «Машина пространства». Даже если в указанных книгах сами герои Уэллса не присутствуют, то сюжетные заимствования очевидны и преднамеренны.

Знаменитый роман «Аэлита» А. Толстого принадлежит к числу самых драматически незавершенных произведений. Читатель, захваченный приключениями Лося, Гусева, Аэлиты, Тускуба на Марсе, ничего не знает об их дальнейшей судьбе. Сам А. Толстой не пожелал писать продолжение «Аэлиты» — и тем стимулировал у многих

читателей желание продолжить самим его великолепный роман.

«Уральский следопыт» предлагает читателю такое продолжение «Аэлиты» — фантастическую повесть молодого писателя Анатолия Андреева. Тема — вторичное посещение Марса Лосем в сопутствии с придуманным автором человеком из будущего Иваном Феоктистовым. Задача — выволить Аэлиту из заточения, на которое ее обрек жестокий отец Тускуб.

Следует сразу оговориться: по своим художественным достоинствам повесть А. Андреева сравнения с великим творением А. Толстого, конечно, не выдерживает. Но она может представить интерес для читателя как образец того, как старая задача межпланетного рейса совершается средствами новой техники и писательскими приемами современной научной фантастики.

Сергей СНЕГОВ,
лауреат премии «Аэлита» 1984 года.

этому. Начали мерзнуть уши, он поочередно отогревал их ладонями. Ветер бросал на лицо и руки снег.

Наконец вдали мелькнула смутно различимая фигура. Человек приблизился, то отчетливо видный в желтоватом круге электрического света, то почти исчезающий в злорадном верчении снега между световыми конусами фонарей. Иван привалился к парапету, положив руку на почернелый остуженный чугун. В волнении он не заметил, что ладонь заныла от прикосновения к стылому, обдутому снежными ветрами металлу. Ошибки быть не могло — эта широкополая шляпа, развевающиеся по ветру белые волосы, длинный выпущенный наружу шарф...

Человек царапнулся с ним. Внезапно охрипнув, Иван горлопиво прокашлялся и, уже в спину, позвал: — Мстислав Сергеевич, ради бога, извините...

Иван оторвался от парапета и шагнул к прохожему. Начавшаяся еще там, далеко-далеко, нервная дрожь вновь сотрясала плечи. Прохожий вопросительно смотрел на Ивана.

— Простите? Кажется, не имею чести...

— Вы ведь Лось? Инженер Лось, Мстислав Сергеевич?

— Да, так меня зовут. И все же, чем обязан?

— Мстислав Сергеевич, я вас специально жду. Можно, я вас немного провожу? Мне трудно вот так, в двух словах все объяснить...

— Извольте, извольте... — голос Лося был холоден.

Он сунул руки в карманы и пошел прежней дорогой, не глядя на ступавшего рядом с ним по снежным гребням Ивана.

— Меня зовут Иван, Феокистов Иван. Я вас специально ждал здесь.

— Не замерзли в своей кацавейке? — не повернул головы Лось.

Иван глянул на свою куртку и со скрытым вызовом сказал:

— Нет, она у меня с электроподогревом.

Лось переспросил недоверчиво:

— Как, как?

— С электроподогревом. Ну, такая, знаете, плутониевая батарейка. Энергии, правда, ненамного хватает, через девяносто часов приходится заменять.

— Вы что, хотите сказать, что ваша... э-э-э... одежда обогревается электричеством? — поднял брови Лось.

Они остановились у подъезда. Лось оказался много ниже Ивана, глядел снизу вверх. Лампочка над дверьми бросала свет прямо ему в лицо. Он сощурился — от света ли, от снежной ли крупы. Лицо его не казалось более холодным или надменным. Скорее — усталым. Хорошее, спокойное лицо нестарого еще человека, со скорбными складками губ и внимательными грустными глазами. Вспыхнувшая было в них ирония вновь уступила место усталости. Лось медленно сказал:

— Я, знаете, профан в электричестве. Но эту вашу... батарейку надобно было б за вами на тележке возить. Так что фантазия ваша — увы...

Он сожалеюще развел руками. Иван понял, что Лось сейчас уйдет. Повернется и скроется в подъезде. В отчаянии Иван прокричал скороговоркой:

— Мстислав Сергеевич, еще одну минуту! Шесть-

десять секунд! То, что я вам скажу, дико. Это похоже на бред. Но я не сумасшедший. Я из будущего! Я прибыл из будущего сюда, в третье декабря 19... года, специально, чтобы встретиться с вами. У меня мало времени, меньше двух часов... — выговорив все на одном дыхании, Иван помедлил и упавшим голосом добавил: — Вот...

Он уже видел, что Лось ни на гран не поверил ему — разочарованно хмыкнув, отвел взгляд в сторону и скучно спросил:

— У вас там, в будущем, все так одеваются?

— Конечно, лучше бы мне придумать что-нибудь, соврать. Но я подумал, что вы, именно вы можете поверить мне...

— Почему же именно я? — вежливо уточнил Лось.

Иван в раздумье посмотрел на него и негромко прознес:

— Вы ведь идете с радиостанции... Сын Неба, где ты? Где ты, где ты, Сын Неба...

Слова размеренно падали в снежную круговерть, их уносило, словно их и не было. Но они прозвучали, и этого было не изменить. Лось вздрогнул, как от удара. Лицо его закамнело. Он повернулся и пошел, но приостановился и бросил через плечо:

— Ну что же вы стоите... гость из будущего...

Лось провел Ивана в гостиную, извинился и ушел на кухню, ставить на керогаз чайник. Иван сидел у круглого, накрытого крахмальной скатертью стола и медленно приходил в себя. Все вокруг было осязаемым, вещественным, плотным — и тяжелые шторы на окнах, и кожаный диван с валиками, выпукло блестящий пружинными подушками, и пианино, изукрашенное резьбой. В комнате царил порядок. В ней не было запустения, но и жилой она не выглядела. В ней не было души.

Предметы и вещи, самый воздух казались ирреальными. Даже в вещественности их было нечто бутафорское, словно кто-то принес сюда собранную по музеям и антикварным лавкам мебель, расставил ее в соответствии со старинными гравюрами, а сам притаился в уголке и смотрит, как вживается в роль человека из будущего Иван Феокистов.

Вернулся Лось. Чуть слышно повеяло керосином и табаком. Лось сел напротив, положил на стол руки. Руки были рабочие, в старых ссадинах и огрубелостях — им много приходилось возиться с железом. Белоснежные манжеты подчеркивали их ненарочитую обветренность.

— Сейчас будет готов чай, — устало сказал Лось. — Прислуги, знаете ли, теперь нет. Есть пролетарии домашнего труда, да и тех найти...

Ивана все не покидало ощущение придуманности окружающего. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что за окнами — Петроград тех далеких времен, что напротив него сидит Лось. Иван вглядывался в лицо инженера и не верил, что это тот самый человек, чья странная, горькая и удивительная судьба запомнилась с детства. Себя Иван чувствовал чужаком, незаметно прокравшимся на сцену во время спектакля,

поставленного по любимой книге. А то, что актеры вынуждены импровизировать, поскольку вступил в игру новый, незапланированный персонаж, лишь усиливало ощущение ненастоящести происходящего.

— Ну что, товарищ... э-э-э... Феокистов. Пока чайник поспекает — рассказывайте. А то, признаться, ошаршили вы меня давеча...

Иван понимал: «ошаршили» относится не к тому, что он явился из будущего. Пропустил Лось это мимо ушей, счел за неуклюжую попытку привлечь к себе внимание. Ошаршил его Иван, повторив только что прозвучавшие в эфире, стывшие в ушах, задыхающиеся слова: «Где ты, Сын Неба?» Но ему-то, Ивану, нужно было убедить Лося именно в том, что он из будущего. Поэтому Иван упрямо сказал:

— Да, Мстислав Сергеевич, я прибыл из будущего. Мы нашли способ, как это сделать...

— Та-а-ак,— протянул Лось.— Вы, значит, настаиваете на своем. Ну, предположим, вы из будущего. А зачем появились именно здесь, у нас? Почему вы сказали, что ждете, на ветру и морозе, именно меня?

Иван решил, что лучше всего говорить правду, и быстро ответил:

— Марс. Вы были на Марсе — почему вы не полетите туда опять?

Он не сказал: «Аэлита». Это имя и так повисло в воздухе — Лось помнил о сегодняшнем радиосеансе, не забывал о нем ни на секунду. Уши хранили пробивающийся сквозь шорох и рычание помех далекий голос. Это имя повисло в воздухе — Иван знал, что Лось в отчаянии бежал с радиостанции в нежилой уют пустой квартиры, бежал сквозь метель и незримые, неощутимые радиоволны, несущие этот голос.

Лицо Лося затвердело. Он медленно выбил трубку и придвинул коробку с табаком. Уминая табак большим пальцем, он спросил, и голос его был ровен и горек:

— А вы? В вашем будущем? Вы, наверное, летаете на Туму, когда захотите?

Лось не заметил, что назвал Марс его древним именем — Тума. Иван покачал головой. Что он мог сказать сидящему напротив мужчине, который вдруг перестал быть актером, играющим в захватывающей пьесе по роману Алексея Толстого, и стал тем, кем был на самом деле — предельно усталым человеком, инженером по имени Мстислав Сергеевич Лось?

Колдовство стереотипа наконец развеялось. Литературные герои обычно кажутся нам старше, серьезнее и значительнее, нежели есть на самом деле. Может быть, потому, что, познакомившись с ними в юности, мы проецируем эти свои детские впечатления на более позднее восприятие; а может, и потому, что на протяжении всего нашего с ними знакомства они на редкость постоянны в своих мнениях, суждениях и поступках. Иван не задумывался об этом, просто он вдруг обнаружил, что сейчас здесь нет персонажа старой книги. Напротив сидел человек, ждущий ответа, и Иван не мог открыть ему, что в его, Ивана, мире Марс — безжизненный каменный шар, изрытый оспинами метеоритов, а Аэлита — всего лишь прекрасная и печальная сказка...

— Нет, Мстислав Сергеевич, как раз на Марс мы и не летаем. Мы вообще еще дальше Луны не добрались...

Это была правда. Не вся, но правда. Почти правда — до Марса человек еще не добрался. Не ступала еще нога в ботинке вакуум-скафандра на изъеденные пустотной эрозией камни. Это была не вся правда, но большего Иван говорить не стал.

Лось поднял на него глаза:

— И я не могу больше полететь на Туму, — он опять назвал Марс Тумой и опять не заметил этого. — Ультралиддит, мое движущее вещество... Причин никто не знает — неизвестно, почему произошел взрыв завода. За восемьдесят верст с домов посырвало крыши. Манцев, изобретатель ультралиддита, и все его записи — все было там...

Он выговорил все это, не опуская взгляда, а потом снова занялся трубкой. Руки его не дрожали.

— Так,— задумчиво сказал Иван.— Так...

Он побарабанил пальцами по столу. Как раз с ультралиддитом проблемы не было — достаточно было вернуться к себе, а оттуда предпринять вылазку в мир, где этот самый завод цел и невредим.

— Простите, я вас на минуту оставлю,— Лось тяжело поднялся и ушел на кухню. Послышалось звякание посуды. Иван слушал и не слышал доносящиеся до него звуки. Пока что он не увидел и не узнал ничего существенно нового. Но теперь нередким открывалась возможность самому принять участие в событиях. Собственно говоря, Иван и затеял эту вылазку в прошлое в тайной надежде на что-либо подобное...

Лось принес закоптелый, все еще сердито фырчащий чайник и с ним второй — заварной, маленький и пузатый. Появились стаканы в тяжелых мельхиоровых подстаканниках. Чай был бурый, обжигающим и невкусным. От лампы в оранжевом абажуре на скатерть ложился мягкий уютный круг света.

— Мстислав Сергеевич, а сколько нужно ультралиддита? — осторожно спросил Иван.

Чай, остывая, исходил паром. Лось машинально помешивал ложечкой в стакане, стараясь не звякать о стенки. Он скинул на Ивана напряженный взгляд, прикинул в уме и сказал:

— Пудов пятьдесят — пятьдесят пять.

Иван быстро перевел в килограммы и молча кивнул — он ожидал большей цифры. Лось чувствовал, что разговор об ультралиддите начат неспроста, но тоже молчал, углубившись в созерцание кружащихся в стакане чаинков.

— Мстислав Сергеевич,— нарушил тишину Иван,— а если я добуду вам эти восемьсот килограммов?

— Не знаю,— горько и откровенно отозвался Лось,— наверное, полечу опять. Но что толку говорить о том, чего не может быть?

— Может, Мстислав Сергеевич, может! И я вам ультралиддит доставлю. Завтра же.

У Лося порозовели от волнения щеки. Он вдруг поверил, что Иван пойдет ультралиддит, а чтобы поверить в это, ему пришлось верить и в то, что Иван пришел из будущего. Очень уж ему хотелось верить.

4.

— Не нравится мне это,— раздраженно сказал Костя.

Он упорно не смотрел на Ивана, сосредоточенно стирал пальцем несуществующее пятнышко на пульте ЭВМ.

— Ну-да-а,— протянул Иван.— Когда все отказывались разрабатывать для тебя аппаратуру, когда говорили, что это бред сивой кобылы, а не технические требования, ты на жизнь смотрел несколько иначе. И когда я согласился с тобой работать, то сразу оговорил, на каких условиях. И ты обещал. А что происходит теперь?

Костя, страдальчески сморщившись, начал было отвечать, но Иван жестко оборвал его:

— Нет уж, голубчик! Выслушай меня до конца — ты ведешь себя просто непорядочно! Я на тебя спину гнул полтора года, аппаратурой обеспечил — да только за нее тебе Нобелевку могут дать! Сейчас твоя теория множественности параллельных миров получила экспериментальное подтверждение, я тебе больше не нужен, и ты решил выкинуть меня за борт. Как балласт. А о своих обещаниях ты уже и не помнишь. Очень мило с твоей стороны!

«Вот оно! — подумал Костя.— Вот почему я, да и не только я, отнесился к Ивану предубежденно. Он всегда точно знает, чего хочет. Ну просто удивительно, до чего точно! И ведь обо всем заранее договаривается. И лишнего ему не надо, но уж что его, то его. Тут уж ему вынь да положь, и убеждать его бесполезно».

Вслух же он сказал:

— Ваня, ты пойми, побывать в другом мире — это одно. А вмешиваться в его дела активно... Да пойми же, нельзя этого делать!

— А вот тут ты, голубчик, ошибаешься,— ухмыльнулся Иван.— Миров бесчисленное множество, и ты отправил меня не в тот мир, что описан в «Аэлите», а в другой! Который отличается как раз тем, что в нем появляюсь я и помогаю Лосю еще раз полететь на Марс!

Костя только молча откинулся на стуле. Вид у него был мученический. Иван, не обращая внимания на его мимику, решительно подытожил:

— Словом, так. Ты меня отправишь за ультралиддитом в соответствующий мир, а завтра вместе с этим «лиддитом» перебросишь обратно к Лосю. А на будущее, чтобы не держать установку включенной, дашь мне мезонный ключ. Сам же можешь писать отчет по теме, можешь читать доклады, получать премии — нобелевские и всякие другие. Все это ты заслужил. Убежден в этом.

То ли похвала сделала свое дело, то ли Костя просто спасовал перед неудержимым натиском Ивана — но он сдался. Через пару часов ультралиддит в серых бумажных мешках лежал в углу лаборатории, как безобиднейшее удобрение, а Иван с Костей кодировали мезонный ключ — пластмассовую коробочку, чуть больше спичечной, с миниатюрными кнопками на крышке. Теперь, где бы и в каком бы мире ни оказался Иван, достаточно было набрать две

двойки, четверку и пятерку, чтобы установка включилась и ему открылся мерцающий призрачный туннель, ведущий домой.

5.

В большом утепленном сарае, где тихо ржавело с трудом перевезенное из-за океана бездыханное металлургическое яйцо, начались работы. Лось пропадал там чуть ли не сутками. Домой он ходил только спать и пить чай. Этот вечерний чай превратился в обязательный ритуал. Поначалу Ивана сковывала чуточку чопорная церемонность Лося, но постепенно он привык к этому.

Мало-помалу Иван втянулся в подготовку к полету. Не связанный больше временем, он проводил теперь в Петрограде по нескольку дней. Вместе с Лосем он стал бывать в сарае, в котором лихорадочно и бестолково велись работы. Иван старался непосредственно не вмешиваться в происходящее. Он лишь мягко и тактично подсказывал Лосю, в чем необходимо сделать изменения, но как-то незаметно для самого себя из наблюдателя превратился в активного участника. Впрочем, его не оставляло подсознательное ощущение игры, несерьезности происходящего, словно он попал на съемки исторического фильма. Как ни крути, а за спиной Ивана незримо стояли сто лет развития науки и техники. Технические истины, доступные лишь немногим во времена Лося, Ивану казались самоочевидными; проблемы, встававшие перед инженером и его рабочими, порой представлялись просто смешными. Но он старался не показывать этого своего снисходительного отношения, понимая, что может обидеть и Лося, и рабочих.

В один из вечеров, когда чай был уже выпит и шла неспешная беседа, Лось вдруг сказал:

— Иван Николаевич, вы вот постоянно говорите, что являетесь специалистом по электронике, в механике ничего не смыслите. Но наши проблемы решаете настолько легко, что мне хочется знать: какие же тогда у вас, в будущем, специалисты по механике? Иван засмеялся:

— Хочется знать — так за чем же дело встало? Давайте сейчас же отправимся к нам, вот все и увидите!

Иван не в первый раз предлагал Лосю побывать в будущем, но все как-то вскользь, мимоходом. Сегодня же он вдруг успел представить Лося в том далеком отсюда мире, успел примерить на себя роль гида, предвкушил удивление и растерянность Лося перед обыденными, всем привычными вещами. В веселом азарте Иван поднялся со стула:

— Ну что, Мстислав Сергеевич? Прямо сейчас, а?

Он опустил руку в карман, нащупывая коробочку мезонного ключа, улыбнулся ободряюще сверху вниз. Лось, не глядя на Ивана, медленно покачал головой:

— Нет, не нужно...

Еще не осознав, что решение Лося не случайно, не в силах расстаться с возникшей в воображении картиной, Иван бодро и напористо продолжал:

— Да ну, Мстислав Сергеевич, что значит — не нужно? Очень даже нужно! И не надо раздумывать, ведь один момент — и мы там!

Лось быстро глянул на Ивана и вновь опустил глаза. Заговорил медленно и осторожно, пробуя на слух каждое слово:

— Я считаю, Иван Николаевич, что нельзя так вот взять и отправиться к вам, в будущее. По-моему, это безнравственно. Будущее нужно заслужить. Заработать. Есть только один способ путешествовать в будущее — идти в него из настоящего день за днем, минута за минутой. Вместе со всем человечеством...

Иван помрачнел. Пытаясь смягчить сказанное, Лось шутиливо продолжил:

— И вообще, Иван Николаевич, еще не известно, попаду ли я в свое будущее. В ваше — да, а в свое? Не знаю. Ведь я его творю каждым своим поступком, каждым решением. Но если оно зависит от того, как я решу поступить в каждом конкретном случае, значит, оно не одно? Значит, у него великое множество вариантов? Вы мне предлагаете один из них, а может, в нем меня вообще не существует, может, я утонул, сгорел, не вернулся с Марса!

Иван затаил дыхание. Лось, по неведению, подошел так близко к истине, что достаточно было только протянуть руку, и... И что — «и»? Иван не знал, что. Он не знал, почему сразу, с самого начала, не сказал Лосю всей правды, не объяснил, что они живут в разных мирах. Побоялся, что Лось не поймет? Или пожалел, не захотел взваливать на него знание факта, что не во всех вариантах будущего есть он, Лось, есть Аэлита и есть Марс, каким тот остался в памяти Лося? А может, подсознательно чувствовал невыстраданность для себя этого сурового мира Лося и Гусева, ощущал себя в нем экскурсантом и боялся упрека в этом? Может быть, поэтому ему почудился в словах Лося скрытый намек, поэтому и охватила растерянность?

Иван нервно засмеялся и отошел к окну. Взяв себя рукой за портьеру, словно собираясь выглянуть наружу, и тем маскируя волнение, он проговорил деланно равнодушным голосом:

— Что ж, нет так нет. Мое дело — предложить... — И, пожав плечами, оборвал разговор.

6.

Поначалу провожающих было немного. Но, пока суетливо доделывались какие-то важные и неизвестно почему оставленные на сегодня дела, народу заметно прибавилось. Не помогло и то, что отлет назначили на тусклый предрассветный час, когда темная в ночи листва ждет первого утреннего ветерка.

На людях Иван старался держаться по возможности в тени. Сегодня это ему удавалось плохо — напарник Лось в новом путешествии на Марс не мог остаться незамеченным.

Лось тоже был взволнован, растерян и тороплив — лихорадочно блестящие глаза, горячечный, пятна, румянец на скулах.

Пришел Гусев с женой. Она стеснялась, мило

краснела и поминутно поправляла волосы. Гусев, вдруг расчувствовавшись, крепко обнял Лосю, потом сжал руку Ивана, тряхнул, колючим взглядом впившись в глаза. Иван выдержал взгляд. Гусев одобрительно хохотнул, тряхнул руку еще раз.

— А мне говорили — контру недобитую Мстислав Сергеевич пригрел, — доверительно сообщил он Ивану. — Вот брешут, гады! Ну ничего, я с ними разберусь!

Он круто катнул по скулам желваки, и Иван с невольным сочувствием подумал о тех, с кем Гусев будет «разбираться». А Гусев был уже у аппарата, и Иван слышал, как он громко говорил жене:

— Погляди, Маша, вот в этом снаряде мы с товарищем Мстиславом Сергеевичем и летали к угнетенным братьям на Марс, помогли им делать пролетарскую революцию!

Маша слушала и робела — здесь было столько ученых, инженеров и других руководящих товарищей. Она жалась к руке Гусева — уж он-то везде чувствовал себя, как дома.

Конечно, без митинга не обошлось. Иван, стоя рядом с Лосем, не вслушивался, а вглядывался в лица выступавших, всматривался в людей, окруживших импровизированную трибуну. Усталые лица, более чем скромная одежда, резкие тени от бывшего сбоку прожекторного света — и напряженное внимание, подавшиеся вперед фигуры, бешеные овации сказанным с трибуны словам — простым, ясным и оттого до конца понятным и необходимым. Иван вдруг остро почувствовал, что вокруг — Петроград двадцатых годов, трудное, голодное, но и счастливое время. Не за горами, кажется, мировая революция; весь мир разорвался пополам, и меньшая, совсем молодая половина в голоде и холоде ломает старое и возводит новое. Новое — во всем: в названиях улиц и первых субботниках, в директорах и наркомах, вчера еще стоявших у станка и горячим вихрем революции выдвинутых вперед, в жарких спорах и яростном труде, в стремлении все успеть и всему научиться. Все казалось и было доступным — построить новый мир и выполнить план ГОЭЛРО, дать крестьянам трактор и создать новую, советскую литературу, восстановить трикотажные фабрики и полететь на Марс... Иван тяжело и восторженно перевел дыхание и заплодировал Лосю, который вместо заготовленной речи сказал глухо:

— Я, товарищи, не буду речь произносить. Все уже сказали предыдущие выступавшие. Я только хочу заверить, что я и мой товарищ, Иван Николаевич Феоктистов, хорошо понимаем и всегда будем помнить, что это Страна Советов дала возможность построить межпланетный корабль, что Страна Советов посылает нас на Марс как своих полномочных и официальных представителей. Мы хорошо понимаем, что если страна решила вместо тракторов, станков, подъемных кранов и паровозов строить наш снаряд, то она верит нам, надеется на нас. И мы не подведем! Мы наладим братскую связь между планетами!

Бешено забил Гусев в ладоши, посмотрел зверовато по сторонам — все ли почувствовали, все ли

рады? Ох, как хотелось Гусеву быть сейчас там, впереди, вместе с Лосем влезть в железное яйцо! Но хорошо понимал Гусев дисциплину, знал, что нужен здесь, на Земле, и удерживал себя, только с большей силой стучал ладонью об ладонь.

Так под оваацию и влезли путешественники в снаряд. Люк захлопнулся. Собравшиеся отхлынули, перетекли на пустырь, вытянулись неровной цепочкой вдоль ограждающих безопасную зону веревок.

Вот, перекрывая гул голосов и ток крови в ушах, раздался первый тяжкий удар. От него дребезнули оконные стекла далеко окрест и захлопали спросонок крыльями голуби на чердаках. Коротким вздохом пронесся шелест по листве. А потом в сарае низко заревело. Блестя в свете прожекторов, из него выплыло гигантское яйцо, отстреливающееся треском вспомогательных стабилизирующих двигателей. Подъем его все убыстрялся. Прожекторный свет уже не мог угнаться за снарядом, лишь зеленый огонь ракетного выхлопа постепенно таял в вышине, не теряя своей яркости, а просто уменьшаясь в размере.

Прожектора выключили, но ночь уже не возвратилась. Потянул ветерок. Поеживаясь от бессонной ночи, утренней прохлады и чувства потери, все расходились молча. Прошло полчаса, и поблизости никого не осталось. Местные жители торопливо досматривали сладкий утренний сон.

7.

Ракета постепенно замедляла бег сквозь пустоту. Невидимая линия ее траектории по касательной чиркнула о багряный шарик планеты и, подчиняясь тяготению, завилла вокруг нее суживающуюся спираль. Стальное яйцо мчалось вперед закованным горлом ракетного сопла. Из него то и дело рвался зеленоватый выхлоп пламени.

Снаряд спускался ниже и ниже. Вокруг него зашелестело, заурчало, завизжало, завывало — это стоял рассекаемый аппаратом воздух. Потом рев усилился. Он уже не воспринимался как звук. Над тихой планетой, над красноватыми пашнями, брошенными городами и редкими поселками раскатился леденящий душу, мощный и страшный ракетный крик. Он выбросил жителей из постелей, выгнал их на улицы, заставил настороженно поднять к небу лица. С тысяч губ безмолвно сорвалось такое же страшное, как этот могучий гром, жуткое и притягательное слово: «Магацитлы!»

Снаряд садился в тучу поднятой выхлопом красноватой пыли. Многотонная громада межпланетного корабля опускалась не плавно. Ее раскачивало и таскало над поверхностью планеты как попало. Двигатель взревел в последний раз и смолк. Снаряд задел краем сопла землю, опрокинулся и покотился. Центр тяжести его был расположен так, что он оставался соплом книзу.

Ивана бросило вперед, он выставил руки, но сила удара была такова, что его смаху приложило лицом, потом отбросило к другой стене, ударило еще раз и опять швырнуло. Похоже, он на какое-то время

потерял сознание, потому что, когда по-настоящему испугался, вдруг с удивлением осознал, что снаряд неподвижен, а сам он лежит, неловко подвернув руку. Считать свои синяки и шишки Иван не стал — Лось лежал ничком, не подавая признаков жизни. Осторожно перевернув его на спину, Иван обхватил пальцами запястье.

Пульс был слабый, но отчетливый. Иван на секунду задумался, не сделать ли укол кардионола, но не стал. Вместо этого он перенес Лося поближе к баллону с кислородом и открыл вентиль. Пронзительно зашипел, вырываясь из редуктора, сжатый газ. Редуктор на глазах стал обрастать инеем. Животворная струя коснулась и Ивана. Хлебнув кислорода, он почувствовал, насколько сперт воздух в кабине. По всей видимости, поглотители углекислоты окончательно отказали.

У Лося дрогнули, затрепетали веки. Он судорожно сглотнул и открыл глаза. Секунду полежав неподвижно, обшаривая взглядом тускло освещенную внутренность кабины, потом резко, рывком, сел. Сосредоточенно прислушиваясь к своим ощущениям, он сгибал и разгибал суставы. А Иван уже и так видел, что все обошлось благополучно.

Клепаная обшивка снаряда, сперва редко, а потом все чаще и чаще начала потрескивать, остывая. Приходилось ждать, пока она остынет настолько, что можно будет открыть люк. Прикинув в уме массу и теплоемкость корпуса, Иван сообразил, что ждать придется не менее часа. Поэтому он занялся собой. Умылся, выяснил, что лицо более или менее в порядке, только нос припух да саднили разбитые губы. Привычно, по всем правилам аутотренинга, расслабился. Осторожными движениями массируя лицо, заставил затянуться ссадину на губе. Посидев несколько минут неподвижно и внушив себе, что хорошо отдохнул, бодр и свеж, Иван вышел из прострации самогипноза и встретил любопытный и чуть испуганный взгляд Лося.

— Как это у вас получается? Ведь никаких следов... В средние века за такие штуки, знаете ли, на костер отправляли...

— Уж вы скажете, Мстислав Сергеевич! Обычный аутотренинг.

— Да? — саркастически спросил Лось. — Я так и подумал, что обычный.

— Нет, серьезно. Вот мы с вами как-нибудь займемся. Полностью вам не освоить, этим с детства надо заниматься, но усталость снять или там боль приглушить — я вас научу.

8.

Маленький пронзительный кружок солнца поднялся выше. Стало жарко. Иван не ожидал этого — солнце было таким слабым, что тепла от него, казалось, не может быть. Но оно было. Послужило ли тому причиной безветрие, из-за которого воздух, как в парнике, прогревался и сверху, и отраженным от почвы теплом, Иван не знал. Впрочем, безветрие его не удивило — Марс был старой планетой, вялой и

неторопливой. Иван подумал, что здесь везде так — теплая уютная тишина, ласковый воздух днем, спокойное его остывание ночью, и только на терминаторе осторожный бриз, обязательный и желанный в своем постоянстве.

Они уже далеко ушли от места приземления, но не убавляли шаг. Что их ищут — ни Иван, ни Лось не сомневались: грохочущим ревом опускающегося снаряда они оповестили о своем прибытии добрую половину планеты. Их было только двое против правителей Марса и их солдат. Силой тут было ничего не сделать. Да и что значило — «силой»? Танк, что ли, тащить сюда? Сейчас важно было выиграть время, не дать Тускубу прикончить себя сразу же. Нужно было также, чтобы об их прилете узнало как можно больше марсиан. Иван уверен был, что власти Тускуба противостоят оппозиция, ее не может не быть. Этим и предстояло воспользоваться Лосю и Ивану. Воспользоваться или погибнуть.

Местность изменилась. Появились трава и кусты, а чуть погода и жесткие суставчатые деревья. По-видимому, когда-то здесь был парк, который заглож и одичал.

Иван споткнулся, зацепив ботинком притаившуюся в траве ржавую, полусгнившую за века проволоку. Конец ее зашебуршал в кустах. Лось вырвал из кармана пистолет, перекошил брезгливо лицо:

— Ах, гадость!

Потревоженный прсволокой, большой мохнатый паук выскочил сдуру из куста, засуетился, кинулся обратно, безуспешно пытаясь забиться в заросли, путаясь лапами в корявых безлистных ветвях. Глаза его пристально поблескивали на людей. Иван мягко положил ладонь на плечо Лося:

— Не стоит, Мстислав Сергеевич. Видите, как он испугался. Зачем же еще и стрелять? Да и выдать себя можем стрельбой.

Лось нехотя спрятал оружие.

Справа, полускрытые зарослями, показались здания. Они были давно брошены. Разруха и запустение поселились в них. Иван и Лось, хрустя разбросанным повсюду мусором и щебнем, обошли первый дом и направились ко второму, высокому и мрачному. По широким выщербленным ступеням поднялись к полукрытой да так и застрявшей металлической двери.

— Это Гусев высадил, — сказал вполголоса Лось. Его обступили воспоминания. Он старался не поддаваться им — они расслабляли, лишали уверенности в себе.

Внутри было прохладно. Обломки мебели, каменная крошка от разбитых стальных плит усеивали все вокруг. Через проломы щедро вливался солнечный свет, желтые стены придавали ему приятный, почти земной оттенок. Лось устремленно шел впереди. Иван чуть отстал, жадно разглядывая фрески, обломки непонятных аппаратов у стен, статуи — незнакомые, но пробуждающие глубинные ассоциации. Он чувствовал себя, как в музее. Хотелось ничего не трогать руками.

Широко и крепко ступая, Лось вошел в узкую полутемную комнату. Дождавшись Ивана, жестом

пригласил его к смутно отсвечивающему в темноте встроенному в стену экрану.

— Вот оно, туманное зеркало! — Лось с силой дернул свисающий на шнурке шарик. Где-то за экраном послышались приглушенные шорохи и треск, словно там включился неисправный радиоприемник.

— Выключите, — попросил Иван и медленно пошел вдоль стены, нащупывая ладонью шов между панелями. Нужно было добраться до скрытых в стене электронных потрохов и как следует в них покопаться. Это входило в их с Лосем план. Стена не поддавалась. — Помогите, Мстислав Сергеевич! Это по вашей части: фиксаторы, штифты, замки. А то мне ее до второго пришествия не открыть...

Повозившись с полчаса, они все-таки откинули панель. Иван вытащил из сумки универсальный тестер, положил его на пол, затем присел на корточки и принялся внимательно рассматривать внутренности аппаратуры. Вдумчиво похмыкав, запустил в нее руки и озабоченно крякнул. Лось стоял за его спиной и безнадежно смотрел на путаницу каких-то финтифлюшек, шукувинок и загогулинок, щедро обмотанных проводами. Ивану мешала куртка. Он стянул ее, бросил на оказавшийся рядом не то большой табурет, не то маленький стол. Куртка съехала на пол. Лось уважительно поднял ее, вздохнул и пошел искать помещение, чтобы устроиться на ночь.

Он навел в одной из комнат относительный порядок, притащил несколько коротких лежаков или подставок и соорудил из них некое подобие кровати. Потом достал и разложил припасы для ужина. Тем временем солнце заметно склонилось к закату, и он отправился посмотреть, как идут дела у Ивана.

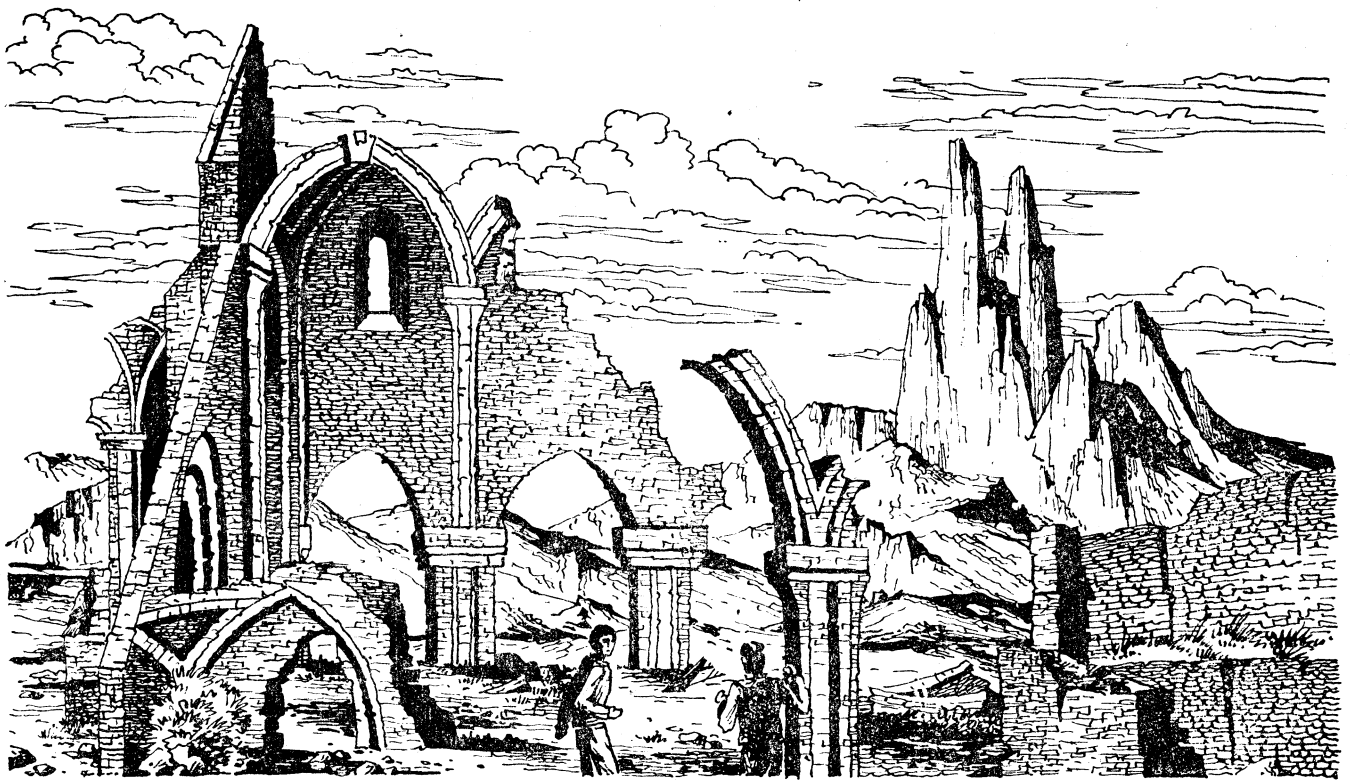
Иван лихо дудел себе под нос что-то залихватское. Аппаратура вся была вынута и разложена вдоль стены. Иван копался голыми пальцами в ее электрическом нутре. Отвертка и кусачки лежали рядом. Иногда что-то начинало гудеть и потрескивать, тогда Иван радостно приговаривал:

— И так не хочешь? Ну что ты будешь делать...

Лосю нравились люди, умеющие красиво и хорошо работать. Он не понимал ничего в этих штучках-дрючках, но Иван работал быстро, весело и со вкусом, и Лось молча стоял за его спиной, боясь отвлечь. Большие руки Ивана ловко, мягко и как-то бережно касались деталей.

По непонятной ассоциации, прихотливой причуде подсознания Лось вдруг подумал: а все-таки чего это ради Иван явился к нему, летел вместе с ним сквозь миллионы вёрст ледяной пустоты? Ведь на Марс попасть Иван мог безо всяких хлопот, мог выйти из своей машины времени хоть в самом кабинете Тускуба. Что заставило его рисковать вместе с ним, Лосем? Просто желание помочь? Да вроде не похож Иван Николаевич Феоктистов на альтруиста...

Лось не успел додумать до конца. Иван откинулся, вытер вспотевшие ладони о штанины и довольным взглядом окинул содеянное. По мнению Лося, он все разобрал, разломал и сделал хуже, нежели было. Но Иван с наслаждением потянулся, без удивления заметил стоящего рядом Лося и победительно улыбнулся:

— Ну что, проведем испытания?

Он дернул за шнурок, экран засветился. Иван включил наугад, на экране появилось поле. По нему бегали, stalkивались, падали и опять бегали марсиане. Показывали издали, и отличить их от людей было невозможно. Иван постоял перед экраном, потербил задумчиво мочку уха. Потом присел около раскиданных по полу схем, стал что-то в них делать, поминутно поглядывая через плечо. Изображение помутнело, затем стало вдруг ослепительно-ясным. Прорезался звук.

— Ох, и умели же все-таки делать вещи! — восхищенно сказал Иван. Кивнул на цифровую доску: — Командуйте! А то я не соображу, что у них тут к чему.

Лось, вспоминая, долго колдовал над доской, наконец отошел от нее и указал на экран:

— Высший Совет...

За длинным столом сидели марсиане в темных одеждах. Среди них выделялся один, с мрачным и властным лицом. Лось переводил вполголоса:

— Спорят насчет какого-то строительства... Говорят, нет рабочей силы. А это — Тускуб. Заставляет их строить, они возражают...

Иван жадно вглядывался в умное недоброе лицо Тускуба. На миг опять показалось, что все происходит во сне. Захотелось ущипнуть себя, ущипнуть и проснуться... Отогнав наваждение, он спохватился:

— Давайте-ка побыстрее устроим им подарок! А то еще разойдутся.

Он велел Лосю принести фонари из той комнаты,

где оставались вещи. Когда Лось вернулся, стена против экрана уже была наспех задрапирована тяжелой переливчатой тканью, содранной в соседнем зале. Потом Иван сгонял Лосю за креслом. Фонари он укрепил так, чтобы их лучи перекрещивались на лице сидящего в кресле Лосю. На драпировку легла его свдвоенная тяжкая тень. Критически осмотрев Лосю, Иван скомандовал:

— Голову, голову выше! — После секундной паузы добавил: — Значит, как договорились... Внимание, включаю!

Лось надменно выпрямился. Фонари спереди и чуть снизу подсвечивали лицо, рельефно выделяли складки занавеса. На экране видно было, как члены Высшего Совета умолкают и оборачиваются в изумлении, вглядываясь, кажется, прямо сюда, в комнату. Да так оно, в сущности, и было, потому что на громадном экране в зале Совета вдруг появился ужасный и непостижимо живой, невесть откуда взявшийся Сын Неба.

9.

Лишь только осветился экран связи, Тускуб, словно давно ждал этого момента, повернулся к нему. Сегодняшнее заседание Высшего Совета привело его в бешенство. Конечно, в Совете остались безусловно надежные инженеры, но какие же это были бездарности! Что от того, что свое присутствие здесь каждый из них объяснял мнимой своей гениальностью?

Освоившись и попривыкнув, они принялись без умолку разглагольствовать на заседаниях Совета, выдвигая проекты один нелепей другого. Безмерно поверив в свою исключительность, каждый из них слышал только себя. Такого Тускуб не ожидал. Он не мог провести через Совет ни одного решения, не сорвав голос и не затратив неимоверного количества нервной энергии. Противников своих, имейся таковые в Совете, он мог бы убедить, уговорить или, на худой конец, запугать. Этих же не пронять было ничем: до них невозможно было достучаться...

В очередной раз выведенный из себя неуправляемостью созданной им же самим говорильни, Тускуб со злобной радостью подумал, что несчастный, дерзнувший прервать заседание Высшего Совета, горько в этом раскается. Но на экране, прямой и надменный, появился Сын Неба. Тускуб впился пальцами в край стола.

Изображение было превосходным. Резкий свет бил в лицо землянина откуда-то снизу, за спиной струился тяжелыми складками занавес. Сын Неба сидел в старинном резном кресле, сделанном из ископаемого дерева бхо. В таких креслах когда-то сидели правители, и даже беловолосому гиганту оно не было мало. По всему чувствовалось, что Сын Неба уверен в себе и обосновался где-то прочно и надежно. Не наспех.

— Ты узнаешь меня, Тускуб? — разомкнул губы Сын Неба.

Голос его, низкий и сильный, заполнил помещение. От него начала позвякивать на столе металлическая чаша. Тускуб машинальным движением придержал ее. Сын Неба твердо выговаривал марсианские слова, но говорил чисто, и Тускуб ненужно подумал: «Аэлита хорошо справилась со своей задачей, хорошо обучила пришельцев языку. Даже слишком хорошо...»

— Ты видишь, — вновь заговорил Сын Неба, — меня нельзя убить. Твои люди много раз стреляли в меня, ты решил, что меня нет в живых, но я ожил. Я вновь пришел. Но пришел не к тебе, сейчас меня видят и слышат всюду, где есть туманные зеркала, на всей Туме.

Тускуб сидел, нервно кусая губы. Да, это был Сын Неба, и он был жив. В это верилось с трудом, ведь в ушах до сих пор слышался слабый отчетливый звук, с которым входили в это большое тело пули. Тускуб помнил, как безжизненно свалился гигант на каменную площадку и его белые волосы разметались по окрашенному кровью камню.

А Сын Неба в упор смотрел с экрана светлыми безжалостными глазами.

— Жители Тумы, к вам пришел я со звезды Талцетл! Увидел я ваши беды, и сердце мое преисполнилось горечи. И вот я здесь, народ Тумы, чтобы помочь тебе. Вы меня слышите? Передайте мои слова друг другу и знайте, что, желая помочь вам, я требую от вас того же...

Он помолчал и медленно, чуть шевеля губами, но внятно и потому угрожающе закончил:

— Тускуб, ты все понял? Нет у меня корысти и нет другого желания, кроме одного — помочь... Но

оно велико, и я не позволю остановить себя. Это не удастся никому.

Сын Неба опустил веки и стал вдруг похож на каменного гиганта, тысячелетия сидящего у воды и наводящего суеверный страх на простолюдинов. Видимо, не один Тускуб заметил сходство. Ропот ужаса пробежал среди членов Совета. Кто-то привстал и уже бочком двинулся к выходу... Охвативший остальных страх немного отрезвил Тускуба.

— Назад! — взвизнул он, давая выход ярости. — Всем сидеть на местах!

Все застыли. Тускуб вызвал узел связи. На погасшем было экране появилось взволнованное птичье личико дежурного техника.

— Видел? — мрачно спросил Тускуб. Техник потупился. Тускуб, тоскливо предчувствуя ответ, спросил: — Это правда, что... на всех экранах, по всей Туме?..

— Да, господин, — смиренно ответил техник.

— А... как?

Техник помедлил, подбирая слова. Здесь, в профессиональной сфере, он чувствовал себя уверенней. Даже Тускуба почти перестал бояться.

— Не знаю, господин. Мы проверили — Сын Неба действительно был на всех экранах. Теоретически это можно сделать. Отсюда, — он обвел рукой помещение, заставленное аппаратурой. — А как это сделал Сын Неба... — он беспомощно пожал плечами.

— Вы уже, конечно, сами определили, откуда соединялись?

Тускуб намеренно не сказал: «Сын Неба». Не хотел он ни произносить этого имени, ни слышать его.

В глазах техника плеснулся страх:

— Не знаю, господин... Аппараты показывают, что связь была со Старым городом, но ведь там...

Тускуб резким движением выключил зеркало. Он и без техника знал, что в Старом городе уже пять веков нет ничего, кроме развалин. Еще несколько минут Тускуб просидел, нахохлившись, как снежная птица умххе, потом резко встал — всером разлетелась черная накидка — и вышел, хлопнув серебряной дверью.

Члены Совета так и остались сидеть, украдкой поглядывая друг на друга. Им хотелось поскорее уйти, убежать отсюда домой, закрыться и никого не принимать. Оставаться было страшно. Уйти тоже страшно. Они не могли ни на что решиться.

10.

Похоже, все дни здесь стояли безоблачные — дождей, скорее всего, здесь не бывало. Но третий день пребывания на Марсе ознаменовался появлением маленьких полупрозрачных облачков. Лось, чисто выбранный и нервно веселый, поднял к ним лицо. Облака плавали в фиолетовом небе, неожиданно белые. От них повеяло земными могучими грядками, хребтами, монбланами облаков. Запахло сыростью и грибным дождем... Лось сладко зажмурился, потрянул головой и поглядел на Ивана. Тот шагнул впереди, длинноногий и подтянутый. Лось чуть с завистью сказал:

— Вы, Иван Николаевич, словно родились здесь, на Марсе.

Иван рассмеялся в ответ и оттолкнул ногой не в меру любопытного рыжего паука ростом с курицу. Паук опрометью кинулся в траву и затаился там, испуганно посверкивая глазами и обиженно чирикал. Глаза у него были большие, как у коровы, и задумчивые. Он часто моргал, приспуская коричневые морщинистые веки. Этот его пристальный взгляд поначалу смущал Ивана. Но пауки на поверку оказались травоядными, и Иван посмеивался над Лосем, который, встретившись с пауком взглядом, бледнел от омерзения и непроизвольно хватался за пистолет.

За неполных два дня они отмахали более ста пятидесяти верст. Несмотря на малую тяжесть и избыток кислорода, давала себя знать усталость. Лось шел, перемогая себя. Иван устал не меньше, но не показывал виду. Они гнали себя вперед и вперед. Конечно, можно было бы добраться до ближнего поселка и разжиться там если не летучим коаблем, то хотя бы летающими седлами, но они решили идти пешком. Иван уверен был, что Тускуб станет контролировать все воздушные средства транспорта, а мысль о наземном передвижении пришельцев ему и в голову не придет — у марсиан не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего дороги. Так что пусть Тускуб помучается неизвестностью, поразмыслит, куда девались и что теперь предпримут Сыны Неба.

Кустарник и редкие деревья, в беспорядке росшие там и сям, постепенно перешли в ухоженный парк. Иван понял, что до загородного дома Тускуба подать рукой. Лось, у которого с этим парком связывались самые дорогие и горькие воспоминания, замкнулся; лицо его побледнело.

— Мстислав Сергеевич, давайте остановимся — пора, — негромко сказал Иван.

Они остановились и присели под одиноким коярвым деревом с фиолетовым стволом и бурыми расплывшимися шишками вместо листьев.

Иван вынул из сумки маленькую, умещавшуюся на ладони радиостанцию. С тоненького прутика ее антенны сорвался и унесся в пески невидимый импульс. Там, в брошенном доме, ожила вторая такая радиостанция, подключенная к полуразобранному Иваном туманному зеркалу. Иван молча протянул рацию Лосю. Тот медленно произнес несколько фраз. В ответ что-то тонко прощелбетали. Лось прикрыл рацию ладонью, повернулся к Ивану:

— Тускуб здесь, у себя. Сейчас техник соединит с ним...

Из аппарата послышался встревоженный металлический голос. Лось холодно заговорил:

— Тускуб, ты узнаешь меня? Я иду к тебе как гость. Если захочешь встретиться, выходи из дома. Сейчас. Я близко.

Он резко выключил радиостанцию, вернул ее Ивану. Тот усмехнулся, представив себе Тускуба, озадаченно стоящего перед пустым экраном, изображение на котором так и не появилось, хотя из бархатной глубины только что доносился жутковатый низкий голос Сына Неба.

Лось поднялся и лихорадочно заторопился. Иван внимательно на него посмотрел, Лось с трудом выдал в ответ улыбку. Иван быстро и убеждающе проговорил:

— Мстислав Сергеевич, только договорились — на рожон не лезть! Заметьте что-нибудь подозрительное — бегите! Безо всякой там стыдливости. Они в нас не попадут, у них скорость реакции ниже нашей раза в три...

За себя Иван не очень-то боялся — был уверен в себе. А потому решил, случись что, отвлечь внимание на себя, чтобы Лось успел уйти. Да и вообще должен сработать эффект внезапности, ведь не ждал же Тускуб, что они появятся здесь. А уж если сразу не пристрелят — потом не рискнут. По крайней мере, в первое время...

Навстречу вывернулась, подскочила под ноги дорожка, повела услужливо к дому. Гуще стали заросли — уже не заросли, а насаждения: в их буйстве угадывалась продуманность. Лось шел уверенно, не задерживаясь на поворотах. Иван держался плечо в плечо с ним, чтобы успеть — в случае чего. Оранжевый песок, устилавший дорожку, скрипел под ногами, как снег в морозный день.

Дом открылся неожиданно. На крыльце, в окружении челяди, стоял Тускуб. Длинное холеное лицо его, как всегда, было бесстрастно.

11.

Иван проснулся рано. Он спал крепко, сны его были приятны. Проснувшись, сразу вспомнил, где находится, и потянулся, с удовольствием ощущая свое тело. Лося уже не было. На его кровати лежало откиннутое покрывало. Иван сел, припоминая — не слышал ли что-нибудь сквозь сон? Нет, ночью все было спокойно, и в душе не было тревоги.

Он хорошенько размялся и прошел в ванну. Это он по привычке так назвал — ванна. Прозрачная до голубоватости вода заполняла облицованный белоснежным мрамором бассейн. Разбираться в подводящих трубах Иван не стал и выкупался прямо в ледяной — видимо, текущей с гор — воде. Кожа после растирания горела. В узкие окна сочился мягкий утренний свет. С той стороны, с улицы, к стеклам льнул молочный туман. Дом еще спал.

Лось все не шел, и Иван, после недолгого блуждания по коридорам, выбрался наружу.

Туман редел. Перепутанными волокнистыми прядями он отрывался от земли, открывая взгляду потемневший песок дорожек, траву в росе. Туман был тонок. Вверху сквозь него просматривались темные вершины деревьев и небо. Небо уже посветлело — солнце давно взошло, просто сюда, в котловину меж гор, его лучи пока не дотянулись. Воздух был свеж, влажен и напоен запахами. Запахи были незнакомы, но казались приятными. Первые утренние звуки далеко неслись окрест, выдавая присутствие жилья и людей. Вот хлопнула дверь, послышались голоса. Негромкие и высокие, они могли принадлежать кому угодно, но Иван подумал, что это марсианки. В ту-

мане зазвякало что-то пустое, металлическое — ни дать ни взять, женщины с подоюниками пошли доить коров, или как тут их называют...

Иван мягко спрыгнул с крыльца и пошел по тропинке. Тропинка, петляя, обогнула развалины стены циклопической каменной кладки. Иван вскользь подумал, что все, свидетельствующее о прошлом Марса, носит явный грубовато-мощный характер. Словно жили тут несколько веков назад титаны, развлекавшиеся игрой с природным камнем, резавшие и дробившие его, как хотели...

В сером, не дающем теней свете трава по краям тропинки казалась зеленой, совсем как на Земле. Синеватый оттенок ее не бросался в глаза. Песок на тропинке отсырел и был плотен, как прикатанный. Идти было легко. Дорожка описала полукруг и упала вниз, к озеру. Иван спустился к самой воде, сел на камень. Влажный, он оказался неожиданно теплым, словно сохранил вчерашнее тепло. Вода была как стекло. Она слабо отвечивала. В ней ничего не отражалось, потому что туман, приподнявшись, так и висел над ней. Местами по воде шли разбегающиеся круги — будто рыба тыкалась лениво носом в утреннее мерцающее зеркало. Круги эти вписывались в общую картину, придавали ей сонную мечтательную законченность.

Мглистые слои тумана не спеша перемещались, перепутывались и непрямомерно для глаза поднимались вверх. Справа открылась излучина берега. Плакучие деревья свесили листья. Отражения их в светлой воде были черны, как ночь. Каменная лестница широкими ступенями спускалась к озеру. Отсюда хорошо были видны гигантские статуи, сидящие по бокам ее. Головы их скрывались пока в тумане, и разглядеть выражение каменных лиц было невозможно.

У Ивана захватило дух. Гулко застучало сердце, отдаваясь в ушах током крови. Вот сейчас неслышно спустится по замшелым ступеням, подойдет к воде тоненькая женская фигурка, облитая черным длинным платьем, в трогательном остром колпачке. Навалится худеньким плечиком на подножие статуи, поднимет голову — и распахнутся доверчиво огромные печальные ждущие глаза...

Иван чуть не вскрикнул, когда сквозь белесый полог тумана неясно просветилось вдруг темное пятно. Кто-то спускался вниз, неслышно ступая на шершавый камень, замирая на каждой ступени... Иван облегченно и разочарованно узнал: Лось! Инженер остановился, провел рукой по влажному каменному колену сидящего Магацитла. Холодом, тоской и болью потери повеяло на Ивана — и он беззвучно поднялся и быстро пошел вверх.

Нервы Лося, взвинченные нескончаемым ожиданием, были натянуты, как струна. Он уловил чуть слышный шорох и поднял глаза от тяжелого, словно ртутного, озера. Кто-то уходил вверх по откосу, трясаясь в туманной дымке. Контуры фигуры казались большими, это мог быть только Иван. Или просто утренняя атмосферная рефракция увеличивает размеры предметов — и он, Лось, спугнул марсианина, рано вставшего и на берегу озера думающего свою марсианскую думу...

Двое рабелепствующих слуг привели под руки старого, похожего на маленькую сморщенную обезьянку, марсианина. Он долго молчал, сидя напротив Ивана. Иван недоумевал, потом ему стало смешно. Наконец старик резко вскинул голову и гортанным, совсем не старческим голосом выкрикнул что-то. Глаза его засверкали и, казалось, приблизились вплотную. Иван почувствовал нарастающие слабость и оцепенение. Инстинктивно он взбунтовался, но справился с чужой парализующей волей оказалось не так-то легко. С трудом Иван превозмог себя. Заслонившие мир глаза отодвинулись, уменьшились до нормальных размеров. Они опять принадлежали ветхому существу в кресле напротив. Иван не отвел взгляда: нет, нас так просто не возьмешь!

Вот когда он пожалел, что не занимался по-настоящему аутотренингом. Так, отбывал повинность на первых курсах университета. Физкультуре и то отдавал больше предпочтения...

Старичок-марсианин заговорил. Голосок его казался недовольным. Жестами он потребовал, чтобы Иван поплотнее сел в кресле, откинулся на спинку и расслабился: Иван и не заметил, что сидит, выпрямив спину и напрягшись.

Изрезанная морщинами темная физиономия старика была тем не менее симпатичной. Симпатичным показалось Ивану и то раздражение, с которым он ругался по-марсиански, сухонькими ручонками показывая, что надлежит делать. «Гипноз? — подумал Иван. — Ну и что? Что они могут сделать? Пристрелить или отравить можно и без этого. А чужь какую-нибудь внушать — это, пожалуй, кишка тонка...»

Он послушался и сел свободнее. Старик вытянул перед собой иссохшую коричневую руку. На мгновение Ивану показалось, что на ладони мерцает, крутится полупрозрачный призрачный шарик. «Галлюцинация», — сообразил Иван и тут же вспомнил, что такой же шарик видели и Лось с Гусевым в руке Аэлиты. Видимо, старик хочет учить его под гипнозом, когда восприимчивость мозга удесятерится.

Старичок придвинулся ближе. На ладони его вновь засверкал, засветился туманный шарик, запульсировал в такт словам чужого языка... В оцепенении просидел Иван более двух часов. Затем медленно стал возвращаться в окружающее и услышал странные, но уже понятные слова:

— Ты устал, чужеземец. Иди, спи...

12.

С Тускубом у них наладилось «сосуществование», как выразился Иван. Слово понравилось Лосю. И действительно, они пользовались свободой. Жили они все здесь же, в загородном доме, но ежедневно летали в город. Иван ожидал увидеть в Соацере развалины — в памяти жило воспоминание о взрывах в рабочих кварталах, о стрельбе и смертях. Но за несколько лет, что прошли с того времени, все успели убрать. Иван с невольным уважением подумал об организаторских способностях марсиан.

Тускуб, по видимости, махнул на них рукой. Конечно, в это не верили ни Лось, ни Иван, который хоть и не видел своими глазами всего, что здесь происходило, но зато знал по книге кое-что из того, что не было известно Лосю. Тускуб избегал их, ссылаясь на занятость, и они не настаивали на встречах с ним. День они проводили в делах. Лось работал с учеными, посещал заводы и институты, и его блокноты с записями заполнялись черновым материалом. Иван, удовлетворив первое любопытство, занимался теперь в библиотеке. Он всерьез взялся за историю Тумы, пытаясь раскрыть загадку невероятной — более полутора тысяч лет — стабильности марсианского общества. Жизнь здесь, на Туме, была не из лучших, хотя суровая ее обнаженность, которую Иван вынес еще из детского первого впечатления от полета Лося и Гусева, исчезла. Необычные и яркие детали заслонили сумрачную безысходность существования простых марсиан. Кроме того, жизнь есть жизнь, и марсиане не только страдали, боролись и гибли, но и смеялись, радовались и печалились, любили и ненавидели, словом — жили. И за этими деревьями Ивану было уже не видно леса. Его, лес, приходилось теперь искать в крохах истины, рассыпанных по страницах книг.

С некоторых пор Иван стал замечать, что за ним кто-то пристально следит. Брошенный из толпы взгляд, чуть заметный кивок головы, попытка протиснуться поближе — все говорило о том, что с ним пытаются установить контакт. Но эти люди (Иван и не заметил, как стал называть марсиан людьми) скрывались прежде, чем ему удавалось с ними заговорить. Или — прежде, чем с ними удалось бы заговорить «телохранителям» Ивана, молодчикам со скачущими лицами и ленивой походкой вышибал. Простые марсиане боялись их, как огня.

В библиотеке Иван уже начал раскланиваться с завсегдатаями. Они с готовностью кивали ему и тут же утыкались в книги. На остреньких птичьих личиках были написаны необоримое любопытство и страх. Сын Неба был здесь и — клянусь Уллой Пастуха — целый час сидел рядом, рукой дотронуться можно! Но — опасно, братцы, опасно! Черная стража за всеми следит!..

Иван начал перекладывать стопку приготовленных на сегодня книг и вдруг замер: вот оно! На обложке одной из них акkuratными иероглифами было выведено: «Вас ждут в хранилище книг. Ваши друзья». На свету надпись поблекла и на глазах исчезла: «Да, это не шутки, — подумал Иван, медленно оглядывая зал. — Эти самые друзья дело знают. Интересно, кто здесь от подпольщиков?» Встретившись взглядом с девушкой, заменившей несколько дней назад чопорную и кудрявую, как спаниель, старушку, Иван безошибочно решил: она!

Новая библиотекарша была молода, высока, по марсианским понятиям, — почти по грудь Ивану — и смугла земным персиковым загаром. Скорее всего, она не укладывалась в марсианские каноны красоты, Ивану трудно было пока об этом судить, но смотреть на нее было приятно. И держалась она хорошо. Если и приседала в полупоклоне, то видно

было, что делает это не из раболепия, а из вежливости и уважения. Вот только взгляда ее темно-серых глаз Ивану перехватить ни разу не удалось.

А сейчас Иван поймал на себе этот взгляд — он был спокоен и пристален. Громадные, в пол-лица, глаза, окруженные длинными загнутыми ресницами, не дрогнули, не метнулись в сторону, и Иван загляделся в них. Это продолжалось мгновение. Она прикрыла глаза ресницами, повернулась и пошла, независимым движением сунув руки в карманы форменного лилового халатика. Плечи ее при этом вздрогнули, приобретаю юношескую угловатость. Халат натянулся, обрисовав фигурку, — нет, угловатой она вовсе не была. Иван с удовольствием проводил ее взглядом.

Девушка подошла к двери в глубине помещения, приостановилась и еще раз стрельнула в Ивана глазами. Кокетства в ее взгляде не было. Это был спокойный, деловой и чуть вопросительный взгляд — понял ли он? Иван понял. Он знал, что книгохранилище находится где-то там, за этой дверью. Именно оттуда приносили книги.

Девушка исчезла. Иван выждал минуту, затем отложил книгу и мягким кошачьим движением встал. Телохранители насторожились. «Вот еще забота на мою голову!» — с досадой подумал о них Иван.

Он прошел к столику. Окна с цветными витражами бросали на него радужные блики. От них, а также оттого, что момент, которого он так ждал, наконец пришел, Ивану стало весело. Уверенно обогнув столик, он шагнул в дверь. Протискиваясь пришлось боком, пригнув голову и по диагонали вдвигая в проем плечи. На секунду охватило ощущение игрушечности окружающего. «Городок в табакерке», — усмехнулся Иван. Прикрывая дверь, он успел заметить, что оба телохранителя с тупо-озабоченным видом спешат за ним. Это не омрачило приподнятого настроения, только заставило задержаться за дверью, поджидая.

Дверь приоткрылась. Просунулась голова одного из молодчиков, безотлучно сопровождавших Ивана все эти дни и успешных порядком ему надоест. Он увидел Ивана, но осознать ничего не успел. Могучая длань сгребла его за загривок, перетянула через порог и поставила пред ликом Сына Неба. Дверь Иван вновь прикрыл и придержал на всякий случай коленом. Стоявший перед ним соглядатай совсем ошалел. Закатывая в ужасе глаза, он бормотнул что-то и сунул руку в карман. Иван молниеносно перехватил ее и вывернул из кармана, не взирая на отчаянное сопротивление. В руке был зажат тускло поблескивающий металлический предмет, одного взгляда на который было достаточно, чтобы понять — оружие.

— Дура, ведь выстрелил бы! — укоризненно сказал по-русски Иван.

Он забрал эту штуку и положил в карман, а пленника встряхнул для порядка, погрозив ему пальцем. Он не знал, насколько общепринят этот жест, но марсианин отлично его понял.

Лишь после этого Иван отпустил дверь, которая уже сотрясалась под натиском второго охранника.

Тот влетел в коридор головой вперед и расквасил бы себе нос, не подхвати его Иван прямо на лету. Держа, как поймал, за одежду на спине, Иван одной рукой поднял его на уровень лица, неодобрительно прогудел по-марсиански:

— Хоро-ош...

Марсианин закопошился, пытаясь встать. Это никак не удавалось — ноги его болтались в полуметре от пола. Иван свободной рукой молча похлопал его по карману и красноречиво протянул ее ладонью вверх. Тот безропотно достал оружие и вложил в руку. «Сговорчивый попался», — усмехнулся Иван, сунул пистолет в карман, подхватил за шиворот первого марсианина и озабоченно огляделся. Перед ним тянулся довольно широкий суставчатый коридор. Вдоль стены стояли металлические, под самый потолок, шкафы с книгами. Иван плечом качнул один из них. Шкаф оказался неожиданно тяжелым, но к полу прикреплен не был.

Иван шел по коридору, незадачливые охранники покачивались, как куклы перед ним, не издавая ни звука. От них требовалось избавиться на некоторое время — не мог же он привести их с собой на встречу с подпольщиками. Дойдя до поворота, Иван поставил своих стражей в угол и неожиданным движением придвинул ближайший шкаф. Марсиане тонко пискнули и ринулись наружу — им показалось, что ужасный Магацилл решил раздавить их этим железным ящиком. Шкаф почти отгородил их от мира. Бесцеремонно закинув марсиан обратно в закуток, Иван задвинул оставшуюся щель вторым шкафом и удовлетворенно оглядел содеянное. За шкафом слышались возня и пыхтение, но сами шкафы даже не шелохнулись. Усмехнувшись, Иван двинулся дальше по коридору.

13.

Их оказалось шестеро, не считая девушки-библиотекаря, скромно отошедшей к стене. Они встали навстречу Ивану и не сели, пока не сел он. В них не было ни на гран подобострастия, Ивану понравилось это. Он улыбнулся и заговорил первым:

— Мы ждали, что вы к нам придете.

Молодой марсианин с сумрачным красивым лицом сказал:

— Какая разница — мы к вам, вы к нам... Вы один? Вас... не задержали?

Иван понял и, усмехнувшись, достал из кармана и положил перед ним оба отобранных у охранников пистолета.

Сбоку выдвинулся широкоплечий крепыш, сгреб со стола оружие, сообщил вполголоса:

— Они в коридоре, у входа, за шкафами. Сами не выберутся.

Мрачный марсианин кивнул. «Однако серьезно у них тут дело поставлено», — подумал Иван. — Конечно, полагаться на случай было бы глупо. Но я-то как не заметил никого?»

Все тот же марсианин спросил:

— А почему вы ждали какой-то встречи? С кем?

— Может быть, с вами, — пожал плечами Иван. — Пока что я не знаю, кто вы и что из себя представляете.

Глаза марсианина недобро сузились:

— А все же — почему ждали встречи?

Разговор Ивану перестал нравиться. Он равнодушно ответил:

— Да просто-напросто у всякой диктатуры есть противники. И чем больше жестокости проявляет правительство, тем больше у него врагов. И тайных, и явных. А если их много, они обязательно начнут объединяться.

Марсианин молчал, и Иван назидательным тоном добавил:

— Наш прилет к Туму — событие значительное. Не каждый день к вам прилетают со звезды Талцетл. Глупо было бы не воспользоваться таким событием, тем более, что мы известили о своем появлении всю планету. Вот мы и ждали...

Марсиане слегка пошевелились, переглянулись. Что-то изменилось в обстановке. Иван не понял, осталась ли она такой же напряженной, как в начале встречи. По-видимому, нет, потому что кто-то — Иван не успел заметить, кто именно, — пробормотал:

— Ну что ж, логично...

Молодой марсианин, он явно был здесь главным, сердито дернул плечом и снова обратился к Ивану:

— Так вот — нам действительно приходится считаться с фактом вашего присутствия. Поэтому мы спрашиваем вас — с кем вы?

Иван прищурился. Он не любил, когда его брали за горло.

— А если не с вами?

— Мне очень жаль, но мы не можем рисковать. Вы нас видели...

Он не договорил. Иван весь подобрался:

— А вам не кажется, что мы неудачно начали разговор? Прошу учесть, что я не боюсь. Если я захочу уйти, я уйду. И уверяю вас, меня не задержать!

Как ни мала была вероятность провокации, Иван не мог ее полностью исключить и сейчас сознательно обострял ситуацию, готовый в долю секунды метнуться в сторону, прокатиться по полу, сбить с ног всех, кто станет между ним и выходом. Он сказал правду — он не боялся. Эти люди просто не представляли себе, что такое землянин. Даже Лось смог бы справиться, если бы повезло. А для себя Иван исключал везение, делая ставку на быстроту реакции и инстинктивную жажду жизни.

— Перестань, Глан! Как не стыдно — пригласили Сына Неба и довели разговор до взаимных угроз! — прозвенел сзади возмущенный девичий голос. Не обращившись, все еще держа в поле зрения сидящих, Иван понял: не выдержала девушка-библиотекарь.

— Не вмешивайся, Иххнор, — буркнул Глан и повернулся к Ивану. — Действительно, разговор пошел не так, как надо. И все же — с кем вы?

Иван устало откинулся на спинку кресла:

— Давайте начнем с начала: а кто вы? Сколько вас? Каковы ваши цели? Согласитесь, это немало важно, если вы хотите знать, с кем мы.

— Резонно. Итак — нас тридцать миллионов.

Нас — тех, кто угнетен. И горстка правителей. Два цикла назад, во время спровоцированной Тускубом резни, погибли миллионы. Тускуб сохранил власть, но уничтожить Движение ему не удалось. Напротив, сотни и тысячи врачей, инженеров, техников пришли к нам. Одни — из страха, что Тускуб опять устроит побоище, другие — понимая, что дальше терпеть такое положение нельзя. Так что мы сейчас налаживаем организацию. Подробнее рассказать я пока не могу. Не имею права.

Иван кивнул:

— Хорошо, я понял. Вы не просто шесть человек, недовольных властью Тускуба. За вами стоит еще множество людей. Но чего вы все же хотите?

— Как чего? — вскричал Глан. — Свергнуть Совет инженеров, снести Дворцы наслаждений, покончить с забитостью народа! Мы бы хоть завтра подняли десять миллионов рабочих, а что потом? Тускуб снова зальет Туму кровью. Нам нужен вождь, который был бы выше любого из нас, выше Тускуба и который хотел бы того же, что и мы!

«Н-и-да... — подумал Иван. — История-то знакомая. Никакой позитивной программы, главное — разрушить. А всеобщее счастье — оно само собой придет. Потому как все плохое уже уничтожено... Так и получается: вначале — долой знать, долой тиранов. А потом — храмы вождю, и новая знать, из его приближенных. А серая масса, для которой все это и затеяно, она же серая! Ей и не нужно ничего, кроме сытно пожрать да попасть во Дворцы наслаждений... И снова понастроят этих Дворцов, пусть массы наслаждаются, ведь за то и боролись. И только много спустя кто-нибудь спохватится — батюшки, так ведь ничегошеньки и не изменилось!.. И ведь было это, и неоднократно. Были буржуазные революции, и весь народ поднимался, и головы королям рубили, а народу от этого лучше не становилось. Когда это простому народу лучше было! А про социалистические преобразования им и тем более не расскажешь...»

Но не говорить об этом было тоже нельзя, и Иван сказал часть того, что думал:

— У нас на Талцетл это все было. Сейчас у нас всеобщее равенство, — он намеренно заговорил о своем времени, — и жизнь наша, если рассказать вам о ней, покажется сказочной. Но было и то, с чего начинаете вы. И уверяю вас, все очень не просто. Ну, смените одного Тускуба на другого, а вам ведь надо не это.

— Ты видишь, Глан, Сын Неба говорит то же, что и мы! — подался вперед тучный пожилой марсианин.

Глан повел бровью в знак того, что слышал, и опять обратился к Ивану:

— Итак, наш путь вам кажется ошибочным. Вы знаете другой, более правильный? — в голосе его просквозило ледяное недоверие.

«Господи, а с чего же у них должно быть доверие к пришельцам, не связанным с детством их непростую жизнь, а сразу предостерегающим и поучающим?» — подумал Иван и сказал:

— Не совсем так. Я знаю, как было у нас. Мо-

жет быть, пути наши схожи. Поэтому я и изучаю историю вашего мира. («Много вы по официальным книгам изучите!» — фыркнул тот же пожилой марсианин). Короче говоря, нам с вами надо сравнить опыт двух миров, тогда и могут появиться конкретные предложения.

— Но вы с нами? — прервал наступившую тишину возглас девушки.

Она подалась вперед, щеки ее горели, на лоб упала прядь пепельно-русых волос. Волнение так ярко обозначилось во всей ее фигурке, что Иван невольно улыбнулся и ответил не задумываясь:

— Конечно, с вами. Не с Тускубом же мне быть! И товарищ мой, — сказал он о Лосе, — тоже с вами.

— Говорит то, что думает, — негромко прокомментировал сидящий сзади худой темнолицый марсианин.

— Ну вот, еще и телепат на мою голову, — по-русски беззлобно пробормотал Иван. На его слова никто не обратил внимания.

Сковывавшая марсиан настороженная сдержанность лопнула, словно прорвало плотину. Глан вскочил с места, и стало видно, что он совсем еще мальчишка, а суровая манера держаться вызвана осознанием возложенной на него ответственности.

— Ну, Сын Неба, раз вы наш, давайте знакомиться! — решительно заявил Глан. — Представляю по порядку...

Через головы окруживших его марсиан Иван нашел взглядом девушку. В широко распахнутых глазах ее светилась откровенная радость. Вся она была такой земной, что Иван подумал — наверняка марсианские легенды о Магацитлах, давших начало нынешней расе марсиан, имеют под собой реальную основу. Вот оно, подтверждение — неожиданная игра генов, придавшая дочери чужой планеты свои, родные, земные черты...

14.

Иван уселся поудобнее, повернулся к туманному зеркалу и дернул за шнурок. Экран осветился. Показывали постановку на историческую тему. Высший Совет санкционировал цикл таких передач, предназначенных развлекать и отвлекать. Всмотревшись, Иван удовлетворенно улыбнулся. Инсценировали легенду времен царицы Магр. Магацитлов среди персонажей не было, но упоминались они часто. Так часто, как это только можно. На общем фоне того сурового времени Магацитлы, оставаясь за сценой, вносили в действие свою — ясную, теплую и добрую — линию.

Подготовка общественного мнения шла полным ходом. На глазах рождался новый вид искусства — драматический. Идея была Ивана. Его с Лосем новые друзья не сразу поняли, что он им предлагает, а когда поняли, нашлись и режиссеры, и сценаристы, и актеры. Древняя Тума не знала театра, и тем большим оказался эффект. Конечно, долго так продолжаться не могло: вот-вот Высший Совет разберется, что к чему. Но то, что посеяно сейчас, уже дает и будет еще давать всходы.

Иван вспомнил одну из последних встреч его и Лося с подпольщиками.

— Вы еще мало знаете нашу жизнь,— сказал Глан.— Вы не представляете, как велико влияние традиций, обычаев, религии. У нас на каждый случай жизни есть соответствующее указание в старых книгах. Чтобы изменить существующее положение, нам нужен реальный противовес влиянию традиций. Только тогда мы сможем оторвать людей от старого и исподволь приучать к новому.

— Конечно же, с помощью Магацитлов,— саркастически заметил Иван.

— Нет, с вашей помощью, Сыны Неба,— серьезно сказал Глан.— У вас и сейчас достаточно высокий авторитет. Но он пока — сплав страха, благоговейного преклонения и веры в чудо. Больше всего, пожалуй, страха. А мы хотим, чтобы в вас увидели еще и друзей.

— Это все общие фразы,— вмешался в разговор Лось.— А конкретно, что вы предлагаете?

Глан замялся.

— Так есть у вас какой-нибудь план или нет?

— Есть. Нам надо освободить Аэлиту...

...В коридоре послышались шаги. Иван очнулся от воспоминаний, молниеносно вскочил, одним скользящим движением пересек комнату и встал за дверью. Похоже было, что шел Лось, но Иван не хотел рисковать. Неделю назад, возвратившись из Соацеры позднее обычного, Иван отправился в парк искать вышедшего на прогулку Лося. Он пошел напрямик и буквально наткнулся на тронх марсиан, скрадывавших Лося из засады. «Охотники» были вооружены короткими марсианскими автоматами. К счастью, Иван сразу понял, в чем дело, и успел сгрести двоих в охапку, отняв у них оружие. Третий кинулся бежать. Иван не пытался его догонять, лишь швырнул в него одним из отобранных ружей, когда заметил, что тот собирается остановиться. Ружье чуть не сбило налетчика с ног, упало на песок и от сотрясения выстрелило длинной фиолетовой очередью, сбивая листву и ветки с деревьев. На выстрелы неожиданно быстро, словно ожидали поблизости, явились слуги во главе с дворецким. При виде задержанных глаза его зло блеснули. Он резко каркнул, чтобы они подошли поближе. Иван хотел объяснить, что произошло, но дворецкий с коротким поклоном бросил ему недовольное: «Вижу...»,— и опять повернулся к налетчикам. Прочтя во взгляде приговор, они упали на колени, но о пощаде не молили. Дворецкий поднял их же автомат, пророкотала короткая очередь, и оба ткнулись в землю. Иван, потрясенный будничностью расправы, едва смог отпустить дворецкого, робелепно спрашивающего, нет ли у Сына Неба еще каких-либо приказаний. Лося Иван об этом происшествии говорить не стал...

Дверь открылась, и вошел инженер. Иван притворился, будто искал что-то в висевшей на стене куртке. Лось выключил зеркало, повернулся к Ивану.

— Ну что, разрешил? — поинтересовался тот.

— Да разрешить-то разрешил...— озабоченно протянул Лось.— Но что-то очень уж обрадовался, даже скрыть не сумел. Опять, значит, жди пакость...

— Почему опять? — быстро спросил Иван.

— Да так, имел случаи убедиться,— уклончиво ответил Лось.

Несколько дней назад Лось не выдержал и решил спросить Тускуба об Аэлите. Он понимал, что Иван будет против: не стоило настораживать Тускуба, показывать, что им известно что-то. Но и ждать, пока развернутся события, Лось был не в силах.

Тускуб сидел один и что-то писал. Он встал, приветствуя Сына Неба, Правитель был мрачен, но сдержан. Однако лишь только Лось заговорил, выдержка покинула Тускуба. Побагровев, он сдавленным голосом выкрикнул:

— Аэлита — умерла! Она умерла!..

Лось, не сводя с него тяжелого взгляда светлых глаз, резко возразил:

— Я прилетел, потому что у себя, на Талцетл, слышал ее голос по радио!

Тускуб затрясся. Злобная гримаса перекосила его лицо.

— На колени! — прохрипел он, не разжимая губ.— На колени!

У Лося заломило виски, тупая боль запульсировала в затылке. Все вдруг стало безразлично. Чего он хочет, на колени? Да что угодно, только бы не видеть этих страшных глаз, не слышать резкого, как удар хлыста, голоса...

Лось уже готов был подчиниться, пасть ниц, но последним усилием ускользающего разума взбунтовался. От стыда и страха, что чуть не поддался чужой злой воле, Лося обуяло бешенство. С маху он хватил кулаком по краю стола. Стол был крепкий, добротный, полированного камня. На Земле он весил бы пудов тридцать... Боль в разбитой руке окончательно освободила Лося от наваждения. Сумев оторвать взгляд от расширившихся зрачков правителя и затем снова взглянув на него, Лось даже удивился — неужели это он только что казался великаном? Неужели это от его голоса хотелось сжаться в комок, молить о каком-то прощении?

С лица Тускуба еще не сползла торжествующая улыбка, а Лось уже подхватил стол снизу и небрежно, как картонный, отшвырнул в сторону. Тускуб быстро сделал шаг назад, за кресло. Лицо его посерело.

— На колени, говоришь? — переспросил Лось. Голос его прозвучал угрожающе.

Тускуб сделал еще шаг назад.

— Стой! — выкрикнул он.

Голос подвел его, дрогнули. В нем не было уже той непрерываемой властности, которая только что леденила сердце Лося.

Лось недобро усмехнулся и двинулся вперед. Под ноги ему попало кресло — он отшвырнул его ногой. Кресло пролетело через всю комнату, с хрустом врезалось в стену и просыпалось деревянным дождем. Тускуб не выдержал. Он повернулся и кинулся прочь из комнаты. Лось остался один. Победа не обрадовала его. Очень уж не ко времени все это произошло, слишком многое стояло под ударом.

Против ожиданий, Тускуб никак не проявил свой гнев. Он попросту избегал их. А сегодня к Тускубу

Лось пошел сам, не пустил Ивана: не любил, чтобы за него кто-то расхлебывал, да и не хотел, чтобы Тускуб подумал, что его боятся. Правитель за все время беседы ни одним мускулом на лице не дал понять, что помнит и как-то оценивает случившееся. Быстро согласившись выделить Сынам Неба летающие корабли, он не смог угаить промелькнувшую в глазах радостную усмешку, и настороженный Лось заметил ее.

Иван только рассмеялся его опасениям:

— Пусть радуется, тем больше разочаруется потом!

15.

Сыны Неба пожелали исследовать мертвую юго-западную пустыню. Тускуб приказал снарядить экспедицию на двух летающих кораблях. Землян сопровождали три десятка солдат с офицером. Лось и Иван ни секунды не сомневались в указаниях, полученных охранниками: в гиблой пустыне за мрачным карашурским хребтом так легко затеряться!

Чтобы не перегрузить корабли, почти всех солдат пришлось посадить на второй из них. На первом, кроме Лося и Ивана, оказалось всего четверо охранников в смешных яйцеобразных шлемах. Несмотря на стеганые куртки, вид у них был субтильный. Они с опаской поглядывали на гигантов, не выпуская ружей из рук.

Закрутились, загудели несущие винты. Ветром подхватило и понесло сухую траву. Свою долю шума добавили винты-стабилизаторы. Корабли в туче пыли тяжело оторвались от земли, зависли и медленно, с набором высоты пошли на юг, к далекому маломощному солнцу.

Проплыл внизу сельскохозяйственный поселок, замелькали посадки кактусов. Кончились и они, потянулась однообразная равнина. Монотонность движения усыпляла. Солдаты успокоились, втянули головы в широкие воротники. Лось достал трубку, раскурил. «Шохо тао тавра, Шохо-ом», — зашебетали солдаты. Слышали они, конечно, как «шохо» глотают дым, но все равно жутковато было видеть это.

Иван внимательно следил за горизонтом. Лишь только показались сбоку, наперехват, три темные точки, он толкнул локтем Лося, достал из кармана радиостанцию и нажал кнопку. Иван не знал, кто устанавливал вторую радиостанцию — на корабле с солдатами. Он только надеялся, что его объяснения оказались достаточными и никто ничего не напутал. Но нет, все в порядке — на летящем сзади корабле сработало реле, вращение винтов резко замедлилось. Корабль клюнул, нырнул и пошел вниз. Закутанный в меха пилот первого корабля, в больших очках-консервах похожий на мальчика, завертел головой, залопотал испуганно. Солдаты бросились к борту.

— Вниз! — проревел Иван, перекрывая шум винтов. Пилот растерянно обернулся, и Иван для наглядности ткнул пальцем: — Вниз!

Пилот в страхе отвернулся и бросил корабль в пикирование — Иван средку бы не подумал, что этот летающий сундук способен на такое. Солдаты ухва-

тились за скамейки. Лишь один с испугу поднял ружье. Иван толчком в плечо отбросил Лося и сам кинулся на дно корабля. Негромко защелкало, затряслось ружье в руках солдата, веером побежали по алюминиевому борту пробойны. Сменить прицел солдат не успел — Иван дотянулся, ударил ногой, ружье взмыло, перелетело через борт и кануло вниз. Позаячьи вскрикнул солдат, прижимая к животу вывихнутую руку. Остальные трое сами бросили ружья на пол. Пилот не оборачивался, только сутулился и вздрагивал при каждом выстреле.

Сели слишком близко — до второго корабля оказалось метров четыреста. Из него выскакивали, разворачивались в цепь и бежали сюда маленькие нестрашные фигурки. На дулах ружей посверкивали безобидные фиолетовые искорки. Но в плечо больно стукнуло, и Иван сказал задумчиво:

— Ну что ж, Мстислав Сергеевич, придется побегать...

Они вылезли и побежали прочь, пригибаясь и стараясь, чтобы между ними и преследователями все время оставался корпус корабля. Далеко отбежать не успели — над головой низко, с ревом прошли и тяжело плюхнулись наземь три летающие лодки. Это подоспели боевики под командой Торнтула, невысокого коренастого марсианина. Прямо с лету они открыли огонь по солдатам. Иван и Лось остановились, постояли и побрели обратно. Плечо у Ивана горело невероятно. Когда они подошли, все было кончено. Офицер и несколько солдат были убиты. Остальные охранники сбились толпой неподалеку. Ребята Торнтула успели содрать с них форменные куртки и, пересмеиваясь, рассаживались по кораблям. Шлемы они держали в руках. Торнтул быстро навел порядок, и через каких-нибудь полчаса корабли снова были в воздухе. Но летели они уже не на юг. Описывая широкую дугу, они все дальше и дальше забирали к востоку.

После долгого перелета и утомительного трехдневного перехода по выветрившимся причудливым скалам они достигли цели.

16.

Лось, Торнтул и Иван лежали на узком каменном выступе, залитом утренними лучами солнца. Перед ними простиралась большая, не менее десяти километров диаметром, долина. Противоположная сторона ее тонула в глубокой тени. Это был кратер вулкана, погасшего в незапамятные времена. В центре блестящего озера, к нему бежала извилистая лента реки. Щедро разбросанные там и сям купы деревьев, заросли кустарников вдоль обрывистых склонов цирка придавали картине идиллический вид.

При внимательном рассмотрении стали заметны ровные прямоугольники полей. Они чуть отличались по цвету от окружающей их дикой поросли. Далеко, почти у противоположного края кратера, виднелась группа скал или зданий. Они были укрыты тенью, солнце било в глаза, и даже в здешнем хрустальном воздухе рассмотреть что-либо оказалось невозможно.

— Что же мы сидим? — встрепнулся Лось. — Надо же что-то предпринимать, как-то действовать!

— Действовать начнем вечером, — улыбнулся Торнтул. — А пока я предприму разведку. Вам же предлагаю поспать.

Им и впрямь казалось — только бы лечь, пусть на голые камни, и спать, спать, спать... Но уснуть оказалось труднее, нежели ожидалось.

— Послушайте, Иван Николаевич, — донесся до Ивана тихий и совсем не сонный голос Лося, — я все время хотел спросить... Вы со своей машиной времени были ограничены пределами Земли или же могли и сюда, на Туму, попасть?

«Да, — подумал Иван, — всего лишь полгода назад я вполне мог явиться на Марс, как на прогулку, любопытным и торопливым...»

Он почувствовал краску стыда, представив тогдашнего себя на Марсе: технически это было вполне осуществимо. К счастью, получилось иначе, и хорошо. Слишком уж это было бы легко и просто. Нечестно было бы это по отношению к Марсу, к тусклым и ржавым его равнинам, то же самое было бы, что въехать в храм на мотоцикле и кружить с грохотом по хранящему следы тысяч и тысяч ног мрамору, вокруг все еще прямых колонн, поддерживающих остатки давно провалившегося свода...

Лось молчал, не переспрашивал, и Иван честно сказал:

— Не знаю... По-видимому, можно было. На экскурсию, как вы выражаетесь...

Странным образом этот разговор оказался и о том, о чем они никогда вслух не говорили — о Лосе, об Аэлите, о них вместе и о каждом из них в отдельности... Иван сбился с мысли. Он вдруг подумал, что иногда необходима такая вот деликатность: если ты о чем-то не заговариваешь вслух, то не от равнодушия, а из нежелания разминивать словами то, чего касаться нельзя. И Лось, по-видимому, это понимает...

Лось молчал. Он радовался, что ошибся, предполагая в Иване склонность к легким путям и быстрым обобщениям. Вроде и не давал ему Иван повода для таких мыслей, тянул лямку обстоятельств вровень с Лосем, временами и вообще брал на себя право принимать решения в ситуациях, когда это право означает и принятие ответственности. Но ведь оставалось же что-то, что дало Лосю повод относиться к Ивану чуть снисходительно, с почти неуловимым пренебрежением? Может, потому, что Иван как на готовенькое вошел в пережитое, выстраданное Лосем... Но пережитое осталось в прошлом, а Иван теперь вместе с ним живет дальше. И то, что они уже прожили вместе, а еще больше то, что им предстоит прожить, уравнивает их, дает право в одной мере нести ответственность за то, что есть и что будет.

Не дождавшись отклика Лося и обидевшись на его молчание, как можно обижаться только на близких людей, Иван грубовато сказал:

— И вообще — какого черта! Ну не захотел я на экскурсию сюда прискакать, ну и что? Чего вы от меня хотите?

— Спать хочу, — тоже грубовато ответил Лось и почувствовал, что и в самом деле засыпает.

Уснули оба. Солнце проплыло по небу, склонилось к закату, и разбудил их только условный свист Торнтула, вернувшегося с рекогносцировки.

17.

Торнтул вернулся не один. Рядом с ним стояла женщина. Необычный ракурс искажал пропорции фигуры, лица вообще не было видно.

Первой поднимали женщину. Лось старался тянуть плавно. Один раз веревку все же закрутило, женщина ударилась о скалу плечом и коленом. Она не вскрикнула, хотя, когда ее подняли к площадке, лицо ее было неподвижно от боли. Иван подхватил ее, помог подняться на ноги. Лицо показалось ему знакомым. Встретив его изучающий взгляд, она насторожилась, но тут же рассмеялась.

— Неужели это вы? — глупо спросил Иван по-русски.

Она поняла и ответила чуть виновато:

— Я и сама себя в зеркале не узнаю, такую старушечку пришлось изображать...

Да, это была Иххнор, ее смех, ее голос — неповторимый низкий голос, в котором проскальзывала легкая хрипотца... Лось уже поднимал Торнтула, а Иван все стоял рядом с девушкой и смотрел на нее сверху вниз.

— Можно, я буду называть вас Норой? — спросил он, и она опять засмеялась, не таясь, но чуть слышно, только для него. Иван сообразил, что продолжает говорить по-русски, и повторил вопрос на ее языке. Она кивнула чуть приметно.

Торнтул был уже наверху. Они отошли от края обрыва и уселись на обломках скалы. Лось сворачивал веревку, стараясь делать это не спеша. Ему очень хотелось спросить про Аэлиту, но он сдерживался. Нора — Иван про себя уже не называл ее иначе — заговорила вполголоса с Торнтулом. Иван мог рассмотреть ее внимательнее. Не удивительно, что он ее не узнал. На ней было длинное, до пят, глухое лиловое платье, открытыми оставались только кисти рук. Продолжая разговаривать с Торнтулом, Иххнор перехватила взгляд Ивана. У нее зардели мочки ушей. Лицо оставалось бесстрастным. Умело наложенный грим превратил его в лицо еще не старой, зрелой и властной женщины, черты Норы едва угадывались в нем, и Иван подумал, что такой она будет лет через двадцать. Кого-то ждет завидная доля — быть рядом с Норой все эти годы и видеть, как распускается, цветет и зреет ее красота... Иван одернул себя — об этом ли сейчас надо думать? — и, чуть виновато глянув на молчащего Лося, спросил, узнала ли Нора что-нибудь об Аэлите.

— Я даже говорила с ней. Да-да! Говорила! Я ведь не кто-нибудь, а новая жрица храма Магр! — с комической важностью заявила Нора. — Аэлита ждет нас сегодня ночью. Завтра мы должны быть далеко отсюда.

— Да, — подтвердил Торнтул. — Завтра возвращается Верховная жрица храма, и тогда Иххнор будет разоблачена.

Лось с признательностью посмотрел на девушку. Ему захотелось сказать ей, что она может всегда на него рассчитывать — и сейчас, и в будущем...

Темнело быстро. Противоположный склон кратера еще слабо освещался последними лучами худосочной марсианской зари, а здесь уже настала ночь. Вверху выпали немигающие звезды. В долине мерцали огни, но вскоре погасли и они — жители затерянного царства легли спать. Лишь в замке тускло светилось несколько окон.

Было тихо. Поэтому громом ударил спокойный голос Торнтула:

— Пора!..

Они спустились и пошли через кусты. Торнтул шел впереди. Фонарей не включали. Глаза привыкли к темноте, она перестала казаться сплошной. Неясными тенями, сгущениями мрака угадывались в ней деревья, камни, кусты.

Вышли на тропинку. Идти стало легче. Тропа светлела во тьме, как ручей. В кустах обочь тропы временами кто-то вздыхал и сопел. Наверное, опасности в том не было, потому что Торнтул не обращал на эти звуки внимания.

Как ни спешили, а к замку подошли только через два часа. Все спало вокруг. В поселке, через который они прошли, не было видно ни одной живой души.

Торнтул, вооруженный аэрозольным баллончиком со снотворным, обезопасил часовых, и они незаметными проникли в замок.

В храм царицы Магр пришлось пробираться через подвалы.

Не успели они опустить за собой массивную каменную плиту и оглядеться, как из бокового придела вышел на шум служка при храме — толстый неопрятный марсианин с фонарем в высоко поднятой руке. Он недоуменно озирался. Иххнор выступила вперед, чтобы на нее упал отблеск света, и приказала, царственно вскинув голову:

— Подойди ближе!

Голос ее прокатился по храму, вернулся, отразившись от стен и купола. Служка несмело переступил разок-другой, во все глаза разглядывая новую ярицу, которую до того видел только мельком и которую — не поймешь — надо или нет слушаться. Он не успел решить этой проблемы — Торнтул молнией метнулся из темноты, наотмашь ребром ладони рубанул его по жирной шее и успел еще подхватить падающий светильник. Служку он подхватывать не стал. Тот опустился на пол и остался лежать грудой тряпья, небрежно брошенного на каменные плиты.

Иххнор схватила Торнтула за руку и потащила в глубь зала. Земляне, стараясь ступать как можно мягче, поспешили за ними. Еще один служка нарвался на них, Торнтул и его уложил жестоким ударом. «Ничего, к утру очнется», — пробормотал он, мельком глянув на упавшего. Наконец они оказались у цели. Но двусторчатая бронзовая дверь, ведущая в башню, где томилась Аэлита, оказалась запертой.

Это была хорошая дверь, прочная и массивная. Держалась она на больших кованых петлях — не дверь, а ворота, лишь немного не доходившие до пола. Руку в щель еще можно было просунуть, но

пролезть могла разве что кошка. Проем над воротами перекрывала решетка.

Иван, заранее подумав: «Ах, плечо мое, плечо...», вздохнул и вплотную подошел к двери. Примериваясь, встал к ней спиной, уперся руками в верхний выступ створки, напрягся. В плечо словно воткнули, проворачивая, раскаленный гвоздь. Створка дрогнула, качнулась, приподнялась было и снова упала в свои гнезда. Иван перевел дух, отступил на шаг, окинул ворота оценивающим взглядом. Весили они, пожалуй, не менее двух тонн. Каждая створка — тонну... Конечно, по земным меркам.

Подавив желание растереть, помассировать плечо, Иван позвал Лосю:

— Вставайте рядом, будем снимать одну сторону, иначе не справиться.

Они встали вплотную друг к другу. Иван был выше Лосю, но сейчас это не давало ему преимущества. Напротив, Лось удобнее примерился к воротине, упер ладони к перекладине. Разом навалились они на дверь, отжимая ее кверху. Петли скользнули по стержням, зависли в верхнем положении.

— Е-еще... — с натугой выдохнул сквозь зубы Иван.

Дверь поднималась еще немного, качнулась, освобожденная от петель, и с глухим звоном ударилась углом о каменную плиту пола. Во все стороны брызнула каменная крошка. Не давая себе передышки, земляне сдвинули створку в сторону, пропахав в граните пола глубокую борозду.

Иван первым шагнул в проем и остановился, вздрогнув от неожиданности: в полумраке на ступенях лестницы стояла женщина, в длинном — как у Нору, до пят — платье, в остроконечном капюшоне. Помня, что где-то наверху их ждет Аэлита, Иван хотел было шагнуть вперед, обойти застывшую на лестнице фигуру, но не успел. Лось отодвинул его в сторону, протиснулся мимо и замер столбом перед женщиной. Она сбросила капюшон. По плечам заструились, вспыхивая серебром в огне фонарей, пепельные волосы.

Иван тихо сделал шаг назад, потом еще и еще. Спиной он наткнулся на Торнтула и потеснил его к выходу. Они вышли из башни. Иххнор стояла на прежнем месте. Все трое отошли в сторону и сели на высеченную в камне скамью.

Ивану вдруг стало грустно — потому что ночь и тихо вокруг, потому что устал и ноет простреленное плечо, потому что до Земли много миллионов километров и много инвариантных миров... Потому что рядом молчат Нора и Торнтул, и печаль легко и пронзительно когтит душу и сердце...

Иван вдохнул воздух с разлитой в нем грустью, открыл глаза и засмеялся.

— Аэлита, — сказал он негромко. — Аэлита...

Нора вопросительно смотрела на него. Она бы в этом не призналась, но расчувствовалась от встречи Лосю и Аэлиты. Нора была молодая, а встреча эта очень уж походила на легенду, красивую старую легенду. Она была молода, а здесь, рядом, сидел еще один Магацитл, — непостижимо большой, бесстрашный и могучий. У них, у Магацитлов, не поймешь —

на вид он совсем молодой, не старше Торнтула, а сам как-то сказал, что лет ему столько же, сколько Лосю. И вообще, посмотрит иногда на тебя, как на малое дитя, и видишь — да, не молод...

А Иван снова произнес:

— Аэ-лита... — И обратился к Норе: — Знаешь, как это будет по-нашему? Свет далекой звезды, видимый в последний раз...

Иххнор прислушивалась к звукам непонятного языка, как вслушиваются в неясную мелодию. Иван повторил:

— Свет далекой звезды, видимый в последний раз...

Что-то ему не нравилось. Нора, тоже не удовлетворенная музыкой слов, смотрела ожидающе. Иван пробормотал:

— Сейчас, сейчас... — Уже уловив, уже поймав настроение, он нараспев произнес по-русски: — Звезды последний луч...

Нора несмело улыбнулась, почувствовав ритмику фразы, ощутив ее вкус. И Иван, уже уверенно, заключил:

— «Звезды последний луч» — так по-нашему звучит имя «Аэлита».

Торнтул вздохнул и пошевелился. Иван спохватился тоже, посмотрел на Нору и сожалеюще сказал:

— Пора...

Он встал и пошел к оборванной двери башни, большой и сильный, умеющий переводить слова на свой — чужой и мелодичный — язык. Нора провожала его взглядом, она даже вцепилась руками в холодный камень, чтобы не кинуться следом.

18.

Нет, добрые духи им все же помогали.

Ход пронзил гору и шел неглубоко под поверхностью. Неизвестно почему — от марсотрясения ли, просто ли от времени, — но он обвалился. Куча камней и песка почти наглухо завалила проход. Мужчины голыми руками расчистили отверстие, и в него ужом скользнул Торнтул. В дыру был виден кусок неба с колючими немигающими звездами. Со второй попытки Торнтул сумел выбраться на поверхность и сбросил вниз веревку. Через полчаса, усталые и перемазанные, все оказались наверху.

Ночь была на исходе. Следовало спешить — не поймав под землей, преследователи начнут искать их на поверхности и рано или поздно найдут. Иван протянул Торнтулу рацию. Слышимость была на пределе, но и это показалось чудом после полной оторванности от товарищей. Поговорив с оставшимся за него марсианином, Торнтул объяснил, где их искать. Лететь приходилось вкруговую, так что раньше, чем через два часа, помощи ждать не приходилось.

Еще не совсем рассвело, еще легкий утренний ветерок не завел свои робкие игры, а их уже обнаружили. Летящая лодка, набитая солдатами в яйцевидных шлемах, пролетела мимо, затем заложила крутой вираж и повернула обратно. Ясно было, что пилот ищет ровную площадку для посадки.

Иван нащупал в кармане одну из реквизированных у Лося еще при полете к Марсу гранат и спросил его:

— Сколько времени горит запал у лимонки?

— Четыре секунды,— машинально ответил Лось.

Он, не отрываясь, следил, как совсем рядом, в каких-нибудь двухстах метрах завис, заходя на посадку, военный корабль.

— Четыре, говорите? — пробормотал себе под нос Иван.

Он выдернул кольцо, отвел руку назад, расслабил пальцы. Выждав секунду, размахисто швырнул гранату в сторону корабля. Она полетела по длинной распрямленной траектории, скользнула под брюхом ревушего винтами механизма и взорвалась в воздухе. Эффект был потрясающий: корабль дернулся в сторону, на миг показалось, что он сейчас упадет. Но он лишь накренился — виднее стали освещенные сиреневым утренним светом призрачные круги винтов, — скользнул вбок, тут же выправился, сильнее зашумел винтами и стал уходить.

Иван повторил бросок. На этот раз он рассчитал точнее. Граната взорвалась почти вровень с кораблем, метрах в десяти. По борту пробаранил железный дождь осколков. Однако винты и в этот раз не задело. Обиженно ревя, как непомерно большой шмель, корабль уволок свое брюхо за скалы и где-то там затих.

Торнтул отвел всех в сторону и заставил залечь под прикрытием невысокой выветрившейся скалы. Сам он с ружьем отполз чуть вперед и принялся устраиваться поудобнее — отбрасывал из-под локтей мелкие камешки, проверял сектор обстрела, словом, всерьез готовился воевать. Иван наблюдал за ним. Деловитость Торнтула успокаивала.

Обернувшись, Иван увидел в руке Лося пистолет. Внутренне усмехнувшись, крикнул Торнтулу:

— Давай-ка лучше сюда, держи по радио связь со своими. А мы там покараулим. От этой фукалки, — он ткнул большим пальцем через плечо, в сторону Лося, — проку побольше будет.

— Почему — фукалки? — обиженно спросил инженер, когда они устраивались на облюбованной Торнтулом позиции.

— А? — рассеянно переспросил Иван. — Да потому, что от нее шуму много. Больше, чем от их ружьишек. А нам как раз сейчас и нужно, чтобы шуму побольше.

Поднявшееся, наконец, солнце светило прямо в глаза. Скалы впереди вырисовывались угольными силуэтами. Иван уловил в них какое-то шевеление и сказал:

— Видите? Пуганите-ка их слегка...

— Далековато, не попасть, — засомневался Лось.

На гребне скалы появилось несколько силуэтов. Убежденные в недосыгаемости, солдаты не спешили прыгнуть вниз, затанцевать у подножия.

— Стреляйте же! — настаивал Иван. — Забыли, что не на Земле? Здесь прицельная дальность раз в пять больше! Да берите пониже, все равно промажете, так, чтобы не в воздух, а по камням!

Лось трижды, почти без интервалов, выстрелил.

Каждый раз ствол подсакивал и с лязгом опускался на камень, подставленный Лосем для упора. Грохот выстрелов и взметнувшаяся там, впереди, каменная крошка сделали свое дело. Нападающие поспешно ретировались. Оттуда донеслось еле слышное пощелкивание их ружей. Пули на излете беззлобно шлепались наземь. Лось ухмыльнулся и выстрелил еще раз. Отколотый пулей, там взлетел в воздух изрядный кусок скалы...

— Ну что, пристрелялись? — равнодушно спросил Иван.

Восвать ему не нравилось. Он охотно обошелся бы без этого.

Подбежал и с маху плюхнулся рядом Торнтул.

— Минут через пятнадцать будут здесь, — сообщил он. Пристроил свое игрушечное ружьецо, но стрелять не стал, видел, что бесполезно. Солдаты впереди тоже видели, но стреляли — показывали офицеру свое рвение. В атаку, впрочем, они не спешили.

Солнце поднялось еще и приятно грело сквозь одежду. Привлеченный громкими необычными звуками, прибежал большой волосатый паук. Близо подойти он стеснялся, жеманно поводил большими, с поволокой, глазами и нетерпеливо стрекотал — словно просил пострелять еще.

Иван вздохнул, положил голову на вытянутую перед собой руку и повернул к Лосю лицо.

— Мстислав Сергеевич, — спросил он, — а что вы дальше делать собираетесь? Когда эта история, со стрельбой и погонями, кончится?

— Как — что? — не понял Лось. Видно было, что он о будущем пока не задумывался. — Вот успокоится все — домой полетим. Ей у нас понравится, вот увидите. И вас я никуда не отпущу. К себе в будущее станете только в гости ходить.

Иван закрыл глаза. Ему не хотелось говорить об этом Лосю, но когда-то же надо было сказать. И почему не сейчас? Не открывая глаз, он как можно более мягко спросил:

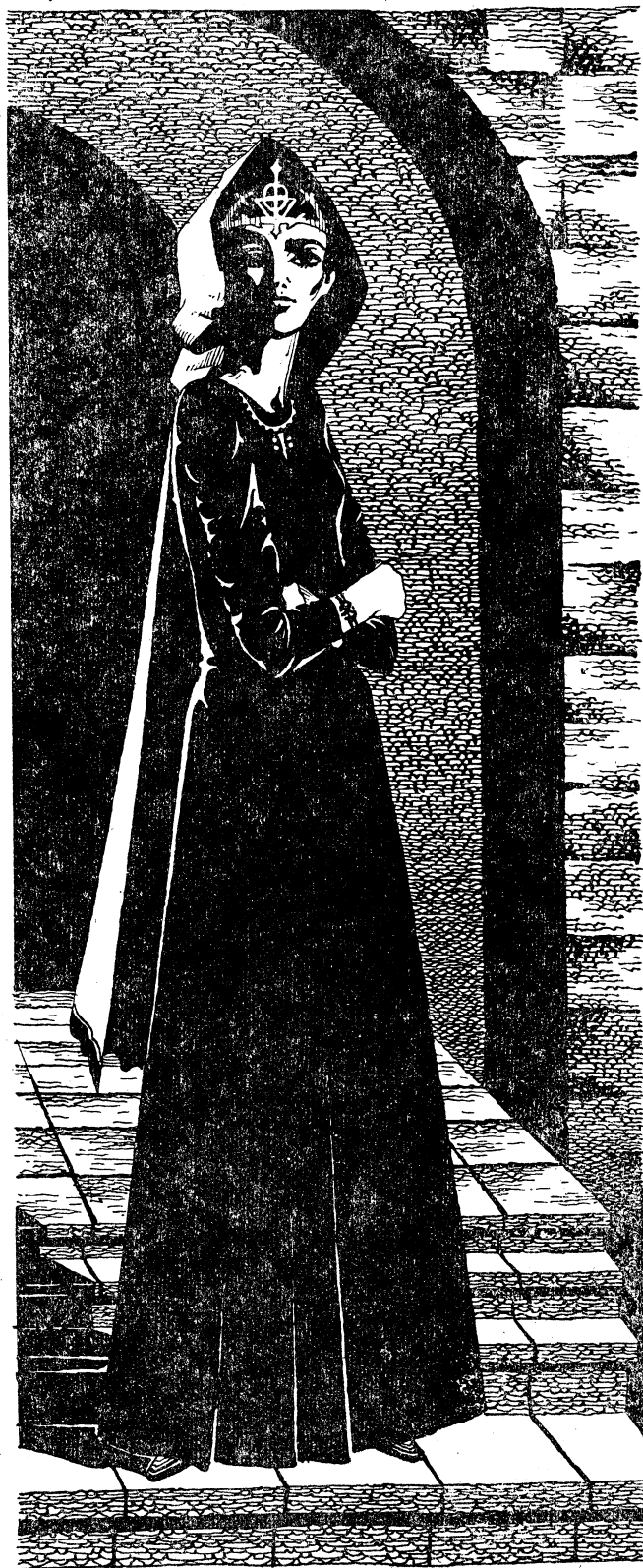
— А тяжесть? Вы помните, как переносили перегрузки в полете? Для нее ведь на земле все время будет такая перегрузка. Я уж не говорю о самом полете...

Лось не отвечал. Затем Иван услышал размеренные, один за другим, выстрелы. Лось расстрелял всю обойму и продолжал нажимать на спуск. Курок сухо щелкал, а он все давил и давил.

19.

Когда подлетали к Соацере, у них было уже шесть кораблей. С ними вместе, в одном корабле, летел Глан. Иххнор куда-то пропала, и Иван, неожиданно для самого себя, огорчился, но спрашивать не стал. Один из кораблей был набит техниками-связистами. Весь день они снимали Лося и Аэлилу.

Таков был замысел Глана — используя старые легенды, преподнести брак Сына Неба и Аэлиты как давно предсказанное, ожидаемое и счастливое для Тумы событие. Тем самым Глан сразу убивал двух зайцев. Сыны Неба становились на привилегирован-

ное положение, можно было меньше опасаться за них — едва ли нашелся бы фанатик, рискнувший, вопреки воле богов, посягнуть на их священные жизни. Во-вторых, сам Глан и его единомышленники оказывались настолько видными фигурами, что вполне могли перейти на легальное положение.

Иван вынужден был признать, что, вопреки его опасениям, первая часть далеко идущего плана их новых друзей оказалась выполненной успешно. Конечно, это говорило об отличной организации и высокой дисциплине подпольщиков, о грамотном использовании особенностей марсианского общества, к примеру — его религиозности.

Ясно было, что на этом они не остановятся. Иван видел, что Глан решил совершить дворцовый переворот. А тогда — о, тогда путем продуманных реформ и благодетельных изменений будут достигнуты небывалое процветание, всеобщее благоденствие и невиданный взлет науки, культуры и искусства...

Ивана настораживало, что поначалу все пошло так гладко. Тускуба нельзя было сбрасывать со счетов. Но даже если задуманное и удастся осуществить, результатом переворота неизбежно явится образование новой знати, ухудшение работы государственного аппарата, полный развал экономики и, как следствие, — новый переворот. Переворот кровавый, жестокий, обрекающий планету на годы мрака и тяжкого террора.

Подпольщики не понимали, что существуют законы развития общества. Только двое-трое из них разделяли опасения Ивана, да и то больше интуитивно. Все остальные вежливо выслушивали его и с сожалением переглядывались — такой большой, умный, храбрый и сильный, но не понимает, что, когда цель так близка, отказаться от нее может только сумасшедший...

Для Сынов Неба восстановили и отремонтировали несколько старых заброшенных вилл недалеко от бывшей столицы — Мертвого города. Увидев, куда их привезли, Иван и Лось не смогли сдержать воспоминаний. Эти развалины Лось с Гусевым увидели, только-только прилетев на Туму. Здесь же Лось с Иваном нашли себе первое пристанище, отсюда вели передачу... И ведь это было так недавно!

Глан разместил здесь охрану — полторы сотни отборнейших боевиков Торигула. Он не доверял показному смирению Тускуба, и Иван в этом был полностью с ним солидарен. Если бы и в остальном они так же легко находили общий язык! Кстати, Тускуб показал-таки зубы — злоумышленниками был взорван снаряд, на котором Лось с Иваном прибыли на Марс. Охрана оказалась перебитой: это же не Сыны Неба, чего с ними церемониться! Глан, ставший теперь членом Высшего Совета, потребовал официального расследования. Хотя всем было ясно, чьих рук это дело, следствие быстро зашло в тупик.

20.

Иван брел по одичавшему парку, стараясь не замечать сопровождавших его в отдалении телохранни-

телей. В стороне с гулом прошел на посадку корабль. Судя по тому, что телохранители не всполошились, прилетел кто-то из своих.

На тропинке показалась Иххнор. «Вот кто прилетел», — подумал Иван, быстро идя ей навстречу.

Девушка вернулась к прерванным занятиям в Высшей школе, поэтому не могла бывать здесь так часто, как хотела. Приблизившись, она, по земному обычаю, протянула Ивану руку.

— Нора! — обрадованно сказал Иван, бережно беря ее руку в свои большие ладони.

— А где Лось и Аэлита? — спросила девушка.

— Готовят технико-историко-философское эссе, — чуть иронически сказал Иван. — Мы ведь должны подробно рассказать у себя на Талцетл обо всем, что увидели и узнали здесь.

— Значит, скоро ты улетишь, — не спросила, а как о решенном сказала она.

Ей не было дела, что снаряд их взорван, — разве могут подобные мелочи остановить Сына Неба! Но она была права, Иван действительно решил вернуться — чувство одиночества, бессилие повлиять на происходящее заставили его принять такое решение. Однако его все не покидало ощущение, что он делает что-то не то, и он промолчал в ответ на невысказанный вопрос Норы. Она еще раз повторила упавшим голосом:

— Ты улетаешь...

Иван очнулся, бережно взял ее лицо в свои ладони и легко поцеловал. Это был их первый поцелуй. Иван не знал, принято ли на Туме целоваться. Он многого не узнал и теперь уже никогда не узнает. «Да, лечу, — подумал Иван. — Сказка кончилась, и я лечу в свой город, в институт, потом отнесу в тот мир отчет Лосю и вернусь к себе. Обязанности мои на этом кончатся, буду ходить на работу, по выходным — бродить по лесу и иногда — читать «Аэлиту» Толстого...»

— Зато теперь я знаю, что она жива, — сказал он вслух.

— Кто? — тихо спросила Нора.

Они шли бок о бок по аллее. Песок скрипел под ногами.

— Аэлита... Она оказалась жива...

«Ну, а как же иначе?» — подумала Нора и спросила:

— Расскажи мне о Талцетл...

Расскажи... О чем ей рассказать? О густом ярком воздухе в июльском лесу? О тоненьком лепете весенних ручьев? Или о долгих сумерках, гасящих цвета и звуки, мягкими ладонями тоски сжимающих сердце? А может, рассказать о пронзительно-солнечных днях бабьего лета, когда воздух прозрачен, леса багровы, а солнце, как на Марсе, маленькое и тревожное, и эта тревога заползает в душу и гнездится там, пока ее не вымоют мелкие осенние дожди?..

— А ведь я шла к тебе посоветоваться, — не дождаввшись ответа, сказала Нора. — Представляешь, оказалось, что у нас многие хотят узнать науку о развитии общества. У нас даже кружок такой образовался...

Иван поднял голову и настороженно на нее по-

смотрел, настолько созвучны его недавним мыслям оказались эти слова. Иххнор, смешавшись под его взглядом, быстро добавила:

— Я сама пыталась объяснять, что от тебя слышала. Только у меня плохо выходит. Так что мы соберемся и спорим, спорим...

Иван все смотрел на нее, и она, вконец растерявшись, виноватым голосом договорилась:

— Знаешь, к нам даже рабочие ходят...

Ивану показалось, что не оставлявшее его в последние дни гадостное самоощущение дезертира начинает отступать. Он переспросил:

— Рабочие, говоришь? А всего сколько вас?

— Да пока немного, человек двадцать, — не понимая, зачем ему это, ответила Иххнор. — Правда, меня еще и в другие Высшие школы приглашают, и на заводы. Всем интересно...

Иван непроизвольно ускорил шаг. Глаза его блеснули. Нора уже почти бежала рядом и, наконец, взмолилась:

— Я больше не могу!

Иван остановился.

— Не знаю, малыш, может, я делаю что-то не то... Во всяком случае, я сделаю, что смогу... Идем к Лосю!

Они ворвались к Лосю чуть ли не бегом. Нора совсем задохнулась. Инженер недовольно оторвался от бумаг. Аэлита, уютно устроившаяся на тахте, улыбнулась им. В последнее время она редко ездила в Соацеру, много гуляла и часто лежала вот так, наблюдая, как работает Лось.

Иван остановился перед Лосем и с места в карьер начал:

— Мстислав Сергеевич, отчет у вас готов. Не спорьте, я знаю. Разберутся и в том виде, как он есть. Быстренько собирайте все и давайте сюда. Почта не ждет, на все вам дается полчаса!

Лось долгие несколько секунд смотрел на Ивана, затем перевел взгляд на Аэлиту. Она чуть заметно пожала плечами. Лось встал и вышел из комнаты. Вернулся он спустя томительные десять минут, неся перед собой стопу туго набитых папок. Верхнюю он придерживал подбородком.

Иван сидел за столом и что-то быстро писал. Лось не спеша перевязал стопу серебряной проволокой, отошел в сторону и полюбовался ею. В этих папках был спрессован его, Лося, да и не только его, напряженный труд.

Иван дописал, сложил листы вдвое и подsunул под проволоку. Сверху на них было написано: «Косте Ваганову, лично».

— А вы знаете, Смайльс... ну, тот корреспондент, предлагал мне весьма выгодные условия, если я передам ему для публикации свои путевые заметки. — Лось вынул из кармана и сунул в зубы пустую трубку. Отойдя от стола, повторил: — Весьма выгодные...

Нотка грусти проскользнула в его голосе. Он подошел к тахте и сел рядом с Аэлитой. Нора стояла у окна, навалившись на подоконник.

«Ну что ж, — думал Лось, — выбора у меня практически не было. А что же Ивану сидеть здесь, заниматься черновой работой, рисковать... Впрочем,

насчет риска — это я напрасно, это несправедливо. Рисковал он, надо честно сказать, не меньше меня. А если совсем честно, то больше. И риск, как ни странно, у него был какой-то разумный, интеллигентный... Сейчас можно признаться, что с Иваном мне все время было как-то надежно, было такое ощущение, что он следит за происходящим и не преминет вмешаться, когда станет необходимо. А теперь что же его держать, не век же ему оберегать меня...»

Иван легко убрал в сторону стол и стулья, достал из кармана маленькую красную коробочку, поколдовал над ней и осторожно опустил на ковер. Рядом он положил отчет. В комнате запахло озоном. В метре от Ивана сгустился, отвердел фиолетовый посверкивающий прямоугольник. Но Иван не шагнул вперед, как делал это раньше на глазах у Лося, а быстро отошел в сторону и замер, следя за происходящим. С минуту не было никаких изменений, только сильнее запахло свежестью и грозой. Потом фиолетовый туман надвинулся на стопу папок, послышалось легкое гудение. Папки стали мерцать и расплываться, словно на них смотрели сквозь залитое дождем стекло. Затем серо-фиолетовое нечто свернулось, схлопнулось к центру и исчезло. Вместе с ним исчезли папки и ключ.

— Да, я ведь договорился с Тускубом. На следующей неделе полетим на радиостанцию, попробуем связаться с Землей, — добрым голосом нарушил тишину Лось.

— Я Косте записку написал. Он все переправит. Найдет Гусева и отдаст ему, — сказал Иван.

Он все еще переживал охватившее его минуту назад нестерпимое желание протянуть руку, нащупать в пустоте дверь, толкнуть ее и оказаться там, где хорошо, спокойно и безопасно, где горести проходят, а несчастья поправимы, где не стреляют, не убивают и все обо всех заботятся...

Темнело. Лось пошел включить свет.

— Погодите, — остановил его Иван.

За окном еще брезжили последние отблески солнца, а в лиловом, на глазах темнеющем провале неба уже проступали звезды. Пока видны были самые яркие. Одна, повисшая прямо над горизонтом, притягивала к себе. На нее хотелось смотреть и смотреть.

— Талцетл... — тихо сказала Аэлита.

— Последний луч, — сказал Иван. — Звезды Талцетл последний луч...

Он чувствовал, как горечь уходит куда-то вглубь. Она еще всплывет, и не раз, но это будет потом.

Было темно, тепло и тихо. В окно заглядывала голубая яркая точка Земли. Звезды Талцетл...

Строки из писем — спорные и бесспорные

В апрельском номере прошлого года мы сообщили о согласии братьев Стругацких ответить на вопросы, которые им зададут читатели нашего журнала. Полученную после этого почту редакция переслала Аркадию Натановичу — и вот теперь мы публикуем ответы популярного писательского дуэта, предварив их небольшой подборкой читательских писем.

Что нас больше всего притягивает в фантастике? Во-первых, то, что чисто земные дела и проблемы, отражаясь в фантастическом зеркале, становятся яснее, четче, реальнее, что ли. Во-вторых, возможность создания небывалых новых миров, живущих по иным законам. В-третьих — возможность поставить обычных людей в необычное положение и показать, на что они способны.

Все это мы находим в ваших книгах.

Вам удалось создать картину будущего. Это замечательная и достоверная картина. Она вызывает ощущение, что наше будущее будет именно таким. И ваши герои — хоть и чувствуется, что они далеки от нас, а все равно близки. Наши потомки.

Л. Шевченко и Т. Кухта,
г. Челябинск.

Особенно мне нравится то, что в ваших книгах присутствуют одни и те же основные персонажи, их преемники и ссылки на случаи, происшедшие в других, предыдущих произведениях. Это создает впечатление целостности, как будто вы просто описываете события, участниками которых были вы сами. Честное слово, иногда я спрашиваю себя: а кто же вы сами такие?! Может быть, Прогрессоры другой, неземной цивилизации? Во всех ваших произведениях чувствуется как бы взгляд на Землю со стороны инопланетян, близких к человеку и гуманных существ. А может быть, у вас несколько информационных уровней, как у героев одного из ваших произведений («Волны гасят ветер»)? Не знаю...

С. Кротов,
г. Никополь Днепропетровской обл.

Вы создали в своих произведениях прекрасный и влекущий мир будущего. Но не слишком ли он розовый? Не теряют ли из-за этого ваши произведения (а я их очень люблю) в художественном отношении? Конечно, при коммунизме исчезнут антагонистические противоречия капитализма, да и многие противоречия социализма. Но уже сейчас ясно, что человеческое сознание перестроить куда труднее, чем технику или окружающую среду. Думаю, что тщеславие, зависть, себялюбие прорвутся и в 22-й век, и в 23-й...

А. Спесивцев,
г. Тула.

Когда читаешь повести «Малыш», «Парень из преисподней», «Трудно быть богом» и другие, хочется, закрыв последнюю страницу, начать читать сначала. Но вот с большим трудом и за большие деньги я на черном книжном рынке купил повести «Улитка на склоне» и «Сказка о Тройке». Впервые в жизни мне стало жалко потраченных денег, и на кого — на Стругацких! Что их толкнуло на неоглядное критиканство? Критиковать наши недостатки можно и надо, но в такой мере и прикрываясь научной фантастикой — зачем? А что они сделали со своей замечательной повестью «Пикник на обочине» в киносценарии «Сталкер»? Я всех убеждал — ведь это по повести Стругацких! Идем смотреть кино! А когда вышел из зала, мне было так плохо и стыдно за них; а еще гордятся, что написали 13 вариантов сценария. Я считаю, что они предали свою повесть. И когда я на рынке встретил их повесть «За миллиард лет до конца света», то, полистав ее, отдал обратно — опять то же!

Т. Емельянов,
г. Иркутск.

В повести «Жук в муравейнике» легко прочитывается зависть Максима к Абалкину — пусть подспудная, пусть не осознаваемая им самим, но тем не менее ясно ощущаемая. Деятельность Максима на Саракше мы можем примерно воссоздать по отрывочным намекам в тексте «Жука...»: продолжал работу в Департаменте науки, отражал атаки Островной Империи, подавлял саботаж в Столице, работал в Хонти, и Пандее... В общем, для одной нормальной молодости — вполне достаточно. А вот исследовать голованов, разумность которых он и установил, внедриться в Островную Империю (чем он вроде бы должен был заняться, судя по финалу «Обитаемого острова») — на это уже не хватило времени. Не до того было, руки не дошли. Это все сбилось, но уже в другой судьбе — Абалкина. И отсюда налет зависти и сожаления, которым окрашено отношение Максима ко Льву; поэтому Максим так ему сочувствует, так старается его уберечь: Лев воплощает это его несбывшееся. И поэтому же Максим в сопоставлении со Львом (а ведь это они — главные герои «Жука...») явно проигрывает. Эта линия придавала повести как бы дополнительное измерение, делала ее психологически более емкой и глубокой.

Но вот из повести «Волны гасят ветер» мы вдруг узнаем, что саракшанский период Максима был гораздо богаче, чем мы представляли по «Жуку...» — вплоть до того, что он успел получить еще два прозвища (Белый Ферзь и Биг-Баг), о которых до сих пор и речи не было. И в Островной Империи он успел побывать, да еще — единственный из землян! — в самой столице.

В итоге: 1) биография Максима обогащается сверх всякого вероятно, и сам он становится какой-то поистине легендарной фигурой; 2) образ Абалкина снижается, за счет чего 3) вся линия «Максим — Лев» сильно выравнивается в пользу Максима; упомянутое выше психологическое измерение исчезает.

Вы — авторы, с вас и спрос. Было ли это сделано намеренно? Или сопоставление «Максим — Лев» мною лишь примыслено (так бывает)? А может быть, все совсем просто: в «Жуке...» был нужен один Максим, а в «Волнах...» — другой?

И. Гинзбург,
г. Баку.

Мне 35 лет, окончила естественно-географический факультет пединститута. Еще с начальной школы читала Беляева, А. Н. Толстого, Верна. Было интересно, но особенного впечатления эти книги не производили. В седьмом классе прочитала «Трудно быть богом» Стругацких. Эта

вещь потрясла меня. С тех пор я неизменная почитательница творчества Стругацких, фантастики и астрономии.

Т. Голоденко,
г. Воронеж.

В первых книгах писателей, адресованных, как мне кажется, большей частью к детям, четко указывается, что дело происходит в эпоху Коммунизма. В последующих книгах, включая и последние, это никоим образом не выделяется. Чем это объясняется? Значит ли это, что писатели допускают третий путь развития (социального, разумности) Человечества, или то, что реальное общество тех времен будет резко отличаться от наших сегодняшних представлений о нем?

В. Перемолотов,
г. Москва.

Думаю, выражу мнение большинства любителей фантастики: произведения Стругацких — наша гордость и достояние, а сами они — люди большого гражданского мужества и, безусловно, писатели с большой буквы...

Тем, кто с 60-х годов следит за творчеством этих писателей, до боли обидно за стыдливое умалчивание их заслуг, за то, что иные их произведения не напечатаны вообще или выпущены мизерным тиражом. Ведь они еще тогда, скажем — в неблагоприятное время, трубили о том, о чем сегодня говорится с трибуны съезда нашей партии. К тому же по художественной ценности эти произведения — настоящие шедевры.

Взять хотя бы «Сказку о Тройке». Каким блестящим словом, с каким остроумием нарисованы там портреты Лавра Федотовича, Хлебовводова и Фарфуркиса! Как можно не печатать такое? Что же тогда печатать?

П. Колтаков,
г. Донецк.

Неужто А. и Б. Стругацкие в действительности думают, что коммунизм можно построить, а тем более — доверить охранять — таким, как М. Каммерер?

Я не стану отрицательно отзываться о всем их творчестве. Но должен с сожалением отметить, что художественный уровень их книг, уровень ответственности за содержание крайне неровен.

Уже с «Хищных вещей века» в центр повествования ставятся надуманные, «больные», так сказать, вопросы в соответствующей аранжировке, которые предстоит решать одному человеку, редко, кстати, достойному их решать. Внимание читателя акцентируется на конкретной личности и весьма необычных, экзотических даже для НФ, проблемах, решение которых либо заведомо умалчивается, либо подменяется внешне правдоподобными и благопристойными, но внутренне противоречивыми, если не сказать более непарламентски, ответами. Примеры? Пожалуй: к первому типу относятся «Далекая Радуга», «Жук в муравейнике»; ко второму — «Трудно быть богом», «Малыш», «За миллиард лет до конца света». И так далее.

«Трудно быть богом» — поистине классический пример методики «загона в тупик», присущей А. и Б. Стругацким! Авторы искусно проводят мимо единственно верного решения только одной фразой: «История слишком сложна, чтобы в нее вмешиваться». Пусть ее нет в тексте, но откровенно говоря, это лишь подчеркивает искусность «методики загона в угол». Стен не видно.

Вроде бы у читателя сохраняется свобода думать и оценивать книгу, на самом же деле это становится возможным только в русле авторских рассуждений. А где гарантии, что сами авторы не ошибаются, не заблуждаются или даже не искажают — сознательно или нет — пусть субъективную, но истину?

«Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер» — вполне

закономерное продолжение «Трудно быть богом». Это закамуфлированные под наукообразие и этические проблемы крайне слабые книги, проводящие в нашу ИФ весьма своеобразные технократические идеи, причем с едва ли не еще более своеобразным социальным акцентом.

Иван Антонович Ефремов, создатель нового направления в мировой фантастике, профессионально и на высоком идейном уровне поддержал и развил одну из важнейших задач, в частности, и сегодняшнего дня — воспитание нового человека. Именно этому посвящены главные книги Ефремова.

Этой задаче у нас уделяется сейчас чересчур мало внимания. Может, советским литераторам, и конкретно фантастам, пора бы это понять, уйти с «косвенных» и «обходных» путей и своим творчеством привлечь вновь внимание — увы, утерянное — к прямому выполнению этой задачи?

Н. Фимин,
г. Дубовка Волгоградской обл.

Уважаемые товарищи из отдела фантастики, у меня нет вопросов к братьям Стругацким, но есть к вам просьба: передайте им великую благодарность за их труд, за наше коммунистическое воспитание, а также передайте им, пожалуйста, пожелание вдвое повысить производительность труда.

Вершишь, что Быков и Юрковский уже живут среди нас. Хочется скорее увидеть этот мир. Настраиваешься бороться за это.

Так что, товарищи братья, болеть вам некогда! — это вредно для здоровья нашего общества. Тратить время на бытовые неурядицы для вас преступно. Слишком важную вы взвалили на свои плечи ношу — коммунистическое воспитание подрастающего поколения, и уж очень высокого качества ваша продукция.

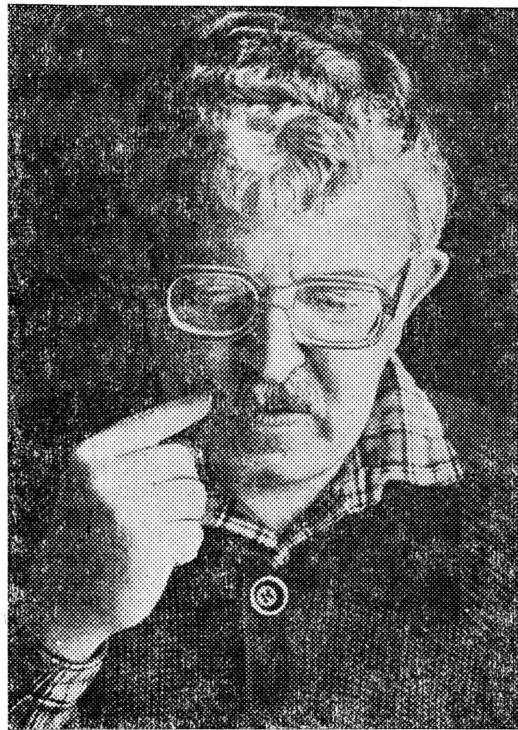
Ну, а вопрос? Задать-то можно, все равно ответить не смогут. Где достать их книги? Вопрос не по адресу. А кто ответит? Только профессиональный писатель, у читателя просто нет слов. Вернее, есть, но они непечатные.

Не пугайтесь, я не хулиган. А токарь 6-го разряда. Могу точить детали. Каждый может то, что он может. Но может и больше, благодаря таким людям, как Стругацкие. У меня партбилет с 73-го, и с 79-го я токарь-инструктор производственного обучения у старшеклассников. Сумбурно, но, надеюсь, понятно. Их книги воспитывали меня, я сейчас — пацанов...

В. Кириллов,
г. Орехово-Зуево Московской обл.

Даже из этой и впрямь небольшой подборки читательских мнений видно, сколь не бесстрастны поклонники фантастики: подчас один отвергает то, что хвалит другой, и это же — но уже с иных позиций — критикует третий... Вполне объяснимый и в разговоре о фантастике вообще, этот разнобой неизбежен, очевидно, когда речь заходит о творчестве Стругацких. О сером и скучном в литературе (значит, и в фантастике) обычно не спорят: серое и скучное либо отвергают, либо просто не замечают. Спорят же — о небанальном, интересном, о том, что по-настоящему взволновало, задело, заставило задуматься, примеряя к себе проблемы, поднятые книгой, заботы ее героев... Книги и герои Стругацких именно таковы — они не оставляют равнодушными.

Полагаем, не останутся равнодушными наши читатели и к ответам писателей — безусловно, не во всем и не для каждого бесспорным, но столь же безусловно — правдивым и искренним в своей субъективности.

Дорогие читатели «УС»! Дорогие любители фантастики! Дорогие товарищи!

Писем от вас пришло числом 95 — размерами от половинки тетрадного листка до двух десятков машинописных страниц, исписанных с обеих сторон весьма убористым почерком.

Такая масса корреспонденции никогда прежде не рушилась на нас в одночасье, и мы, признаться, впали было в некоторую оторопь, но нам удалось преодолеть малодушие, и вот мы пытаемся ответить вам — если и не всем, то, по крайней мере, большинству.

Для начала введем некоторые ограничения.

Прежде всего мы оставляем в стороне вопросы, заданные в одном-двух или, много-много, в трех письмах.

Далее, сочли мы за благо отказаться от изложения своих биографий. Жизнь у нас, как и у многих людей нашего поколения, была довольно разнообразной, и описание ее отняли бы слишком много места.

В-третьих, не станем мы отвечать и на вопросы вроде: «Почему бы вам не написать повесть о...?», «Что вы хотели сказать такой-то повестью...?», «Что побудило вас написать эту повесть так, а не иначе...?» Помнится, у Киплинга: «И он спрашивал свою тетку Страусиху, почему у нее перья в хвосте растут так, а не иначе, и тетка Страусиха клевала его своим твердым-претвердым клювом».

В-четвертых, многие из вас спрашивают, где и как можно приобрести наши произведения. (Один читатель из подмосковного Голицына с завидным прямотушем пишет: «Очень хочу иметь все ваши произведения. Ведь не успели еще их раздарить друзьям?») На такие вопросы мы ответить не в состоянии. Тут и нам самим иногда приходится нелегко. Например, чтобы выбить из издательства «Азербайт» (Баку) хотя бы десяток экземпляров вышедшей там нашей книги, пришлось обращаться в ЦК Компартии Азербайджана.

Далее, не станем мы отвечать и на вопросы, что мы

Многие из вас спрашивают...

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

думаем о летающих тарелках и о прочей жизни на Марсе, потому что мы свое об этом давно уже отдумали, а теперь думайте вы сами, и пусть вам будет от этого много пользы и удовольствия.

И, наконец, воздержимся мы и от высказываний по поводу ваших оценок нашей скромной работы. Это было бы делом неблагодарным. Посудите сами. Офицер запаса из Иркутска полагает все у нас превосходным и только «Улитку на склоне» и «Сказку о Тройке» считает произведениями, недостойными таланта нашего и чуть ли не порочными. Санитарный врач из Тувы доволен у нас всем, а особенно — «Улиткой». А ученик из физматшколы в Ленинграде без обиняков заявляет, что «Улитка» есть единственное наше произведение, которое стоит читать. Или вот шофер из Рязани превозносит фильм «Сталкер» как чуть ли не вершину кинофантастики, а ленинградский слесарь-монтажник определяет «Сталкера» как неудачу по всем статьям. Или, например, член КЛФ «Алькор» (Омск): «Окончание вашей повести «Волны гасят ветер» выглядит сомканным. Почему?» Да откуда нам знать — почему? Может, оно, это окончание, только выглядит сомканным? А может, оно не выглядит, а действительно сомкано? А то и еще хуже: один ленинградец с набережной Фонтанки выражает мнение, будто мы — писсилисты. Выражает трижды на одной страничке. А мы с раннего детства этим не грешили, честное слово...

Вот такие ограничения.

И еще одно принципиального характера условие. Ваши вопросы адресованы нам. Естественно, и отвечаем на них — мы. Отвечаем — в меру своего понимания взаимовлияний литературы и жизни, сообразуясь с собственными пристрастиями, конх не навязываем ни редакции «Уральского следопыта», ни читателям журнала.

Теперь, благословясь, приступим.

Первая большая группа ваших вопросов касается

положения в современной отечественной фантастике. Здесь необходимо небольшое отступление.

С начала 70-х годов довольно часто приходится слышать о наличии в современной фантастике некоего кризиса. В чем суть этого кризиса — остается непонятным, причем не только нам: во время встреч с читателями, да и в некоторых ваших письмах нас спрашивают: правда ли, что в советской фантастике имеет место кризис, и в чем он состоит?

На наш взгляд, кризисом следовало бы называть такое положение, когда писатели больше не желают писать фантастику, а читатели не желают больше ее читать. К счастью, ничего подобного мы не наблюдаем. По-прежнему часты прискорбные и достойные всяческого осуждения случаи хищения произведений фантастики из библиотек. По-прежнему писателей-фантастов засыпают письмами с просьбами выслать или помочь раздобыть их книги. Писатели-фантасты по-прежнему исправно предлагают издателям свои новые произведения. Наконец, на наших глазах выросла талантливая литературная молодежь, твердо решившая посвятить себя фантастике.

Однако если понимать термин «кризис» не в строго рациональном его смысле, а как некое эмоциональное звуко-сочетание вроде «эхе-хе!», долженствующее фонетически выразить ощущение определенного неблагополучия, — в этом случае приходится признать, что для разговоров о кризисе за последние полтора десятка лет были и остаются веские основания.

Вот что произошло. (Еще раз оговорим свою точку зрения, которую каждый волен принять или оспорить).

Годом рождения современной советской фантастики мы считаем 1957-й — год запуска первого искусственного спутника Земли и выхода в свет новаторского романа Ефремова, великолепной коммунистической утопии «Туманность Андромеды». (В этом году мы с вами будем отмечать круглую дату — тридцать лет.)

Сразу же после 57-го целый ряд издательств и журналов в нашей стране взялся за освоение научно-фантастической литературы. Особые заслуги перед отечественной фантастикой принадлежат издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Ее редакцию фантастики можно без преувеличения назвать колыбелью этого вида литературы.

Коллектив, возглавляемый Сергеем Жемайтисом и Беллой Ключевой, специалистами высочайшего класса, энтузиастами и знатоками, глубоко понимавшими суть и назначение избранного ими вида литературы, с самого начала ориентировался на активного, энергичного, воспринимчивого строителя нашего общества, как раз и составляющего основной контингент многомиллионного читателя фантастики. Именно в стенах этой маленькой редакции развились и определились практически все течения и направления современной советской фантастики, начиная с утопии и кончая фантастической сатирой, получила боевой опыт и возмужала вся когорта авторов, вошедших в литературу вслед за «Туманностью Андромеды» и двинувших советскую фантастику на мировую арену. Именно эта редакция создала так называемый «бум» в 60-х годах, когда издавалось по десятку книг в год, когда начал выходить ежегодник «Фантастика», во многом возмещавший потери от отсутствия специального журнала, когда была задумана и основана «Библиотека советской фантастики», когда том за томом выходила подписная «Библиотека современной фантастики», составленная на высоком профессиональном уровне и потому ставшая образцом для подобных изданий, предпринятых впоследствии в Японии, США и в некоторых других странах...

Вдруг на рубеже 60-х и 70-х все в одночасье переменялось. Редакция была разогнана. Опытных работников, редакторов-профессионалов, специалистов по фантастической литературе, уволили кого куда. Отказались от авторского актива, бережно выращивавшегося на протяжении десятилетия. Вместо книг стали выдавать велеречивые декларации. (Вот где оно, начало кризиса!)

Какие цели преследовались этим разрушением сложившейся системы издания советской фантастики — сказать трудно. Откровенные высказывания инициаторов этого разрушения настолько однозвучны, что в публичном выступлении им не место. Словесные громы насчет примата «сибирской фантастики» над всеми иными «фантастиками» нашей страны принять всерьез нельзя. А невнятные обвинения в адрес «прежней» фантастики, время от времени появлявшиеся тогда на страницах газет и журналов, и вообще ничего не объясняют. Остается предполагать, что разрушение редакции фантастики в «Молодой гвардии» было своего рода отголоском тех уродливых явлений, о которых шла речь на XXVII съезде партии.

Так или иначе, разрушение прошло успешно. Новую редакцию возглавил Юрий Медведев. И началось... Со скандалом был вынужден порвать с редакцией один из сильнейших и известнейших писателей-фантастов Владимир Савченко. С 75 года несколько лет лежал в редакции без движения сборник рассказов Дмитрия Биленкина. Пострадали и мы. С 73-го по 80 год не мог увидеть свет сборник «Незначенные встречи». Он, правда, лежал с «движениями», и «движения» эти являли собой шедевры редакционно-издательской некомпетентности. Спасло его только прямое вмешательство директивных органов.

Тут уместно, видимо, заметить следующее. Мы с тревогой наблюдали за работой редакции, и одному из нас, А. Стругацкому, удалось добиться встречи с работниками отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. Два симпатичных инструктора выслушали писателя, а выслушав, спросили: а почему, собственно, мы привязались к «Молодой гвардии», разве нет других издательств? Между прочим, вопрос был в своем роде сильный. Это ведь

только нам с вами известно, что редакция фантастики в «Молодой гвардии» была и остается ЕДИНСТВЕННОЙ в нашей стране, призванной по статусу своему издавать фантастику без всяких возрастных и тематических ограничений: «Детская литература» ограничена возрастной спецификой, «Знание» отказывалось от фантастики, не содержащей научного и технологического предвидения, а об остальных издательствах и говорить не приходилось, поскольку там фантастику за литературу по невежеству не считали. Так вот, все это оказалось ошеломляющей новостью для моих собеседников. Само собой разумеется, никаких последствий эта встреча не имела.

А события развивались. За всю вторую половину 70-х годов редакция «Молодой гвардии» выпустила едва десяток книг, в большинстве весьма слабых. В конце концов к руководству редакцией пришел другой человек — Владимир Шербаков.

Надо отдать справедливость: ему удалось наладить достаточно ровный выпуск фантастики, сравнимый, кажется, с потоком времен «бума» 60-х. И все бы хорошо, если бы не литературный уровень. Большую часть произведений отличает дилетанство, даже просто школьничество. Как и у многих из вас, у нас тоже создалось впечатление, будто, дважды (или уже трижды?) издав самого себя, он допускает к выпуску только такие произведения, которые никак не могут претендовать на соперничество с его романом «Семь стихий». Пресса неоднократно указывала на ущербность книг, выходящих в редакции Шербакова, но, насколько нам известно, издательство этим сигналам не вняло.

А ведь «Молодая гвардия» не может не знать, что у нас есть кого издавать. Кого просто необходимо издавать. Назовем некоторые имена — из нового поколения советских фантастов, третьего после нас.

Москва. Виталий Бабенко. Эдуард Геворкян. Владимир Покровский. Александр Силецкий. Александр Кацура. Валерий Генкин.

Ленинград. Вячеслав Рыбаков. Андрей Измайлов. Покорный Виктор Жилин. Святослав Логинов. Андрей Столяров. Дмитрий Каралис. Ирина Тибилова.

Киев. Борис Штерн. Людмила Козинец. Юрий Пригорницкий.

Крым. Юрий Иванченко. Даниил Клугер. Наталья Астахова.

Далее и везде: Юрий Брайдер, Николай Чадович, Евгений Дрозд, Борис Зеленский (Минск). Сергей Другаль (Свердловск). Супруги Лукины (Волгоград). Евгений Филенко, Владимир Пирожников (Пермь). Игорь Пидоренко (Ставрополь). Андрей Лазарчук, Евгений Сыч (Красноярск). Алан Кубатиев, Александр Бачило, Геннадий Прашкевич (Новосибирск). Владислав Петров (Тбилиси). Павел Амнуэль (Баку). Роберт Качарян (Армения). Абдухаким Фазылов, Людмила Синицына (Средняя Азия)...

Мы тут же приносим извинения, что упомянули не всех, кто несомненно достоин этого.

Конечно, не обходится и без лучиков света. За описываемый период удалось вырваться к читателю великолепному писателю и педагогу В. Крапивину. Спокойно и с достоинством шел от победы к победе превосходный писатель В. Михайлов. В той же «Молодой гвардии» вспыхнула отличная «Лунная радуга» С. Павлова. Можно было бы привести еще несколько примеров того, что «эту песню не задушишь, не убьешь». Но ласточки весны все же не делали.

Позволим себе небольшое отступление.

Все эти люди писали. И пишут. Уже добрый десяток лет. Писали романы, повести, рассказы, сказки, даже пьесы, писали рецензии и статьи, писали с любовью, от души, со страстью. Писали, разумеется, по-всякому, в

меру таланта и жизненного опыта, но вполне на уровне «публикабельности», принятом в нашей прозе, и нередко гораздо выше этого уровня.

Мы убеждены, что творческая эволюция писателя теснейшим образом связана с публикацией его произведений. Разумеется, известны исключения. Были и всегда будут писатели, обладающие столь мощным творческим зарядом, что они способны самосовершенствоваться, всю жизнь работая «в стол», и только после смерти перед изумленным миром появляются их произведения, и мир понимает, что это был талант, выросший сам себя, в одиночку.

Не будем говорить о таких. Это — единицы из тысяч и десятков тысяч пишущих. Правилем же является писатель, для развития которого жизненно необходим партнер-читатель, причем обязательно массовый.

Мы не знаем, в чем заключается магия этой связи, но мы знаем, что, как правило, писатель, независимо от его таланта, лишенный выхода к широкому читателю, рано или поздно останавливается в своем развитии, начинает топтаться на месте. Он еще пишет, пишет много, но он уже только повторяет и повторяет самого себя. Может быть, дело в том, что почти каждый писатель живет определенным кругом идей, образов, приемов, он исчерпывает этот круг в своем очередном произведении и после этого нуждается в каком-то, получаемом от общества, свидетельстве о том, что работа его действительно закончена и круг идей и приемов действительно исчерпан. Простейшая (и единственная) форма такого свидетельства — публикация. Нет публикации — нет ощущения исчерпанности круга идей и образов, нет стремления выйти в другой круг, на другой уровень.

Вот в такое положение и поставлены наши молодые писатели-фантасты в последние полтора десятка лет. Мы без труда и с ужасом убеждались в том, что если и брали для опубликования их вещи, то либо самые ранние и слабые, либо изувеченные до неузнаваемости. И лишь изредка, словно бы украдкой, отдельные нетипичные руководители издательств и журналов с известным риском для своего положения осмеливались публиковать настоящие.

И здесь пора вывести на сцену Роскомиздат. Государственный комитет РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Помимо своих прямых дел, с которыми, судя по печати, он явно не справляется, комитет взвалил на себя еще и цензорские функции.

Не знаем, как на других участках отечественной литературы, но для фантастики вмешательство работников комитета в сугубо творческий литературный процесс оказалось губительным. Губительным, хотим верить в это, не столько от злого умысла, сколько от некомпетентности. Судьба нашего жанра во многом зависит от заместителя председателя Роскомиздата Т. Куценко. Она отвечает за выпуск детской литературы в Российской Федерации и, вполне допустимо, успешно справляется со своими обязанностями. Но «в нагрузку» ей придали еще и фантастику. А фантастика, говорим это убежденно, далека от ее интересов, Т. Куценко, судя по всему, склонна считать ее просто недоразумением. И вот что из этого получается.

По установленному правилу, из местного или центрального издательства поступает рукопись отечественного фантаста. Ее отдают на просмотр кому-либо из очень тесной, дружески сплоченной группки рецензентов, и его частный отзыв, скрепленный подписью Т. Куценко (или другого зам. председателя Звягина, или зам. главного редактора Главной редакции художественной и детской литературы Кротова), становится уже грозным официальным документом.

Давайте еще раз спокойно обдумаем эту ситуацию. Рукопись на местах, прежде чем отправиться ей в Мо-

скову, прочитывается большим кругом опытных квалифицированных редакторов, рецензируется специалистами, обсуждается в писательских организациях. Иными словами, составляется гласное коллективное мнение. В Москве же единственный отзыв представителя группки с ярко выраженным вкусовым пристрастием оказывается решающим. На рукопись накладывается табу.

Примеры? Факты? Не претендуем на исчерпывающее знание, но кое-что нам известно.

Несколько лет назад в Магадане планировался выпуск сборника фантастики с предисловием космонавта Г. Гречко. Роскомиздат запретил этот сборник по рецензии Ю. Медведева.

Опять же несколько лет назад Калининградское издательство запланировало сборник «морской фантастики» из уже опубликованных произведений. Составитель В. Гаков. Сборник не увидел света.

Сотрудник Пермского издательства В. Букур представил состав сборника «Поиск-84». Роскомиздат дал разгромную рецензию, Букура отстранили от составления. Уральская серия фантастики так навсегда и осталась с белым пятном.

Авторский сборник Сергея Другая в Свердловском издательстве «Тигр проводит вас до гаража» был затребован в Роскомиздат на контрольное рецензирование и был уничтожен Александром Осиповым. К счастью, сборник все же появился, был хорошо встречен читателями, прессой. Но подчеркнем, что вышел он не благодаря, а вопреки Роскомиздату.

(Попутно об Осипове. Кто, интересно, дал ему монопольное право рецензировать ВСЮ фантастику в нашей стране? Мало того, он издал брошюрку в Москве от имени Правления Добровольного общества любителей книги РСФСР «Твой друг — фантастика», в которой изложены такие строгие ограничения для клубов любителей фантастики, по сравнению с которыми правила уличного движения представляются излишне демократичными.)

Перечень фактов дополняет сборник супругов Лукиных (Волгоград). Роскомиздат без объяснений отверг положительную рецензию ветеранов советской фантастики Биленкина, Парнова и Войскусского и отдал рукописи на разгром другому ветерану... гм... не будем называть фамилию. Эта рецензия, содержащая личные выпады в адрес коллег-фантастов, была, на наш взгляд, просто неприлична, однако по ней сборник Лукиных «забодали».

Роскомиздат запретил Калининградскому издательству выпуск книги Сергея Снегова, приуроченной к его семидесятипятилетию. Основание: да неподвно будет упомянутому Снегову впредь обращаться в ЦК КПСС с претензиями к Роскомиздату по поводу литературной молодежи...

Можно было бы привести еще много примеров работы Роскомиздата об отечественной фантастике. Возможно, в них что-то спорно, что-то мы «недоуцли», но опять же позволительно спросить: а как мы можем «доучитывать», если рецензии носят закрытый характер и, следовательно, их не только опровергнуть, а хотя бы просто прочесть очень трудно. На местах гласность и коллективизм, в Роскомиздате келейность и «закрытость» — вот на таком контрастном фоне и рождается кризис в фантастике.

Дорогие друзья! Вы спросили нас о положении в нашей фантастике. Если бы вопрос был задан хотя бы года полтора назад, мы бы ответили: унылое положение и практически бесперспективное. Но ведь теперь за плечами у нас XXVII съезд! И уже что-то брезжит, что-то намечается. Уже и превосходную фантастическую сатиру В. Бабенко опубликовали — «Игоряшу Золотую Рыбку» (правда, смешно сказать — в журнале «Литературная учеба», это зрелую-то, крепкую вещь, но не нам, фан-

тастам, смотреть в зубы дареному коню...). Уже и «Огонек» собирается публиковать фантастику, и «Студенческий меридиан»... Не знаем, не знаем. Как там у Дюма в «Графе Монте-Кристо»: БУДЕМ ЖДАТЬ И НАДЕЯТЬСЯ.

Это о «Молодой гвардии» и Роскомиздате. Была еще одна сила, которая потенциально имела возможность прямо влиять на издательскую политику в отношении фантастики: Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР. Возглавлял его видный кабардинский поэт Алим Пшемахович Кешоков. Еще одна всем очевидная несуразность. Представьте, если совет по поэзии вдруг доверили бы — страшно подумать! — прозаику-фантасту. В других родах литературы такое просто не может быть, а в фантастике, словно в насмешку над спецификой жанра, все, как видите, возможно. Словом, и в творческом союзе курирование фантастики является обременительной нагрузкой. Справедливости ради добавим, что не всегда обременительной. Руководители союза исправно отправляли друг друга в зарубежные командировки на всевозможные международные конгрессы и конференции писателей-фантастов. Впрочем, это известно нам только по изумленным и ехидным письмам от зарубежных коллег.

Журнал.

Проблеме «толстого» ежемесячного журнала фантастики почти столько же лет, сколько и самой нашей новой фантастике: около тридцати. Лет двадцать назад вопрос упирался в недостаток материала. Теперь проблемы материала не существует. Имеются практические соображения и относительно руководства этого будущего журнала, не чиновников, а коммунистов, знатоков и ценителей. И нет никакого сомнения в том, что творческие организации писателей-фантастов по первому требованию соответствующих инстанций представили бы подробную разработку такого журнала. Что же касается целей журнала, то они очевидны: демонстрация новейших достижений нашей фантастики; литературная учеба; развитие критико-теоретической мысли; и просто — реализация давней мечты многомиллионной армии любителей фантастики.

Так что же?

Пока — ничего. Войти с ходатайством о журнале в компетентные органы могут, как мы понимаем, только две организации: руководство Добровольного общества любителей книги и Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР. Ни та, ни другая организация, как уже видно из наших ответов, в таком журнале не заинтересована. Опять же: БУДЕМ ЖДАТЬ И НАДЕЯТЬСЯ.

Теперь позвольте небольшой период, адресованный не вам, а как бы от вашего имени.

Необходимо посылить выделить и конкретизировать достаточно очевидную, но постоянно ускользающую из поля зрения ответственных лиц мысль: если мы хотим, чтобы советская фантастика занимала в советской и мировой культуре место, принадлежащее ей по праву, место действенного пропагандиста самых передовых идей, была бы на деле могучим средством воспитания молодого поколения и действительно острым оружием в идейной схватке двух миров; если мы хотим, чтобы наша фантастика развивалась и совершенствовалась качественно, — мы должны обеспечить ровный, систематический поток ее публикаций. Другого пути просто не существует. У нас есть писатели, старые и молодые, способные обеспечить этот поток. У нас есть массовый читатель, умный и благодарный, ждущий этого потока с нетерпением. Но высятся еще на пути этого потока завалы равнодушия, безответственности, некомпетентности, дурных предрассудков, незрелых и злобных мнений. Именно они, эти завалы, ли-

шают нас того, что так остро, до душевной боли нам сейчас необходимо: лишают нас ИЗДАТЕЛЯ.

О кинофантастике.

Насколько нам известно, кинофантастика пользуется широкой поддержкой только зрителей и двух-трех квалифицированных критиков. В Госкино и на киностудиях разбирающихся в ней специалистов что-то не обнаруживается или, скажем точнее, они не появлялись на нашем личном горизонте. Кинопрокатчики регулярно обнаруживают полную неспособность отличить хороший фантастический фильм от плохого. И если уж берется наш кинематограф за фантастику, то в большинстве случаев занимается либо экранизацией апробированных классиков, либо экранизацией заслуженных иностранцев, либо экранизацией самых слабых произведений нашей современной литературной фантастики. Какая уж там социальная или философская проблематика...

В результате мы имеем пока довольно жалкий набор в два десятка научно-фантастических фильмов. В наборе этом не усматривается ни следа системы и линии, это аморфная мешанина из обломков джентльменского набора деталей и приемов, отработанных в литературе эпохи назад. Во-вторых, за исключением нескольких лент приемлемого достоинства, все это кинематографический брак, в подметки негодный даже трижды распятому на кресте критику фильму Лукаса «Звездные войны», — все эти «Звездные инспекторы», «Лунные радуги», «Петли Ориона», «Семь стихий» и прочие «Акванавты».

Но все это вы знаете и без нас, а вот чего вы не знаете.

Руководство Союза кинематографистов, взявшееся (и ведь успешно!) за благодарное дело — ввести нашу кинематографию в русло решений XXVII съезда, ни с того ни с сего проявило поползновение распустить Совет по кинофантастике и приключениям, возглавляемый замечательным режиссером Владимиром Мотылем, создателем «Белого солнца пустыни». Не в пример писательскому совету, эта организация вела и ведет эффективную работу по ликвидации отставания практических работников кино от уровня современной фантастики, разрабатывает предпосылки для создания теории кинофантастики, являет собой активный информационный центр. И такую организацию распустать? Не знаем, не знаем. Думаем, надеемся, что это какое-то недоразумение.

С другой стороны, очевидно и некоторое оживление на наших киностудиях. И вот уже, как сообщает пресса, «известный кинорежиссер Георгий Данелия (еще бы не известный!) снимает на студии «Мосфильм» фантастическую ленту о путешествии землян на другие планеты и о встречах с их обитателями». Так что положение в кинофантастике в эти дни много лучше, чем положение в фантастике литературной.

И наконец. (Вернее, как мостик для перехода от первой группы ваших вопросов ко второй.)

В некоторых письмах вы упрекаете братьев Стругацких в том, что мы якобы не пользуемся своим авторитетом для вмешательства в положение дел.

Во-первых, мы вмешиваемся. Правда, на решающие совещания (например, на печально известное заседание Коллегии Госкомиздата СССР 23 февраля 1983 года, принявшее замечательное в своем роде решение «О мерах по дальнейшему улучшению выпуска литературы по (!) научной фантастике») нас не приглашали, да и на решающие тоже. Но существует почта. И мы писали. И нам не отвечали. Или не отвечали подолгу. А когда отвечали, то сообщали, что-де все идет как надо, и деликатно намекали, чтобы не совались мы со своим... (как бы это поделкатнее сказать — ну, да вы все поняли) в издательско-калашный ряд.

Во-вторых (хотя достаточно и во-первых), не следует

преувеличивать значение нашего авторитета для чиновников. У нас его едва-едва хватает, чтобы поддержать достойную рукопись, да и то не наверняка. Да что говорить! Например: в зарубежных странах нас издали и переиздали полтора раза, а мы ни разу, несмотря на множество приглашений, не были на международных встречах писателей-фантастов...

А теперь перейдем ко второй группе ваших вопросов, касающихся уже нас лично.

1. Как мы работаем? Наш модус операнди, так сказать. Ну, то, что обычно подразумевается под писательской работой — заполнение чистых страниц текстом, — получается у нас достаточно просто. Один сидит за машинкой, другой валяется на диване, и с обоюдного согласия слово за словом, фраза за фразой, абзац за абзацем ложатся на бумагу. Бывают разногласия, особенно в выборе слов, но мы уже давно спелись и, как правило, понимаем друг друга буквально с полуслова. Это не так уж сложно, это владение ремеслом. (Чтобы не было недоразумений: под владением ремеслом понимается выработанная опытом способность любую, сколь угодно сложную мысль без больших затруднений воплотить в литературную форму.) Самое же сложное — до листа бумаги.

Идея. Проблема. Замысел. Как правило, идей и замыслов у нас всегда было сколько угодно. Как и у большинства писателей. Но вот, зачастую почти незаметно для нас самих, что-то одно начинает вытеснять все остальное, заслоняет весь видимый мир, все ярче высветивая в нем некий участок. И наступает момент, когда мы, набрав в легкие побольше воздуха, ныряем в недра этого участка. Дальше со скрипом, с треском, с разрывами, с рывками и отступлениями идет самая сложная работа. Более или менее четкое формулирование проблемы. Выработка фабулы, оптимальной для постановки этой проблемы. Отбор действующих лиц, наиболее подходящих для этой фабулы. Создание сюжета, дающего максимальные возможности для действующих лиц. Первый набросок конкретного плана будущей повести: прикидка эпизодов, диалогов, рассуждений и прочего. И наконец, отдуваясь и отирая с чела пот, мы беремся за машинку.

Конечно, это только схема, в каждом конкретном случае получаются всякого рода отклонения. Например, если память нам не изменяет, мы только однажды написали повесть от начала до конца по намеченному плану. Но некое общее представление о нашем модусе операнди эта схема, мы надеемся, вам дала.

2. Высказываются мнение, будто нас мало издают. Это неверно. В последние годы жаловаться нам не приходится. Даже издательство «Советский писатель», дай бог ему здоровья, обычно чурящееся фантастики, издало сборник наших повестей «За миллиард лет до конца света» двумя тиражами подряд. Перед этим в молдавском издательстве «Лумина» вышел наш сборник «Жук в муравейнике». Практически без задержек была опубликована в журнале «Знание — сила» повесть «Волны гасят ветер», в «Детской литературе» вышел сборник «Стажеры», в миинском «Юнаштва» — «Понедельник начинается в субботу», в рижской «Лиезме» — сборник «Жук в муравейнике», в журнале «Изобретатель и рационализатор» — сценарий «Пять ложек эликсира» и главка из неопубликованной повести... И это только на русском, но издаем мы и на других языках нашей страны, а также на языках зарубежных стран в журнале «Советская литература». (Может быть, стоит добавить сюда и японский средневековый роман «Сказание о Есицуэн», выпущенный «Художественной литературой» в переводе А. Стругацкого.)

Нет-нет, жаловаться не приходится, издаем мы порядочно, и тиражи у наших книг вполне обычные, ни в какой мере не заниженные, как предполагает кое-кто из вас. А вот за молодых писателей сердце у нас болит,

и беспокойство не отпускает нас... Но об этом мы уже говорили.

3. Вот, кстати, о «Хромой судьбе». Повесть эта, наша пока последняя, вышла в ленинградском журнале «Нева» (1986, № 8, 9). Как могли заметить те из вас, кто с нею ознакомился, она не совсем для нас обычная, к тому же по обстоятельствам «Нева» смогла опубликовать лишь менее половины ее, а вот где и когда она выйдет полностью, мы пока не знаем.

4. Будет ли издано наше собрание сочинений? Не знаем. Скорее всего, не будет. Во всяком случае, в обозримом будущем.

5. Для кого мы пишем? Вопрос странный, но задавали нам его и прежде. И не только читатели. Определенно мы можем сказать только одно: когда мы пишем, мы никогда об этом не думаем. По-видимому, питаем мы подспудное убеждение в том, что интересное нам обязательно будет интересно многим. Судя же по читательским письмам, в том числе и вашим, Стругацких принимают и школьники, и пенсионеры, но большею частью любители фантастики, хотя встречаются и исключения. Кстати, здесь уместно будет упомянуть о любопытной гипотезе Александра Мирера, автора одной из лучших фантастических книг для подростков — «Главный полдень». А. Мирер утверждает, будто любовь к фантастике сродни музыкальному слуху: она у человека либо есть, либо ее нет, от социальных и прочих факторов она не зависит. Может быть, может быть.

6. Будем ли мы продолжать эпопею Каммерера («Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер») и Саши Привалова («Понедельник начинается в субботу», «Сказка о Тройке»)? Трудно сказать. Сейчас, во всяком случае, такого намерения у нас нет. Разумеется, если нас когда-либо захватит проблема или идея, для воплощения которой в литературу можно будет воспользоваться готовыми системами образов и обстоятельств, задействованными в этих эпопеях, мы не преминем это сделать.

7. В некоторых ваших письмах справедливо замечается, что в последние годы в сфере самиздатского сбыта появились рассказы, повести и даже романы, приписываемые братьям Стругацким. Это представляется нам безобразным, тем более огорчительным, что за него, кажется, не предусмотрено наказание. Разве что как за диффамацию или клевету. (Сами мы этих опусов не читали, но, по слухам, выполнены они халтурно и содержат массу всяческих, в том числе и орфографических ошибок.)

Чтобы ориентировать читателя, в руки которого может попасть такая вот подделка, мы приводим ниже краткую библиографию наших работ. Мы не включаем в нее рассказы (мы давно уже рассказы не пишем), а также статьи, выступления и интервью. Итак:

«Страна багровых туч».

«Извне».

«Путь на Амальтею».

«Стажеры».

«Полдень, XXII век (Возвращение)».

«Попытка к бегству».

«Далекая Радуга».

«Трудно быть богом».

«Понедельник начинается в субботу».

«Хищные вещи века».

«Улитка на склоне».

«Второе нашествие марсиан».

«Сказка о Тройке».

«Гадкие лебеди» (не опубликовано).

«Обитаемый остров».

«Отец «У погибшего альпиниста».

«Малыш».

«Пикник на обочине».

«Парень из преисподней».
 «За миллиард лет до конца света».
 «Повесть о дружбе и недружбе».
 «Жук в муравейнике».
 «Град обреченный» (не опубликовано).
 «Хромая судьба».
 «Волны гасят ветер».
 «Пять ложек эликсира».

Все остальное наверняка подделки. Правда, следует иметь в виду и возможность того, что подделке может быть присвоено название действительно нашего произведения, но тут уж мы ничего предпринять не в силах.

8. Наши творческие планы. Ближайшие года два мы будем почти исключительно заняты работой для кинематографа.

9. Теперь несколько слов о Странниках, люденах и о прочих вертикальных прогрессах и гомеостазисах Вселенной.

Мы, конечно, испытываем определенную гордость за все эти наши выдумки, поскольку они вызвали большой интерес у многих читателей. И мы благодарны читателям за то, что выдумки эти их заинтересовали — иногда даже и до некоторой утраты ощущения реальности.

Но за всем тем не можем не заметить следующее.

Мы принадлежим к тем фантастам, для которых фантастика давно уже не является темой. То есть мы с интересом и удовольствием читаем талантливых авторов, у которых фантастический элемент сам по себе есть точка приложения творческих усилий, так, например, обстоит дело с утопическими и антиутопическими произведениями, но для нас-то это не так. Странники и все прочее для нас — не более чем антураж, не имеющий никакого самостоятельного значения, этикие вешалки, на которых мы вывешиваем на всеобщее обозрение беспокоящие нас проблемы, а проблемы эти связаны у нас, как может без труда обнаружить достаточно внимательный и опытный читатель, большей частью с социологией и массовой психологией современного состояния рода людского. Если же внимательный и опытный читатель этого все же не обнаруживает, что же, тем хуже для нас.

Во всяком случае, нет никакого смысла затевать дискуссии на тему о том, кто же такие эти людены (если только не имеется в виду упражнение для тренировки воображения). А вот сообщения о «процессах» Сикорски нас порадовали.

10. Наконец, Стругацкие и кино.

До сегодняшнего дня по нашим произведениям было снято три фильма. Большинству из вас они знакомы, и говорить о них здесь мы не будем.

Несколько лет назад западногерманская фирма «Аллилуйя», возглавляемая известным режиссером П. Фляйшманом, предложила нашему Совинфильму совместную постановку по повести «Трудно быть богом». Предложение подверглось тщательному рассмотрению. У Стругацких откупили право на экранизацию. Недавно заключили, наконец, договор и то ли приступили, то ли приступают к съемкам на базе студии имени Довженко (Киев). Больше мы ничего не знаем. Правда, после настоячивых напоминаний с нашей стороны нам дали на ознакомление режиссерский сценарий будущего фильма. Как мы и ожидали, нам он не понравился. Впрочем, любителям боевиков там будет чем полюбоваться. Лязг мечей и вспышки лазеров. Гиблое дело, если хотите знать наше мнение.

Примерно в то же время та же студия имени Довженко заказала нам сценарий на произвольную тему, по нашему выбору, лишь бы фантастический. Мы с большим воодушевлением взялись за дело и написали «Пять ложек эликсира» — о реликтовых людях, живущих и функционирующих среди нас в наши дни. Как можно было заключить из отзывов, сценарий этот очень понравился

на студии, а затем тогдашнее руководство ее отдало нашу работу на рецензию в Киевский институт философии, в результате чего работа была зарублена.

Сейчас, как вы могли заметить, положение в советской кинематографии резко улучшается. И не исключено, что в ближайшие месяцы мы получим возможность поработать над сценарием многосерийного телефильма по повести «Обитаемый остров».

Говорить о других наших упованиях в области кино пока воздержимся. Чтобы не сглазить.

11. Совсем коротко — о вопросах, так сказать, личного свойства.

Среди них немало глобальных. Таких, например: что мы ценим в жизни, в людях превыше всего — и что активно не приемлем? В чем видим смысл жизни?.. В двух словах отвечать на такие вопросы вроде бы неловко: подобно многим авторам, сами-то мы склонны полагать, будто свои идеалы писатели обычно формулируют в книгах. Плохо формулируем, неконкретно? Но о том, как не мы, а читатель оценивает наши книги, уже говорилось — не будем повторяться.

Преобладают же в этой группе вопросы сугубо частные, и несть им числа. Какой — активный или затворнический — мы ведем образ жизни? И есть ли у нас друзья среди писателей — советских и зарубежных? Охотно ли встречаемся с читателями, всем ли — или выборочно — отвечаем? И еще: какие журналы выписываем, и — читаем ли газеты, смотрим ли телевизор, слушаем ли радио... а ведь есть еще кино, театр, случаются разнообразные выставки, и футбол-хоккей есть, и всякий иной спорт, наконец, есть еще и книги — да как же без всего этого, скажите на милость, прожить человеку в самом конце второго тысячелетия нашей эры?.. А вот еще: как мы относимся к музыке (живописи, поэзии, прозе, песне эстрадной и самодеятельной и многому-многому еще...) — в том числе к современной и самой-самой современной: принимаем ли мы — приветствуем аль отвергаем — поиски новых форм? Допустим, отвергаем. И что же, эти самые поиски прекратятся? А если приветствуем? Исчезнут тернии на пути и искателей?

Кроме того, нас ведь двое. А вдруг, к примеру, один из нас — патриот родного «Зенита», второй же — фанат «Спартак»? Или, скажем, один с упоением коллекционирует искусство в марках, а другой отродясь не благоговел перед почтовыми знаками? Какую пищу для вашего ума может дать подобная разнородная и противоречивая информация, и главное — нужна ли она вообще, в частности же — столь ли уж остро необходима для усвоения написанных нами книг? Не уверены в этом.

Вот, пожалуй, и все, что мы хотели вам сообщить, дорогие наши корреспонденты.

В заключение мы решили ответить на вопрос одной, судя по всему — очень милой, читательницы из Челябинска. Вот что она написала:

«Представьте себе, что вы находитесь в приемной «Уральского следопыта». Сидят сотрудники, редакторы, читатели. И вдруг встаю я и с улыбкой говорю:

— А я была в будущем!

Какой будет ваша первая реакция?»

А примерно такой:

«Мы не встаем (по старости лет), но тоже улыбаемся и произносим:

— Да что вы говорите? Интересно. И как у них там?»
 Благодарим за внимание.

22 апреля Ивану Антоновичу Ефремову исполнилось бы 80 лет.

Вот уже почти пятнадцать лет нет его среди нас (писатель-ученый скончался 5 октября 1972 года). Ничтожный для палеонтологии, любимой его науки, этот временной отрезок — всего-то ведь полтора десятилетия! — в неостановимой обыденной жизни нашей весьма весом. Сколько событий — маленьких и больших, заурядных и чрезвычайных — произошло за это время! На карте Земли появились новые государства. Количество людей, побывавших в космическом пространстве, давно перевалило за сотню. Родились и выросли сегодняшние читатели нашего журнала. Вошли — а то и ворвались — в читательскую нашу жизнь и благополучно канули в Лету сотни звучных, казалось, книг и имен...

Имя Ефремова не забылось, не выветрилось из памяти. Он наш современник, и творчество его — не одной лишь знаменитой «Туманностью Андромеды», но едва ли не каждой строкой устремленное в будущее, буквально заряженное этим неизбежно общим для всей планеты будущим, — занимает с каждым годом все более заметное место в сфере наших духовных интересов.

За последнее десятилетие его книги изданы, по свидетельству Т. И. Ефремовой, общим тиражом около 8 миллионов экземпляров. Выходит новое — к сожалению, опять неполное — пятитомное собрание его сочинений. Должно быть, уже пришла к читателям и долгожданная вторая — после давней монографии Е. Брандиса и В. Дмитриевского «Через горы времени» (1963) — книга о нем, написанная близко его знавшим профессором П. К. Чудиновым...

Но еще многим и многим недоступны его произведения; и многое не исследовано еще и в биографии его, и в его творчестве; и еще ждет издателя значительная часть написанного им — его публицистика...

Между тем письма Ефремова, его статьи в не меньшей, чем художественное его творчество, степени пронизаны предчувствием будущего, нам и в них многое созвучно: уж очень существенные наши заботы, сегодняшние и завтрашние, сумел предугадать писатель. Нетрудно убедиться в этом, прочитав хотя бы перепечатываемую ниже его статью двадцатилетней давности.

ДЕТИ — ЭТО МЫ ЗА ПОРОГОМ БУДУЩЕГО

Иван ЕФРЕМОВ

В каждом столетии проблема «ребенок и время», «дети — век настоящий и будущий» приобретает новое значение, ее влияние на развитие всего общества возрастает. Наука и техника дали человеку могущество. Современный человек технически шагнул далеко вперед, а морально, с точки зрения общественного воспитания, он еще не поднялся до уровня новых требований. В век сложной технической цивилизации задача нравственного воспитания юных стоит острее, чем когда бы то ни было раньше.

Колоссальные достижения современной цивилизации могут обратиться во зло, если человечество не научится ими пользоваться. А мы еще не освоились с высоким нервным напряжением,

которого требует от нас новый век. При невыявленной сложности современного процесса производства малейшая ошибка или неточность в одном каком-то звене может вывести из строя всю цепь и повлечь за собой катастрофу. Концентрированное внимание, стопроцентная сосредоточенность требуются от нас и в условиях современного быта, — скажем, на улице большого города. И с дальнейшим развитием цивилизации требования к человеку будут все возрастать.

А подготовлены ли мы к этому интеллектуально и психологически? Нет, особенно дети. Теперь невозможно, как это было раньше, удерживать все необходимые сведения в голове. В мире каждый год издается 18 тысяч романов,

новелл, повестей. А по химии, например, печатается ежегодно 240 тысяч работ. Если мы не научим детей выбирать для себя главное, следить за общим продвижением науки и культуры — бессистемное множество сведений захлестнет их с головой.

Наша задача заключается в том, чтобы научить подростка ориентироваться в мощном потоке информации, поступающей к нему, чтобы он знал, где ее брать и как для себя использовать.

Для приобретения огромного количества знаний, необходимых человеку уже сегодня, совсем не подходит современная система образования, создававшаяся в девятнадцатом веке. Средняя школа должна быть построена по типу вуза, а не наоборот, как сейчас — высшее учебное заведение по типу школы.

Всем известно, что у нас в школе еще процветает скрытое соревнование по отметкам. Нет ли здесь желания выделить сильных перед слабыми? Как быть, если человек силен в математике, но слаб в спорте, у другого хорошая память, но нет способностей к рисованию? В таком случае надо как-то «уравновешивать» силы, уметь выявлять способности каждого. И у высокоспособных не должно быть преимуществ перед товарищами по классу. Иначе у сильных ребят воспитывается сознание превосходства, надменность. А у слабых, в свою очередь, развивается чувство неполноценности.

Американский ученый Шепли справедливо заметил, что система среднего образования должна от вертикали переходить к горизонтали. Надо, иными словами, дать ученикам спектр знаний: сущность истории и техники, основные законы физики, химии, биологии вместе с прикладным их использованием. Не заставлять учеников механически зазубривать зоологическую систематику, а показать, например, общую схему развития животного мира. Для среднего образования необходимо, чтобы приобретение знаний шло вширь.

Я не буду оригинальным, если скажу, что в формировании человека придаю огромное значение литературе.

Мой интерес к палеонтологии, который я сохранил на всю жизнь, возник от десятикопеечной книги из сытинской библиотеки. Всем я обязан книгам. Фантазия, стремление к знаниям, образы людей, которым я хотел подражать, — все я брал из прочитанного, из литературы.

Главное — в создании таких человеческих образов, которые могут служить образцом для подражания, путеводной звездой. В этом и состоит огромная роль книги.

Существует такая закономерность: чем сложнее общество, тем многограннее и многообразнее должно быть воспитание молодого человека.

Нынешний век требует от поколения не только знаний. Новая мораль, новые взаимоотношения должны существенно изменить нашу жизнь. А мы еще недостаточно учитываем динамику жизненного процесса. Родители порой бывают в чем-то консервативны потому, что их детство проходило в других условиях. Родители хотят, чтобы их дети росли в точности такими, как они. В этом ошибка. Дети не могут быть буквальным повторением родителей. Если бы каждое новое поколение, наследуя все лучшее, накопленное отцами, не уходило чуточку вперед, не было хоть немного лучше, — прогресс человечества прекратился бы.

Мы стараемся дать детям образование. Но мы не приучаем детей думать о ближнем. Если человек не будет думать о ближнем, он неизбежно причинит ему вред. Нельзя допускать небрежности в приготовлении тонких химических препаратов, в работе с ядерными реакторами, а тем более — во взаимоотношениях с людьми. В наших силах воспитать в ребенке настоящего современного человека — мечтателя и завоевателя будущего.

Журнал «Детская литература», 1966, № 2.

ОБ И. А. ЕФРЕМОВЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

Брандис Е. Разведчик трассы — Иван Ефремов. 1982, № 4.

Брандис Е. Он между нами жил... 1986, № 4.

Бугров В. Собирающий красоту. 1972, № 12.

«Будьте всегда любознательными...» (Письма И. А. Ефремова уральским читателям). 1982, № 4.

Ревич В. Сфера разума: Уроки «Туманности Андромеды». 1986, № 3.

Савельзон В. Пути старых горняков. 1977, № 4.

ЖИЗНЬ НА ВЫНОСИВОСТЬ НАС ИСПЫТАЛА...

Борис РЯБИНИН

Говорят, самые интересные встречи — неожиданные. А если эта встреча — письмо?

Конверт с обратным адресом «г. Белгород, К. Мамонтов» ничего не говорил мне, но вот читаю: «Уважаемый Борис Степанович! Мне было очень радостно узнать, что Вы — кунгуряк и, стало быть, мой земляк... Не ошибусь, если скажу, что нас объединяет: одна любовь к родному краю, воспоминания о молодости, пролетевшей в одном городе. И если случится встреча, нам, конечно, будет о чем поговорить.

Никак не предполагал, что Вы — из города, где я пережил свое второе рождение, будучи усмиренным из беспризорников.

Родился я в с. Ашарь Ординского района, прожил там 11 лет, когда направили меня к матери в Свердловск, — она там в домработницах была, но в Кунгуре встретился с беспризорниками и вместо Свердловска «укатил» в сторону Москвы. Три года колесил по стране, «вцепившись в крыши дальних поездов». Но жизнь среди воров тяготила, и я приехал в Свердловск с надеждой найти мать. Из адреса я запомнил только «Площадь 1905 года» — ни улицы, ни дома. Прошло два месяца, и вдруг однажды — неожиданная встреча на рынке: она покупала овощи...

...Хозяйка разрешили мне жить у них. Моя работа — помогать матери. Моешь в их комнатах полы и вдруг находишь под диваном пятерку или под кроватью десятку. Велико было желание взять хотя бы одну бумажку, — они же валяются, о них забыли... Но бес меня все-таки не попутал, — экзамен на честность я выдержал. Приближалась пора учебы. Меня с ног до головы одели, устроили на учебу в школу имени Тургенева, и, казалось бы, все хорошо. Но жизнь распорядилась по-другому.

В конце 1932 года мать вышла замуж, и отчим перевез нас в Красноуральск... Но жизнь у них не пошла, мать трагически погибает, а отчима сажают в тюрьму. Я — опять один!

«Сочувствующие друзья», намного старше по возрасту, за неделю распродали все мое «наследство», деньги пропили.

Я ушел в лес, построил шалаш, стал жить в нем. Но ведь мальчишке хочется с кем-то поговорить — излить свою душу. И вот тогда все свои переживания начинаю делить сначала с березками, угольком, а потом, когда «купил» бумагу и карандаш, — с бумагой. Сами по себе рождались стихи. Это, видимо, потому, что с раннего детства любил стихи, которые дед мой знал великое множество.

Рассказываю Вам об этом потому, чтобы Вам была более понятна моя книжца «Навстречу жи-

ни», которую решил Вам послать в обмен на Вашу. ...Наперед знаю, что Вы не будете смеяться над моими «песенками вагонных попрошайек», как их окрестили в 1974 году в издательстве «Современник»...

Простите, что так много написал Вам. Просто захотелось «излить наболевшее», которым почти ни с кем не делюсь...

Читал, а перед глазами оживали кадры из кинофильма «Путевка в жизнь», оборванные мальчишки-голытьба, гоняющиеся за куском хлеба, без ласки, без ободряющего слова близкого человека, готовые на воровство и другие «художества», но еще более того — с радостью прислониться к родному человеку.

**Люди все любят
Из окна на улицу.
Нам же с улицы в окно
«Любоваться» суждено.
Потому что мы — шпана,
У шпаны же нет окна...**

Наверное, даже если не читать самого письма, а страницу за страницей сборник стихов Константина Мамонтова, увидишь картины пережитого. Видимо, таково свойство поэзии — запечатлеть бытие в его реальных, подлинных чертах, с точностью, которая доступна много повидавшему и пережившему человеку.

Жизнь и вправду не сладкая штука, если она вот такая:

**Радость мою расплескали ухабы,
Горести смыли улыбку с лица.**

Но вопреки всему живет в сердце радость — это память о матери, она скрашивает горестное существование и помогает перетерпеть невзгоды. И — стихи. Они тоже придают силы...

**Судьба, напрасно хочешь ты
Мой дух сломить в борьбе.
...Чем больше бьешь, тем я сильней.
От стуж прочтеед лет...
Польнь горька, но и на ней
Пчела находит мед.**

Всякий раз, думая о Константине Мамонтове и пройденном им пути, я возвращаюсь к мысли о том, что, несмотря на все злоключения, тягости, выпавшие на его долю, он сумел собрать свой мед.

Судьба его не сломила, но продолжала испытывать на прочность, на волю к жизни, на высокое звание русского, советского человека.

...Война. Вчерашний беспризорник стал воином, солдатом, патриотом, остро чувствующим боль за поругание родной земли:

Тракт не широк, но днем — не пересечь.
 Лежим в кустах. А мимо — танки, пушки.
 Солдаты ржут. Кругом — чужая речь.
 А мы — в России — шепотом по-русски.

Трагические строки. И в них — он весь, со своими
 думами, переживаниями, затаенной болью.

Винтовка и перо были его оружием.

Мой «кабинет» — передняя траншея.
 Приклад винтовки — стол передвижной.

Мы вовсе не хотим сказать, что все стихи К. Ма-
 монтова верх совершенства. Придирчивые критики
 найдут в них, вероятно, немало недостатков. Но в
 них присутствует чувство, живое, явственно ощути-
 мое, как пульс времени; есть зримая гражданствен-
 ность, ощущение принадлежности к своему народу.

Да вот он и сам пишет в том же письме:

«Что мои стихи несовершенно, об этом я знаю
 сам (не хватает образования), но что они искренни
 и идут из глубины души, об этом говорят многочис-
 ленные письма читателей. И это меня радует. Поэ-
 зия — моя душевная потребность и ни в коем случае
 не профессия. Я в первую очередь — рабочий, про-
 работавший на производстве (машинист электровоза)
 в общей сложности 27 лет и плюс семь лет в рядах
 Советской Армии».

Многое успел повидать, перечувствовать, пережить
 Константин Мамонтов. Позади ранения, контузия,
 операции. Стал терять зрение. Поскитался по белу
 свету, поехал по стране, да и за рубежами Родины
 побывал, а теперь хочется одного, нестерпимо хочет-
 ся — домой, на Урал.

«На семейном совете приняли решение о возвра-
 щении на Урал, — пишет он. — Надеюсь, что пермские
 власти помогут мне с жильем в Кунгуре; Пермь же
 мне не подходит, — у меня одно легкое... Правда, это
 сделать нелегко. Но мы надежды не теряем».

Судьба Константина Мамонтова полна и драмати-
 ческих, и удивительных событий. Беспризорным под-
 ростком, в ватаге, он встретился с девушкой; вернул
 ей снятые с ее руки часики. А потом, много лет спу-
 стя, он, солдат на войне, умиравший, израненный на

поле боя, сжимал зубами концы телефонного прово-
 да; очнулся через какое-то время в госпитале и узнал
 в склонившемся над ним военфельдшере ту, давнюю
 свою знакомую из детства...

Его считали погибшим. Один бывший санитар об-
 наружил в своих вещах блокнот со стихами, и их
 «посмертно» напечатала центральная газета.

А он, живой, водил поезд, встречался с читате-
 лями и читал им свои стихи...

Звездным небом накрываясь,
 Руки-реки разметав,
 Спит страна моя родная
 Среди медовых росных трав.

1952 г.

Меня не целовали, провожая,
 И вслед невеста не заголосила.
 По-матерински женщина чужая,
 Помедлив чуть, мой лоб перекрестила.
 Не верю я ни в черта и ни в бога.
 Но мне милей от ласки этой стало,
 Сама Россия в дальнюю дорогу
 Своей рукой меня благословляла.

1941 г. «На фронт».

Мой стих наполнен горечью утраты,
 Пропах едучей гарью городов,
 Пропитан кровью русского солдата,
 Облит слезами матерей и вдов.

1942 г. «Подо Ржевом».

Война не вечна! И когда-то
 Чехлы закроют пушкам рты.
 А кровь и смерть — в скупые даты
 На пожелтевшие листы.
 С сапог сотрется пыль походов,
 Забудем цвенькание свинца,
 Но никогда не смогут годы
 В нас разминировать сердца.

1944 г. 3-й Украинский фронт.

Сергей КОРКОДИНОВ

Не гаснет на небе звезда

Когда снаряд разорвался, землянка вздрогнула, как живая. Три наката бревен, мокрые стены, нары, железная печка с раскаленной трубой — все заходило ходуном. И тут же сразу затихло. Только моя семиструнная гитара все еще тихонько звенела.

Сам командир полка разрешил нашей роте иметь этот нежный инструмент. Носил я гитару на плече, рядом с автоматом. А в горячие дни ротный повар дядя Миша возил ее по российским дорогам вместе с походной кухней. Берегли мы нашу музыку, от нее теплом веяло, родным домом.

Я пристраивался на нарах, легонько трогал упругие струны. Дружок мой Ваня Камаев подбрасывал в печку сухие щетки и напевал. Песня была незатейливая, да и солдат пел негромко, вроде бы для себя, а ребята сидели тихо-тихо, только махорка потрескивала в самокрутках:

Гармоника играет,
Гармоника поет,
В землянке отдыхает
Второй стрелковый взвод.

Святая простота! А слушали, не отрываясь, — песня была о них, о солдатах, о жизни на войне, об уралочках. Мы не знали, кто сочинил слова, но мотив был знакомый, напоминал знаменитую мелодию русской песни «Живет моя отрада». Видно, не успели еще придумать музыку для новой солдатской песни.

Как-то недалеко от меня лежал на соломе пулеметчик Перевалов, он недавно попал к нам из госпиталя. Перевалову было уже за тридцать, мы величали его стариком. Он всегда был какой-то задумчивый, разговаривал мало. Но пулеметом работал ловко, играючи. Как артист. После контузии был на одно ухо туговат и, чтобы лучше слышать песню, держал ладошку около уха.

Когда песня умолкла, Перевалов встал и говорит:
— Слушай, Ванюха, слова бы переписать, — и вытаскивает замасленный блокнотик. — Я с Урала как раз...

— Откуда? — спрашивает Иван.

— Из Березовского, — говорит. — Есть такой золотой городок около Свердловска. Наверху терриконы, копры, под землей — катакомбы...

Я слушаю и ушам своим не верю.

— Да это же мой родной город! — кричу.

— Ты смотри! — удивляется пулеметчик.

Одним словом, потолковали, повспомнили мы от души. Потом он оживился и хлопнул меня по плечу.

— А ну-ка, — говорит, — Серега, бери гитару. Раз такое дело, еще одну хорошую песню споём. Уральскую. Сосед по палате научил. Убили потом его, а песня осталась.

Перевалов помурлыкал пару минут, я подобрал аккорды, и он начал:

Там вдали, тропинкой горной,
У крутого бережка
Провожала, нежно целовала
Я своего милого дружка.

— Точно, — говорю, — с Урала песня! «Своего» — это по-уральски, по-нашему.

Со второго куплета кое-кто из ребят начал подтягивать. Не очень уверенно, но в лад. Неподдалеку с треском

разорвал землю снаряд, но песню уже нельзя было остановить:

Знаю, ты в бою жестоком
Будешь смело бить врага.
Никогда на родине далекой
Не забуду, миленький, тебя.

Перевалов вдруг замолчал, с досадой затеребил прокурные усы:

— Эх, забыл, понимаешь, последний куплет!

Так он и не мог вспомнить. Прервалась солдатская песня, остановилась музыка...

Потом я долго искал последний куплет.

...И все-таки нашел его. Ровно через шесть лет.

В родной Березовский я вернулся в конце сорок пятого. И довелось мне некоторое время дирижировать хором в городском рабочем клубе.

Собрались как-то перед репетицией, балагурим, шутим. Смотрю, подходит ко мне Люда Папилина, белокурая девушка, веселая всегда, с открытой улыбкой.

— А я, — говорит, — знаю хорошую песню про войну, ее хором можно петь.

Люда работала на шахте, трудновато ей доставалось, но приходила к нам аккуратно. Голос у нее низковатый такой, густой и чистый. Музыкальная была, пела легко.

— Ну что ж, — говорю, — давай спой.

Люда откашлялась, подошла к роялю. Ребята приготовились слушать.

— Мы, — говорит, — с сестренкой споём, ладно? Вдвоем интересней.

Только сестры запели, у меня аж сердце дрогнуло:

Там вдали, тропинкой горной,
У крутого бережка...

И сразу — землянка перед глазами, солдаты на нарах, а рядом война...

Девчата поют хорошо, слаженно. Люда ведет второй голос, он украшает мелодию. Я слушаю и жду, когда последний куплет начнут.

И вот они, те потерянные строки:

Льдом сердечко охладело,
По щеке бежит слеза...
Огоньки погасли за рекою,
Лишь не гаснет на небе звезда.

С волнением и гордостью слушал я эти слова неизвестного автора. «Не гаснет на небе звезда» — это ведь надежда, вера в нашу Победу!

— Молодцы, — говорю, — девчата! А откуда вы знаете песню?

— На шахте у нас пели, — отвечает Люда. — Мы ее и на фронт отправляли.

— Неужели?

— Ну да. Много теплых носков послали, вкусных пряников. И песню тоже.

Обнял я их, как родных, честное слово! — Солдатское спасибо, — говорю, — за вашу песню.

...Шел четвертый послевоенный год. Мы часто пели для шахтеров эту душевную песню грозных лет. А слова ее и ноты хранятся у меня до сих пор как память о войне.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА

Валерий МИРОНОВ

Рисунок Ольги Горячевой

АПРЕЛЬ

Апрель был вторым месяцем года при Ромуле, основателе Рима. Но в 46 году до нашей эры его переместили на четвертое место. Второй месяц весны древние римляне посвящали мифической богине красоты Венере и дали имя «априлис», происходящее от латинских слов «открывать», «раскрывать», «расцветать».

По другой версии, наименование месяца происходит от латинского слова, означающего «согреваемый (согретый) солнцем», «солнечный». Римский поэт Овидий утверждал, что имя месяца восходит к латинскому «аперире», что означает «все открывается», то есть апрель — месяц «весеннего открывания природы».

Поэтому имя апреля созвучно у многих народов мира. Грузины называют его «априли», латыши — «априлис», молдаване — «априлие», эстонцы — «априлд», венгры — «априлиш», румыны — «априлие», болгары, немцы, голландцы, датчане, индонезийцы, норвежцы и шведы — «април», англичане — «эприл», индийцы (на урду) — «априэл», испанцы, португальцы и французы — «аврил», итальянцы — «априле», на esperanto — «априло».

По китайскому сезонному сельскохозяйственному календарю, двухнедельные периоды с 20/21 марта, 5/6 апреля и 20/21 апреля соответственно называются «весеннее равноденствие», «ясно и светло» и «дождь для злаков».

В Древней Руси, в Болгарии и Сербии этот теплый месяц величали древнеславянским именем «цветень». Сходные с этим названия «квцень» и «квцень» сохранились за ним до сих пор на Украине и в Польше. В Белоруссии апрель — «красавик»,

в Хорватии — «травань», в Чехии — «дубен».

«Флореаль» (цветок, месяц цветения) носил месяц с последней декады апреля во Франции в период Великой французской революции и в дни Парижской коммуны.

За непостоянство, изменчивый характер апрель на Руси получил немало народных прозвищ — «капризник», «плут», «лукавей», «снегон», «водолей», «капельник», «парильник»...

Согласно так называемому календарю «счастливых камней», апрель соответствуют алмаз и бриллиант. Они отражают холодную прозрачность апрельского льда, спящие искры снежинок. По календарю цветов, апрелю соответствует душистый горошек.

До 18 апреля солнце будет находиться в созвездии Рыбы, а потом — в созвездии Овна.

1 апреля, всем известно, дата озорная. С давних времен во многих странах живет обычай, в этот день шутить, веселиться, врать и разыгрывать друзей. На Руси издавна говорили: «Коль первого апреля не соврешь, когда еще времечко найдешь?»

У наших предков был и такой веселый праздник — Свистопляска. Весной выходил деревенский люд на улицу со свистульками прогонять нечистую силу. Свистульки каждый старался сделать позабавнее — в виде козла, барана, лошади. Так возникли знаменитые теперь народные промыслы.

Яйцо — один из основных атрибутов другого древнего весеннего праздника — пасхи, унаследованной еще от язычества. В старину курица

считалась божеством и жертвенной птицей. Ее образ широко представлен в русской народной вышивке. В не меньшей мере почиталось и яйцо. Когда-то, еще до установления на Руси христианства, наши предки считали яйцо чудодейственным, таинственным, волшебным. Чтобы сделать его более «угодным духам», его красили кровью. Раскрашенное яйцо, или писанка, с языческих времен символизировало весну, солнце, пробуждение природы.

В наши дни вареные яйца раскрашивают ярко, пестро, применяя различные красители и создавая затейливые узоры — заячьи ушки, майские ландыши, полевые розы... И все писанки разные, неповторимые — одна краше другой. Они радуют глаз, словно живые весенние первоцветы.

ПРИМЕТЫ, ПОГОВОРКИ, ПРИСЛОВЬЯ

Апрель — обманщик, плут и лукавец, по-своему распоряжается.

Апрель — месяц чистоты, очищения природы.

Апрель — месяц бурного пробуждения и расцвета природы.

Апрель сидит да дуёт, а ты погляди — то ли еще будет.

Апрель открывает ключи и воды.

Апрель водою славен.

Апрельские лучи землю будят.

Апрельские ветры, как бы они сильны ни были, благоприятны.

Апрельские дожди приносят большой урожай.

В апреле дождь дороже плуга.

Апрельский цветок ломает снежок, а то и ледок.

Апрельский скворец — весны гонец.

В апреле ясные ночи кончаются заморозками.

С апреля земля и сено в стогах преют, теплым ветром веет.

Февраль насорит снегом, апрель смочет водой.

Не ломай печей, еще апрель у плечей.

Ни в марте воды, ни в апреле травы.

По глинам теперь грязь раскожая, мокрый апрель — пашня хорошая.

Хороший год по весне видно. Осень прикажет, а весна придет — свое скажет.

Весной и осенью снег с дождем чередят.

Бедные березы по веснице точат слезы.

Весною как грязь, так и хлебушка даст.

Весна непостоянна, как мачеха: то повеет теплом, то нагонит холодов с севера.

Если весной дружно тает снег и дружно бежит вода, то уродят лучшие яровые хлеба раннего посева.

Тепло и намерзло, сопули (со-сульки) висят, значит, весна затяжлива будет.

Пахать в весну — не до сну.

Весной запашку затянешь — ножки протянешь.

Журавлиный клин в небе — предвестник весны.

Не все ненастье — проглянет и красно солнышко.

Солнце, звени, снег гони, холстину земли на свет тяни.

Если облака собираются на холмах, то они скоро опустятся вниз через водяные мельницы.

Неподвижно висающие, как бы изорванные, очень высокие перистые облака не служат признаком приближающегося ненастья и говорят о сохранении существующей погоды.

Как месяц народился да водой обкатился (в ночь-то дождик был), так дождь будет долго, а как без дождя месяц народился, так ведрие будет долго.

Когда встанешь утром, поглядишь: против солнца туман, то уж дождь будет обязательно.

Утром была пасмурная погода, а к обеду прояснилось и на небе появились высокие кучевые облака — завтра будет солнечная хорошая погода.

Будет дождь, когда на высоте облаков ветер дует с севера или с северо-востока, а у земли — с юго-запада.

Ненастная погода окончится, когда дождь или снег идут с перерывами.

Ночной иней — ясный день.

Ветер слабый, к вечеру стихает — признак хорошей погоды.

Ранний сход снежного покрова — предпосылка к пыльной буре.

Тучи и облака идут быстро — к ведру.

Небольшое понижение температуры воздуха и начало роста атмосферного давления еще до окончания дождя — к улучшению погоды.

При заходе солнца небо затягивает с севера — к ведру.

Если закат чист, дождя не будет. Зашумела в море пена — ветру будет перемена.

Подснежник — растаявшая тайна зимы.

Началось сокодвижение у клена и у других деревьев — наступит теплая погода.

На лугах, на лесных полянах и среди кустов распустились золотисто-желтые колокольчики первоцвета — наступят первые теплые дни.

Много шишек на соснах и елях —

к доброму году: и рожь, и жито — все придет.

Время не придет — цветок не распустится.

Липку драть, мочало мочить — только в соковую пору.

Всякое семя знает свое время. Вовремя не вспахал — не дивись суренке.

На ранней пашне родится жито да пшеница, а на поздней — куколь да метлица.

Кто удобряет землю, тот получает добрую пшеницу.

Грачи стаями с криком вьются над гнездами: то сядут, то опять взволнуются — погода переменится.

Воробьи сидят нахохлившись, как бы в ожидании чего-то — скоро будет дождь, а возможно, и снег.

Рано петухи запоют — к перемене погоды.

Вороны да синички по поздне ходят — к дождю.

Лебеди покидают полынью и расходятся по прудам — к теплу.

Если ожидаются холода, кошка выбирает место повыше и потеплее, сворачивается клубком и, прикрыв мордочку лапами, подремывает.

Если собаки начинают кататься по снегу, надо готовиться к метелям и буранам.

В сухой год зайцев больше, в сырой — меньше.

Опоздаешь к земле на час, земля опоздает на год.

Святой боже пахать не поможет. Хочешь хвалиться успехами — не пашь с орехами.

Землю удобряй — будет урожай. Навоз на одежде — грязь, на поле — удобрение.

Сделай почву плодородней — земля будет доходней.

В землю не положишь — от земли не возьмешь.

Ранний сев приближает урожай. Рано посеешь — рано пожнешь.

В поле, как в хоре — запевала в почете.

Хочешь есть калачи, так не валяйся на печи.

Ранний вылет пчел — признак наступления ранней и теплой весны.

В тумане пчеле ходу нет.

1 апреля — грязные проруби, пролубницы, грязнопруд.

Окаемка тает — обнажается навоз, чернеют воды.

Если навоз на дорогах вытаскивает — к доброму году.

Не видно ночью звезд — жди теплой погоды.

Апрельское тепло ненадежливое. Апрель обманет — под май подведет.

Холсты белят, стелят красна (холстины) по заморозкам.

2 апреля — средний срок, когда

зацветает абрикос. Жердели зацветают еще раньше. Одновременно с ними цветут гиацинты, желтые нарциссы и лесные фиалки.

4 апреля — теплый день, с крыши капает.

С крыши свисают сосульки, с елок слетают чешуйки.

Апрель, апрель — на дворе звенит капель.

Апрель снегом морит — сугроб горит.

Шкура сходит со зверей, а снег — с полей.

Когда на сходе снега на почву ложится ланской тенетник (паутина), лягушки заквакают да от вернувшихся холодов замолкнут — будет поуха урожая.

5 апреля никогда не начинали сеять, потому что снег еще лежит.

До поры, до времени не сеют семени.

6 апреля. Коли ночь теплая, то весна будет дружная.

Если весна уже пришла, то еще много морозов будет впереди.

До первого грома лягушки не квакают.

Если за ночь волглая холстина или мокрое полотенце высохнут во дворе — год будет урожайным, если наполовину высохнут — к среднему урожаю, а если останутся мокрыми или замерзнут — будет мокрое лето, а также ранние инеи в конце лета, опасные для хлебов.

7 апреля. Зимобор, весна зиму поборола. Третья встреча весны.

Каков день, таков и конец месяца.

Если ветер, иней и туман — к урожайному году.

Если ветер холодный — будет ле-

то холодное, а если ветер теплый, южный, то и лето будет теплое.

Если снег на крышах есть, так будет он еще через месяц в поле.

Если небо безоблачно, солнце ярко — быть лету грозному.

Покров — не лето, а нынче — не зима.

Если дождь — сильна выйдет (родится) рожь, мокро — грибное лето, мороз — к урожаю яровых, огурцов, груздей; гроза — к теплому лету и урожаю орехов, ведро — к пожарам, ласточек нет — холодная весна.

Первый апрельский дождь воза золота стоит.

Три дождя в апреле да один в мае — тысячи дождей стоят.

Вода на лугу — сено в стогу.

Зажелтела мать-и-мачеха, зацвела ольха — к сморчкам.

Рост сморчков совпадает с началом цветения медуницы.

Если первые грибы вырастают на приюлке — к летним дождям, поселились в ложбинке — к суше.

Если лужи среди дворов — много белых грибов.

Если мороз — жди сорок утренников.

Хоть денек и розов — осталось сорок утренних морозов.

Ранние ласточки — к счастливому урожайному году.

Ласточка несет с собой тепло.

Черногуз прилетает, бурый медведь из берлоги встает, птиц на волю выпускает.

Журавли летят высоко — к ненастью.

Журавли — к воде, бабочки — к цветам.

На пролет журавлей хороший лов рыбы.

Журавль летит с моря — убавит нам горя.

Пока талый снег бока не промочит, медведь из берлоги не вскочит.

Лес звенит от птичьих хоров.

Выходят из нор барсуки и еноты, из трухлявых пней — ежи, из куч — лесные муравьи.

Санний праздник. До него на санях либо неделю не доедешь, либо переедешь.

Начало цветения осины — лучший срок посадки ранней свеклы и моркови.

Что в этот день, то и на Юрьев — ясно, сухо или ненастно.

8 апреля — зачерпни сапог, промочи подметки.

9 апреля. Настовицы, прилет настовиц — чибисов.

Чибис летит низко — к продолжительной сухой погоде.

Чибис прилетел — на хвосте воду принес.

Чибис кричит с вечера — к ясной погоде.

Овсянка прилетела и поет: «Синь слез, синь слез — покинь сани, возьми воз».

Как третья хвоя падет, так через две недели и река пойдет.

12 апреля — средний срок начала тяги вальдишневов.

Если тяга вдруг прекращается — жди скорого похолодания или снега.

13 апреля. Весенний снег уносит остатки зимнего.

14 апреля. Зажги снега, заиграй овражки, пролубницы, распусти огонь.

Лед ломается хрястно — ходить опасно.

Если лед (вода) сходит вдруг (быстро) — год будет легкий, хороший.

Начинается половодье. Полая вода и память о зиме уносит.

Если разлив, то воды будет много.

Большой разлив — к урожаю.

Вешней воды никто не уйдет. Вода идет в ясные ночи — к погожей уборке хлебов.

15 апреля. Начинается интенсивное токование глухарей.

Весенняя вода течет медленно — народу будет тяжело.

На реках лед тонет из-за маловодья, не уходит, остается глыбами на берегу, а на полях при таянии снегов зимняя дорога остается горбом — на тяжелый год, на неурожайное лето.

Когда вешний лед по озерам и затонам не тронется, а потонет, год будет тяжелым.

Коли лед не ушел, то лов рыбы будет плохим.

Не прошел лед — пуст перемет.

17 апреля. Окна настезь — теплу дорожку застий.

Растворь оконницу — юг веет, старое греет.

Апрель губы надул — тепляк подул.

Апрельские ветры благоприятны. Огородные сверчки начинают свои скачки.

20 апреля. Крепкий мороз и солнце — к урожаю хлебов и гречихи.

21 апреля. Сегодня встретятся удалые молодцы — красно солнце с месяцем.

Если встреча солнца с месяцем добрая — ясный день и хорошее лето, а если худая — ненастье и плохое лето.

23 апреля. Грязь, ни проехать, ни пройти.

24 апреля. Половод, водопол, водополье.

Воды распускаются, вода льет на поймы.

Если воды не вскрылись, то весна поздняя и лето плохим простоят. Первый выезд в поле.

Клада не ищи, а землю паши — и найдешь.

Кто ленив с сохой, тому весь год плохой.

Пора пахать, когда гром гремит, лес в листву одевается, жаворонок запел, а водяные лягушки квакать начинают.

Если ком земли не рассыпается, пахать рано — почва сырая, а если рассыпается, — время пахать.

Как день по продолжительности перевалил за 14 часов, так и пошла соха в поле гулять.

Если на дне оврага пятно снега осталось с корову — пахать можно.

Появляются крапивные всходы. Была бы водица, а зелень на родится.

Если вода разольется во второй раз и больше, чем в первый, — уродится поздний сев.

Не ссохлась бы земля да не осела, пахать надо сразу перед севом — тогда осенью зерно навстречь, как река станет течь.

Садятся на вспаханную землю и замечают: чувствуется холод — пахать рано, теплая земля — паши.

Днем ведро, утром мороз — яри (яровые) бодро ринутся в рост.

Вербя распутицу ведет, гонит с реки последний лед.

Морской окунь идет на крючок, когда ива цветет.

Распушилась ива — зиме нет ходу до крестьянского двора.

26 апреля. Шмели зашумели.

Переселение лисиц со старых в новые норы.

Ворон кунает детей и отпускает в отдел (в раздел).

28 апреля. Доставай пчел из-под спуда.

Мало убьили в пчелах при высадке из омшаника — к урожаю гречихи, много убьили — гречиха не родится.

Если овражки заиграют и опять замерзнут — жди помехи на урожай.

Ольха зацвела — сей гречиху.

Запылала серая ольха, распутила золотисто-зеленые барашки ива-бредина, запел жаворонок — пора выходить на пашню.

Сеют не раньше, чем оттают луга, да если не мерзнет на пашне нога.

Лягушка кричит — пора сеять.

Если лягушка заквакала — гроза уже была.

На ольхе много сережек — к урожаю овса, а много шишек — к урожаю ячменя.

Апрель с водой, май — с травой.

Апрель теплый, май холодный — год хлебободный.

Хлеб начинается при снеге, а кончается при зелени.

Апрельская вода на пользу — она понадобится растениям еще до летней сушки, когда с дождями заминка выйдет.

Ни холоднее марта, ни теплее мая не бывал апрель.

Синие облака в апреле — к теплу и дождю.

Мокрый апрель — хорошая пашня.

Не верь в апреле никакой погоде, не уйдешь в этом месяце и от снега.

Солнышко с апрельской горки в лето катится.

Если береза в апреле опускается раньше всех — жди сухого лета.

А если первым опускается клен (или ольха), жди мокрого лета.

Где в апреле река, там в июле лужица.

Ни отзимки, ни суровые утренники надолго весны не скрадывают.

Прилетел из-за моря кулик — весна в разгаре.

Солнце заходит в красную переливающуюся зарю — ожидается сильный ветер и, возможно, дождь.

Бледная луна дает дождь.

Ночной ветер днем воду делает.

Днем жарко, ночью прохладнее — к хорошей погоде.

В великий четверг (четверг перед пасхой) мороз, так и под кустом овес.

Если днем ясно, но к вечеру облака начинают сеуцаться и утолщаться, то следует ждать перемены погоды и дождя.

Облака ходко идут, быстро — к дождю.

Где вода, там верба, а где верба, там и вода.

Лес — хранитель вод. Сажай лес в поле — будет хлеба боле.

Защепнется дождь тихим голосом — поднимется рожь тучным колосом.

Как только лещина украсит свои ветки пушистыми нарядными сережками, земля больше не будет промерзать.

Хоть грязь топчи, а овес мечи.

Кажет овес: топчи меня в болото, то буду, как золото.

Дери лыко, пока дерется.

У того картошка не родится, кто пахать ленится.

Грачи играют — хорошая погода будет.

Если вода по улицам течет рано — сей рано, если средне — удастся средний сев, а коли поздно — сев поздний.

Хороший улов рыбы — к урожаю. Другие приметы противоречат этой.

Рыба ловится в изобилии — к голоду. Когда рыбно, то и голодно.

Щука хорошо хватает жерлицы, а потом перестает — наступит похолодание, ветер, снегопад. За сутки перед этим щука уходит в глубину реки, озера.

Хорошая погода сохранится, если замечено искажение правильной формы диска заходящего или восходящего солнца или луны.

Красная заря либо к дождю, либо к ветру; ветер когда подует — дождь будет, дождь заживет.

Если весной снег тает быстро, а вода бежит дружно — к мокрому лету.

Ранней весной боронить поле — будет в нем влаги земной боле.

БАЙКАЛ

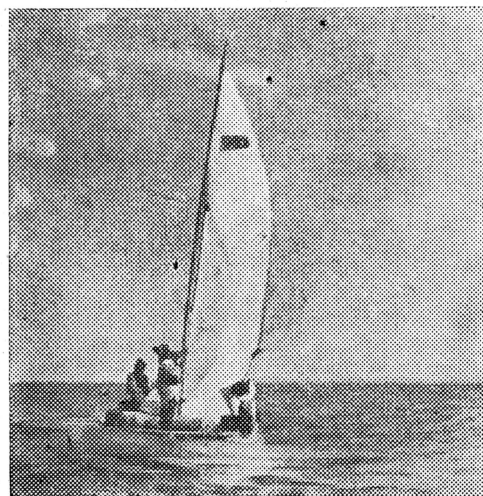
...Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутаным в цветной туман!

А. БЛОК

БАЛХАШ

Александр
МИХАЙЛОВ

Записки непрофессионального путешественника

Уральцы (в основном, это рабочие, техники, инженеры Белоярской атомной станции) сначала на буерах по Байкалу, а потом на катамаранах под парусом по Балхашу прошли нелегкие сотни километров... Но дело не в том, сколько пройдено, а в том, как это сделано.

В очерке «Байкал — Балхаш» рассказывается о путешествии, участники которого с гражданской любовью и болью смотрят на родную природу.

НА КОНЬКАХ ПО «СЛАВНОМУ МОРЮ»

Март 1983 года. Иркутский железнодорожный вокзал. Нас четверо. Однако снаряжения по весу — на десятерых. Мы решили пересечь Байкал вдоль, на буерах.

Наши буера — это оригинальной конструкции парусные яхты, посаженные на коньки. 50 километров в час — обычная скорость. Конечно, если в наличии попутный ветер и чистый ровный лед.

Мы не были первыми. Начало положили поклонники паруса из Братска. За три года до нас из Листвянки, поселка в истоке Ангары, Леонид Гершень, Валентин Титаренко и Валерий Волобуев устремились на север.

Ледовый Байкал принял вызов. И братчанам удалось пройти лишь до селения Онгурен. Остановил снег. Но не только снег. На 600-километровой дороге было много поломок. Разрушались мачты, лопались поперечные балки. Саночки, на которых перевозилось снаряжение, постоянно опрокидывались. Типовые спортивные машины для такого путешествия не годились принципиально. Нужно было что-то более надежное.

Вдобавок в проливе Ольхонские Ворота, разделяющем собственно материк и самый большой остров на «славном море», два буера провалились в пропарины. Что это такое? Вообще-то к весне толщина льда на Байкале более метра, но в местах, где со дна поднимаются термальные воды или газ, возникают весьма коварные локальные утоньшения. На скорости заметить их почти невозможно...

Затем были новые экспедиции. Москвичей, красноярцев и снова братчан. В 1981 году Леонид Гершень во главе своей команды дошел до бухты Солонцовой. Одометры зафиксировали великолепный результат: 1117 километров!

До победного финиша оставалось еще чуть-чуть, каких-то двести километров, однако снежные заносы и полный штиль и на этот раз остановили ребят.

Гершень не сдался. Трижды остановленный снегами, он решил выйти в путь как можно раньше. Сразу после ледостава. В расчете на чистый лед. Рискованнейшее предприятие! Вот что рассказывал мне участник того похода Леонид Шубин:

«...Подшли к мысу Кадильному, а там у самого берега даже вода не замерзла. К утру появился ледок, толщина — 2—3 сантиметра, и, представляешь, мы поехали. Буер соседа идет как бы в яме — так лед прогибался. Остативаться, конечно, нельзя — сразу бы провалились. А ждать тоже нельзя — время поджимало...

В Малом море торосы да снег. Ветра нет. В надежде на норд-вест двинулись пехом. Километр за километром. День за днем. От мыса Кобылья Голова — до Заворотного. И обратно... Выматывались ужасно...»

От себя добавлю: прошли так ребята без малого 400 километров. И не просто прошли — вели за собой почти стокилограммовые снаряды. Обидная неудача.

Мы тщательно проанализировали опыт всех наших предшественников. Затем как следует поломали головы. И сделали машины на редкость легкими и в то же время надежными.

Надо сказать, что в ту зиму Байкал особенно долго не позволял холодам заковать себя в панцирь. Громадные волны с гулом пробивались сквозь ледовое крошево и обрушивались на оголенные скалы, отчего те покрывались полупрозрачной броней. Но мороз был настойчив, и «славное море» исподволь покорялось и утихло, и тишина, воцарающаяся на безбрежном пространстве, делала Байкал еще более величественным, подавляющим, внушающим невольную робость.

Мы со своими железками и платочками парусов находились в самом южном углу Байкала. Неспешно расходилось тихое утро. Крупные снежинки-парашютики опускались настолько вертикально, что строители могли бы спокойно обходиться без отвесов. Распростертую перед нами белую долину в дальней дали окаймляли горные склоны. И от всего этого спокойствия все глубже проникало в душу беспокойство.

Из Слюдянки (поселка, откуда мы начинали маршрут) подошли два мужика в пышных ушанках. Чинно поздоровались. Посмотрели.

Действительно, признать в наших тетраэдрах из титана и стали что-либо пугное без парусов невозможно.

— Поставим мачты, подыдем паруса — и покатым по льду! — бодро сказал я.

— И далеко катить будете?

— Хотим до Нижнеангарска добраться.

Возникла пауза.

— Таких штук у нас еще не было... — наконец подал голос второй мужик.

А первый неожиданно добавил:

— Однако денька бы на два пораньше вам приехать... Снегу было бы гораздо меньше.

Разговор перешел в деловое русло. Мы узнали, что в Слюдянке в эту пору ветра бывают очень редко. Вот в Култуке — он километрах в пяти отсюда — намного чаще.

— Меж Слюдянкой и Култуком железнодорожный мост есть. Перейдешь его — ветер с ног валит, вернешься — опять тишина... А здесь вам без пользы торчать...

Снегопад стал еще плотнее, исчезли берега, небо окончательно слилось с поверхностью. Мужики скептически пожелали нам удачи и ушли, и тоскливая неопределенность тут же навалилась на нас. Медлить было нельзя.

Мы сфотографировались у пустых мачт и впряглись в постромки. До Нижнеангарска было 700 километров. Хрустел «свежак» под ногами. Снег прекратился лишь на следующий день. Утирая пот и пряча глаза за стеклами светофильтров, мы двигались туда, где начинается Ангара, где должны были быть ветра. Наши щеки превращались в какое-то подобие печеной картошки. Солнце раскаленное сияло, и вся огромная снежная равнина была похожа на пляж. Только вот купальный сезон почему-то задерживался.

На юге могуче выпирал Хамар-Дабан, и вспоминалась разудалая песня юности: «...Прощай, Европа, я удрал в далекую страну Хамар-Дабан!» Как раз у подножья этого хребта порождал одно нескончаемое ядовито-грязное облако Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. До кошунства инородная картина.

На севере скромно возвышался Приморский хребет. В бинокль было отчетливо видно старую Кругобайкальскую железную дорогу, ее мосты и тоннели.

Лишь на востоке поверхность озера незаметно переходила в белесое небо, и вот туда мы и шли.

Первая стантовая щель пересекла наш путь на вторые сутки. Мы внимательно осмотрели препятствие. Из-за перепада температур образовалась трещина, которая в оттепель сомкнулась и нагромодила внушительный ледовый вал. Будь сильный мороз — пришлось бы наводить мост через разводье, а ширина его может достигать пяти и более метров. Так что нам весьма повезло. Вдобавок как-то быстро нашли проход, обработали ледорубами и легко переправились.

Поднялась поэмка. Это наконец-то «заработал» Култук. Надулись паруса, и буера тронулись самостоятельно. Но ветер все-таки был слабват. Вскочишь на снаряд — он останавливается. Поэтому приходилось во всю прыть бежать перед машиной. Да радоваться: хоть тащить-то ничего не надо. Неудобство лишь в том, что буер норовит то и дело тебя обогнать. И здесь уж только успевай отскакивать в сторону.

По ночам холодало, и лед, трескаясь, грохотал канонадно. Поначалу мы пугались, но быстро привыкли...

Хороший, крепкий ветер задул на шестой день, когда мы, обалдевшие от тяжелой работы в снегах, вошли наконец в Лиственничный залив, откуда сквозь щель в Приморском хребте воды Байкала прорываются к Ледовитому океану. Мгновенно паруса туго натянулись, подхватили суденышки и вынесли их на берег Листвянки.

Первый визит был запланирован еще в Свердловске: в Лимнологический институт. В приемной бросилась в гла-

за искусная модель глубоководного аппарата «Пайсис-11», на котором 10 августа 1977 года экипаж гидронавтов в составе А. Подражанского, А. Сагалевица и Н. Резинкова достиг дна озера на глубине 1420 метров.

Со своими обожженными физиономиями и в походном обмундировании мы выглядели, наверное, весьма живописно. Однако ученый секретарь института Г. В. Матяшенко любезно открыл для нас знаменитый музей и столь же любезно ответил на все наши вопросы.

Лимнология — это озероведение. Проблем сегодня здесь великое множество. И одна сложнее другой. На Байкале многие из них тупиково упираются все в тот же Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат.

Еще в 1965 году наш выдающийся писатель Л. М. Леонов с болью и гневом писал: «...под благовидным предлогом и, главное, на крупные казенные деньги замышляется злодейство над Байкалом...» Но тогда голос истинного сына Отечества не был услышан. Влиятельные казенные чиновники от него попросту отмахнулись. Зато по экранам триумфально прошествовал фильм, где инженер безо всякой опаски пил из стакана отраву. Ему восторженно аплодировали. Сегодня пришел черед за те аплодисменты расплачиваться. Да как расплачиваться!

19 февраля 1986 года в «Литературной газете» академик А. А. Трофимук, председатель научного совета по проблемам Байкала, сообщил:

«...оценка экологического ущерба только от БЦБК, исходя из принятых тарифов на воду, составляет 50 миллионов рублей в сутки, в то время как продукция этого предприятия оценивается в 112 миллионов рублей в год, то есть ущерб больше чем в 100 раз превышает стоимость продукции комбината. Причем комбината, который до сих пор не произвел ни одного килограмма той самой кордной целлюлозы класса «супер-супер», ради которой и был построен...»

Словом, не предприятие, а один убыток...»

Тогда мы понятия не имели об этих данных. Но честно скажу: они ощущались. Даже само существование комбината на Байкале показалось нам противоестественным. И ученый секретарь института не пытался убедить нас в обратном.

Мы искренне поблагодарили Г. В. Матяшенко за рассказ и показ. Хотя от ложки дегтя все же не удержались: институтский музей располагался лишь в двух небольших комнатках. Тесновато прежде всего для богатейшей экспозиции. Да и посетителям особо не развернуться. В ответ ученый секретарь только развел руками.

В Листвянке же к нам подошел Леонид Шубин, чей рассказ о последней экспедиции братчан я привел в начале своих записок. Он придиричиво оглядел наши буера. И заявил: это лучшие машины, которые видел Байкал. Конструктор Валерий Язов был нескрываемо польщен.

— Есть ли у нас шанс добраться на них до Нижнеангарска?

Шубин не раздумывал:

— Есть.

Только здесь к нам пришла уверенность.

Парни отправились на обед в поселковую столовую, а я остался приглядывать за парусниками. Паруса над байкальским льдом смотрелись на редкость красиво. Вокруг начиналась весна.

Но до езды по лужам было еще далеко, и настроение у меня было самое расчудесное. Изредка жизнь дарит такие минуты.

Забот хватало. Мы уже отставали от графика. Привалы сокращались до минимума, но догнать время — задача не из простых. Андрей считывал показания одометра и лишь сокрушенно качал головой. Мы старались его ни о чем не спрашивать.

Но однажды Андрей изменил себе и изумил нас. Ока-

залось, что в этом технаре и закоренелом прагматике живет поэт. Было так.

Прямо по курсу на фоне гор — яркое желтое пятно. Это жемчужина Байкала — бухта Песчаная. Миновать ее — значит, взять грех на душу. Но все подступы к ней накрепко забил взерошенный лед. Мы приготовились к трудному броску. И тут Андрей поднял руку. Мы ожидали традиционных напутственных слов. Может быть, даже подкрепленных какими-нибудь убедительными цифрами. Не зря же он раскрыл свою замусоленную общую тетрадку...

Бухта солнечным светом согрета
И песчаным засыпана цветом...
Я смотрю, не мираж ли это:
Среди льда вдруг теплое лето!
Мне рукой прикоснуться хочется
К замку слева и к замку справа.
Выйдут рыцари к нам озабоченные,
Дружелюбно подняв забрала...—

прочел вдруг Андрей каким-то не своим голосом нараспев. И это было настолько неожиданно, что мы не сумели отыскать даже дежурного комплимента.

Но, видно, «что бог ни делает — все к лучшему». Ибо на берегу никакие рыцари к нам, измочаленным, не вышли. Замок же был только один. На самом красивом и видном месте бригада плотников возводила длиннющий барак. Надо полагать, в дар любителям природы.

Жемчужина обесценивалась на наших глазах. Точно было глядеть на этот архитектурный бред и больно было понимать свою беспомощность. Забыв об усталости, мы снова дружно впряглись в постромки и ушли в соседнюю бухту... Еще живую...

К Ольхонским Воротам неслись наконец-то под полными парусами. Гигантские ледовые поля сверкали всеми цветами радуги. Но идеальная на вид поверхность льда таила немало ловушек. На полном ходу конек попадал в попутную щель и начинал со скрежетом выгибаться. Буер моментально разворачивало по оси. Далеко не всегда удавалось удержаться в «седле». От напряжения болели глаза и затекали руки, от работы со шкотами мерзли пальцы.

Так влетели мы в Малое море. И здесь нас тут же обдала своим холодным дыханием легендарная сарма. Горный ветер в тот день не работал даже в полсилы, однако быстрехонько заставил положить мачты, чтобы сохранить паруса.

Сарма — это, наверное, самый неприятный из всех существующих ветров. Ничем вроде бы не примечательную долину одноименной реки можно сравнить с огромной пушкой, жерло которой почему-то всегда направлено прямо в лицо. «Выстрел» настолько могуч и яростен, что скот, застигнутый врасплох, летит с берегов в озеро. Нередко бьют и трагические случаи.

Однако не только сарма выделяет эти места. Именно здесь русский человек познакомился с Байкалом. В 1643 году иркутский воевода послал к великому озеру «для проведывания и распознавания» казачьего пятидесятника Курбата Иванова и с ним 75 промышленных людей и казаков. Отряд благополучно достиг Ольхона и вернулся обратно. Затем уже началось освоение. И сегодня не мешало бы хоть памятником малым увековечить память о первопроходцах.

Через двое суток на траверзе селения Онгурен нас осталось двое: Язов и я. Виктор Самарцев и Андрей Иванов вынуждены были сойти с дистанции. Отсюда они отпавлялись в Иркутск.

Конечно, расставание — не встреча, но рисковать они не могли. Дома ждала работа. Виктор, начальник цеха, отец уже взрослых детей, был как-то особенно расстроен.

Впрочем, Андрей тоже не скрывал огорчения. Стихов он больше не написал. А мы даже за написанное не воздали ему должное. Хотя память сохранила до сегодняшнего дня все слова. Шедшие от самого сердца.

Мы попросались. На душе было пасмурно. Казалось, что впереди наиболее трудные испытания.

Язов испытующе взглянул на меня.

— Ну, что приуныл?

Я через силу улыбнулся.

Путь лег на мыс Заворотный. Это была крайняя северная точка, до которой уже добрались на ледовых яхтах. Дорога выдалась мучительной. Ветер не позволял поднять паруса.

Но мы не сдавались. На мачте у меня был поднят спальный мешок, а у Валерия — стаксель площадью в полтора квадратных метра.

Особенно сильные, шквальные порывы мы переживали, оперевшись кошками в лед и удерживая буера.

Дошли к исходу второго дня. Заворотный встретил нас приветливо. На базе геологов выделили отдельную комнатку. Мы тут же превратили ее в ремонтно-пошивочную мастерскую.

Наутро санно-тракторный поезд доставил из села Байкальского на мыс большие черные лодки для охоты на нерлу. Трактористы обрадовали: снег лежит только в Бургундской губе. Да и там его не так уж и много.

Остаточными силами ветер погнал буера по ледовому простору, и лед перед нами то отдавал небесной голубиной, то угрожающе чернел, то был зеркалом, то становился щеткой.

Здесь, на севере, мы видели самый красивый Байкал. И самый прозрачный лед. В нем отражался весь Байкальский хребет, вдоль которого мы теперь двигались.

Уже начался апрель. На мысе Котельниковский, в 90 километрах от финиша, мы в последний раз устроили дневку. Отдых был просто необходим, а тут рядом с термальным источником строился пансионат и стояла скромная изба. Сторож Александр Степанович Непомнящих оказался гостеприимным и радушным хозяином.

К столу был подан даже прославленный байкальский омуль «с душком». Пожалуй, вкуснее этого я никогда ничего не едал. Мы обсосали каждую косточку. Затем с неостывающим удовольствием попили чаю. И под гул железной пещеры завязался обоюдодушевный разговор. Конечно же, о Байкале. Ни о чем больше Александр Степанович разговаривать не хотел. Ибо свою жизнь в отрыве от озера не представлял. Да не нам бы его послушать.

— Даже рыба мельчает, — говорил Александр Степанович, — а зверь вообще ушел за хребет. Хотя недавно еще я соболя промышлял прямо на берегу. Ученые все ракушки собирают: что там, внутри? Но сначала надо бы поглядеть: что тут, наружи?! Ведь ясней ясного: грязнеет Байкал! И не просто Байкал — священный Байкал!! Виданное ли дело, вода в море цветет!

— Но кто ж больше всех виноват во всем этом? — простодушно спросил Язов.

— Никак думаешь, что назову: начальник такой-то да начальник такой-то? — возрился на него Александр Степанович. — Ущучить бы их вместе или по отдельности, и сразу благодать снизойдет?! Ан нет! Потому как виноват каждый из нас! И каждый из нас рано или поздно будет держать ответ за Байкал перед своей совестью!

Вот вам и сторож!

Каких-то 90 километров до Нижнеангарска мы одолевали целых три дня. Из-за безветрия все время держались ледовой автострады. Вдоль нее на случай непогоды почти впритык были вморожены срубленные молоденькие деревца. Это зимние ориентиры. Утвердится весна — они будут выброшены на берег или затонут. По многим причинам цветет вода. Так и резали глаз брошенные на лед

во множестве промасленные тряпки, доски, металл. Дескать, море любую каплю проглотит и не заметит. Оно вон какое большое. На всех хватит... Что ж, замечательно туг сказал Л. М. Леонов: не дойдет до сердца — не дойдет до ума!

Только вот что и как нужно сделать, чтобы наконец-то дошло до сердца?

В Малом море мы единственный раз встретили рыб-инспекторов. Их расхристанный «Москвич» гнался за перегруженным омулем и хариусом браконьерским «Уралом», но два уносящих ноги сибиряка действовали куда более лихо. Это было кино — вестерн по-байкальски. А в нем неудачливый шериф может рассчитывать лишь на случайность. Неотвратимость закона не окружила озеро. «Бормошатники» (специалисты по добычливой рыбалке) вольготничали и процветали. Хорошая рыбка нынче повсюду в цене. Но сколько же при таком порядке она будет стоить завтра?

На наш взгляд, Байкал — это неиссякаемый животворный источник. Способный безвозмездно даровать здоровье телу и духу. Но лишь при условии беспопустительного разумного природопользования. И никаких исключений здесь быть не должно. Ни для чего и ни для кого.

Бесценное сокровище потому и бесценно, что от него не отрывают кусочки на потребу или продажу. В своей истории человек уже не раз видел, как верный выигрыш оборачивался в сокрушительный проигрыш. Это ведь только для оправдания и успокоения говорят: мол, на ошибках учатся. Но сначала-то за них нужно расплачиваться.

Байкал может оказаться не по карману.

Из Нижнеангарска мы улетали. На развороченном берегу во всю мощь грохотала могучая техника. Спешили по неотложным делам большегрузные самосвалы. И высоко над озером стояло солнце. День был по-весеннему пригож. Он обещал миру вечность.

Да, мы победили. Но победа доставила не только гордую радость. Я чувствовал, что прочитал и постиг некую умную, светлую и пронзительную книгу.

И я должен был ее прочитать и постичь.

БАЛХАШСКАЯ КАЧКА

Сентябрь 1985 года. Железнодорожная станция Лепсы. Из байкальской команды те же двое: Валерий Язов и я. Остальные — новички, и предстоит еще «притереться» друг к другу. Что мы знаем о Балхаше?

Энциклопедический словарь: «...бессточное озеро на юго-востоке Казахской ССР. Площадь около 17—19 тысяч квадратных километров. Глубина до 26—27 метров. В западной части вода пресная, в восточной — солоноватая...»

Академик Л. С. Берг в 1903 году: «...пресное озеро без стока в стране с сухим континентальным климатом есть географический парадокс».

Удивительно мало написано об этом «парадоксальном» озере. Сведения пришлось собирать чуть ли не по крупицам. Да, это не Байкал. Но тем интересней обещал стать маршрут.

Просвещенный человек появился на балхашских берегах лишь в середине прошлого века. Правда, это был знаменитый натуралист Александр Шренк. Он сделал описание, по сути, девственного природного мира. В те годы тут преспокойно водились тигры.

Чуть позже географ Нифантьев составил первые карты Балхаша. И снова все замерло. На целые десятилетия. До нынешнего века пустынное море практически не знало людей. Оно жило только своей жизнью. Так и оставшейся неизученной и непонятой. О Лимнологическом институте

здесь можно мечтать. Хотя нужда в нем как никогда насущна и велика. Уникальная экосистема таит много загадок. Пожалуй, шансов на то, что их разгадают, куда меньше. Ибо по нынешний день никто всерьез этим не занимается. Ведь в противном случае не должны были произойти некоторые необратимые изменения... Но не буду забегать вперед.

Итак, железнодорожная станция Лепсы. Утро после бессонной ночи и ошеломляющей жуткой вести: на Балхаше холера! Озеро закрыто для всех! Спешите подброду поздорову унести ноги! На редкость мажорное начало. Ведь мы еще не успели стартовать. Даже здешнюю воду не ощутили. А уже финиш. Насмарку нескончаемые зимние приготовления. Впору тоскливо поднимать руки перед судьбой. Тонна с трудом доставленного и теперь бесполезного снаряжения громоздилась под окнами. Наш доктор Михаил Каликин сумрачно-обреченно оглядывал свою тщательно подобранную аптечку. Было ясно, что холера застала его врасплох. Он чувствовал себя виноватым. Да и все остальные здорово приуныли. Лишь Язов не пал духом.

— Может, это еще не холера...

— А что?! — разом вскинулась вся команда.

— Чума, — флегматично ответил Валерий.

И мы дружно рассмеялись.

Бывает так. Пара вовремя сказанных слов может ментально и диаметрально изменить обстановку. Особенно — паническую. Иногда лишнюю даже здравую голову способности здраво соображать.

Рассвет прояснил обстановку. Оказалось, что закрыто не четвертое по величине озеро страны, а лепсинский пляж. За антисанитарию.

Мы успокоенно вышли на берег. Над мысом Кара-Шаганом свистал северо-восток. Длинные синие волны набегали на мелководье и с шумом обращались в пену. Балхаш волновался. Небо было красноватым из-за поднятой в воздух пыли. Нам сказали, что это длится уже вторую неделю.

Отчетливо видно: Балхаш мелеет. И не просто мелеет, а мелеет катастрофически. Обширные террасы, белые от высохшей соли, красноречиво показывают не бог весть какой давний уровень.

Пробуем воду: годится ли для питья? Вроде бы все нормально. Но через минуту во рту возникает едкая горечь, и мы еле успеваем отплеиваться.

В глубине зарастающей тростником бухты выделяются свежей краской небольшие баркасы. Бригада рыбаков готовится к лову. Она приехала на Балхаш с Арала.

— Выходит, там ловить уже нечего?

— Не стало моря, — обыденно проговорил бригадир. От этой обыденности я даже опешил.

— А что же теперь?

— Ничего. Соль. Вместо Аральского моря — еще одно озеро Баскунчак. Только не имеющее никакой практической ценности! — И бригадир зло отвернулся. Разговаривать он не хотел.

Но я все же не удержался и задал глупый вопрос:

— Так вы сюда навсегда?

Он полоснул меня косым взглядом.

— Не думаю.

Тогда я не понял его ответ.

Я почему-то решил, что он надеется на возрождение Аральского моря.

Парни уже работали. Под укрытием одной из скал они распаковали необходимые ящики, узлы и пакеты. Разобрались с маркировкой.

Из множества дюралюминиевых труб и трубочек Михаил Каликин и Владимир Пышкин собирали катамаран «Дебют», а Валерий Язов и Владимир Пакулин — катамаран «Урал».

На этих надувных суденышках под парусами нам предстояло пройти по Балхашу почти 600 километров.

Штурман и завхоз экспедиции Владимир Новак нервно хлопотал в отдалении у примусов. Малейшее неосторожное движение — и в котле тут же оказывалось полным полно мельчайшего песка. Вообще-то надо сказать, что нам пришлось привыкнуть к хрустящей пище. Винить за это повара на Балхаше бессмысленно.

Радист Виктор Волгин возился со своей аппаратурой.

Я принял на себя «общее руководство».

Под вечер мы спустили наши корабли на воду. Поставили паруса. И стали пересекать Кара-Шаганский залив. Это было 9 сентября. Уверен, что дату запомнил каждый из нас.

На ночег причалили неудачно. Вместо того чтобы пришвартоваться к хорошему крутому берегу, выбросились на мель с внешней стороны бухты. От поземки тотчас захрустел песок на зубах. Под ногами зашмыгали ящерицы. Типичная песчаная пустыня. Скучная незнакомая растительность. Барханы.

Однако хозяин рыбоприемного пункта немолодой осетин Ибрагим встретил нас с чисто кавказским радушием. Захлопотали женщины. Мы развесили на просушку одежду. Солнце исчезло. В доме зажгли керосиновую лампу. Оказалось, что генератор сломался.

Нас пригласили к столу. Разварная картошка и рыба. Великолепный балхашский сазан. Ибрагим даже не угощает, а потчует. В оконцах — сухая звездная ночь.

Годовой план Ибрагим уже выполнил. За судьбу Балхаша он тоже спокоен. Да, мелеет. Потом снова наполнится. Так всегда было. Ничего страшного. Безответственные люди воду мутят. Разные страхи печатают. Народ понапрасну смущают. Нужно их к строгому порядку призвать. А озеро было и будет. На наш век хватит.

Я спросил:

— И детям останется?

— Останется, — уверенно сказал Ибрагим. — Рыба в Балхаше есть. Правда, попадает в последние годы поменьше. Нерестилища сазана и маринки пересохли. Но это — явление временное. Уже скоро все опять по-старому станет. Тогда только успевай принимать!

Наутро Язов и Пышкин отремонтировали генератор. Увидев зажегшийся свет, Ибрагим расчувствовалась и торжественно вручил нам две пары еще крепких болотных сапог. Это был царский подарок. Мы от души поблагодарили.

Между тем Волгин впервые связался с домом. Поразительно, но нас услышали. Мы сообщили, что прошли уже 13 километров. Наш корреспондент в далеком Заречном Юрий Логинов пожелал нам пройти хотя бы еще столько же. Мы не обиделись.

На прощание поразил Ибрагим. Он преподнес нам не что-нибудь — рекомендательное письмо. Учтивое и приказное одновременно. К директору своего рыбозавода. Чтобы тот оказал нам всемерную помощь. Но это было уже лишним. Мы не хотели еще раз выслушивать сегования на то, что «безответственные люди воду мутят».

Снова попутный ветер уперся в паруса. Мы шли весь день. Но прошли значительно меньше, чем планировали. Нежданно-негаданно задержались на мелях. Их в изобилии образует устье реки Каратала. Вся поверхность озера здесь цвета кофе без молока. Будто Амазонка или Конго впадает в Балхаш. Едва ли не тонны песка и глины медленно оседают на дно. Никакого хода катамаранам нет. Мы маневрировали больше часа. И вынуждены были прекратить бесплодные попытки отыскать устраивающий нас путь. Оставалось только одно — проложить его. Скажу, что занятие не из приятных. Лишь неотложная нужда заставляет им заниматься.

Без сил выбрались мы из этой грязи. И долго лежали

пластом. Бездумно смотрели на небо, на воду, на берега. Горизонт был пустынным и каким-то безучастным. Нас несли паруса. И в конце концов принесли к острову Алгазы. Сквозь вечернее сияние солнца поселок представлял миражом. Он должен был вот-вот исчезнуть, но не исчезал, а становился все отчетливее, реальнее и заброшеннее. Покинутые дома зияли пустыми глазами. Развороченные крыши топорщились. Кое-где остаточко стояли одни остовы. Среди них ветер гонял песок. Мрачная картина. Потом нам сказали, что раньше тут пыхтел маленький рыбозавод.

Сейчас на острове только метеостанция. Шестеро метеорологов — ребята примерно нашего возраста. И естественно, что семерку отважных путешественников они встретили по-братски. Обогрели и накормили. Но спать сразу не уложили. Встреча оказалась одинаково интересной для нас и для них. Было выпито много чая и спето много песен. От всего этого дневную усталость будто рукой сняло. Допоздна сидели на крыльце. Вдоволь разговоры поразговаривали. Затем просто помолчали. Прямо над нами горели необыкновенно крупные звезды. Их непонятная близость не успокаивала взбудораженный мозг. Хотелось прочно разложить по полочкам все услышанное. Чтобы черное стало черным. Чтобы белое стало белым. Чтобы у меня утвердилось мое отношение к происходящему на озере.

Напрасно наш друг Ибрагим считает, что «скоро все опять по-старому станет». Уже не станет. Подъема рыбного дела на Балхаше ожидать не приходится. По крайней мере — в обозримом будущем. Хуже того. Уловы здесь год от года будут неудержимо падать. Бригадир аральских рыбаков прав. Завтра или послезавтра они снова соберутся в дорогу. Так очутятся на Байкале или на Каспии. Начнут ловить омуля или белорыбицу. И причиной тому является не только обмеление, хотя оно, конечно, играет важнейшую роль.

Еще 20 лет назад энциклопедический словарь горделиво сообщал о том, что здесь разведены ценные породы рыб. Сазан и аральский осетр. На этом ставилась точка. Непосвященный взор возводил ее в абсолют. Однако в действительности все обстояло куда сложнее.

В начале века в Балхаше обитали маринка и пятнистый чебак. Изредка попадались окунь Шренка и губач Штрауха. Вот и все. Этот вековечный устой нарушил сазан. Надо подчеркнуть, что нарушил совершенно случайно. В 1905 году в Верном (прежнее название Алма-Аты) у мельника Богданова паводок сокрушил плотину нагульного пруда. По рекам Большая Алмаатинка и Или рыба скатилась в озеро. И прекрасно в нем акклиматизировалась.

Пример потряс и вдохновил ученых мужей. Это была нива для произрастания многих блестящих научных карьер. Человек творчески преобразовывал природу. Между 1930 и 1940 годами он уже принудительно вселил в Балхаш аральского шипа, восточного леща и сиговых рыб. Между 1950 и 1960 годами — судака, сома и жереха. Между 1960 и 1970 годами — белого амура и волбу.

Заодно в озере вдруг оказалось немало не предусмотренных никакими научными планами серебристого караса и линя, а также дальневосточных жителей — чебачка, бычка, лжескаря и головешки-ротана. Какой-то поклонник пива принялся за разведение раков. Не хватало разве лишь бельдюги да хека.

Сегодня можно со всей определенностью заявить, что все ценные породы рыб плохо прижились в озере. И даже вовсе не прижились. Конечно, за исключением сазана. Еще не так давно на долю Балхаша приходилось 40 процентов его мирового улова. Не сразу укладываемая в сознание грандиозная цифра. Но это уже безвозвратное прошлое.

Настоящее породил человек. Вполне конкретный.

Имеющий имя и отчество. Может быть, до сих пор благополучно пребывающий в науке, и не только в науке.

Что мы получили от него? Без малого полтора десятка лет назад алма-атинский журнал «Простор» напечатал статью журналиста А. Самойленко «И снова северный берег». Вот всего лишь одна выдержка:

«...Биологический режим озера, кажется, безвозвратно нарушен. Изменения в ихтиофауне приведут в ужас любого здравомыслящего человека. Не выдержат никакой критики методы хозяйствования добытчиков. Столь же безразвратно будет выглядеть и роль ихтиологов, которые безжалостно препарировали Балхаш и привели механизм озера к сегодняшнему дню. Механизм стройный, цельный — в образе беспорядочности, хаоса...»

Четче не скажешь. Все так. Положение только ухудшилось. Потому что улучшиться оно уже никак не могло. Амбициозность, неразумие, корыстность превратили великое озеро в потешный аквариум.

Осознает ли вчерашний преобразователь хотя бы масштаб совершенного им преступления?

Впрочем, Балхаш от этого не восприняет.

Ах, лобезный Ибрагим, не переключиться ли тебе уже сейчас на овечек? А то ведь ненароком наступит черед оприходывать и солить вместо сазана килограммы лжепескаря и головешки. Несерьезное это занятие для серьезного мужчины.

Безответственные люди воду уже взмутили.

Как разгрести эту муть?!

Сегодняшний рыбный Балхаш даже не в тупике — в западне. Куда ни кинь — везде клин. Это ведь из тарелки, кастрюли, ведра можно все-таки вычерпнуть наносный сор. Уцелевшие нерестилища «работают» вхолостую. Молодь перекочевывает в утробы расплодившихся хищников. В конечном итоге в озере останутся только они. Свидетельствую, что за весь маршрут мы не поймали ни одной маринки, ни одного пятнистого чебака, ни одного окуня, ни одного губача. О сигах и аральском осетре-шипце даже слыхом не слыхивали. Больше всего попадалось судака и сома.

Замечательный писатель и гражданин С. Т. Аксаков еще сто лет назад назвал человека «заклятым и торжествующим изменителем лица природы». Может быть, в целом это верно. Да только вот торжеств что-то излишне много.

На следующий день ветер стал куда крепче. Но для алгазических метеорологов это было не в диковинку. Парни рассказывали, что 1 августа шторм «аж камешки подбрасывал». Я с почтением посмотрел на согнутую в букву «г» толстую антенну.

Балхаш кипел. Скорость катамаранов моментально возросла до 10 километров в час. Казалось, дунь ветер чуть посылнее — и посудины задерут корму и опрокинутся через нос.

Мы останавливаемся на острове Убежище. Точнее, на полуострове Убежище. Карта успела устареть.

И Убежище не является убежищем от современной цивилизации. Повсюду когритца. Полным-полно тряпок, стекла и металла. До боли знакомая по Байкалу картина. Из-за этого даже знатная рыбалка не в радость. Лишь Волгин и Пышкин таскают рыбу за рыбой. Все тешатся надеждой заполучить великана. Однако солидная рыба — умная рыба.

Творящий уху Новак с чертыханием откидывает невесть как затесавшегося в благородную компанию лжепескаря.

Откуда-то из глубины Каликин почти восторженно кричит:

— Когда-нибудь здесь поломают головы археологи!

Язов опять раздражается привычными словами о «туристах». Мы с ним никак не привыкнем к необъяснимому

варварству. Где бы это ни происходило. На родном Урале, на Байкале или на Балхаше.

Экспедиционный эколог Владимир Пакулин 5 лет проработал в Бадхызском заповеднике.

— Володя, неужели там происходило то же самое?

— Хуже, — однозначно роняет он.

Узнавать подробности почему-то нет никакого желания.

Быстро обедаем. Под вечер входим уже в пролив Узун-Арал. В просторечии — Узкость.

Впрочем, не такая уж это «узкость». Поглядите на карту. Ширина составляет 4 с половиной километра. Пролив соединяет две части озера.

Мы бросаем якоря. Почти полный штиль. Но встречное течение довольно сильное. Это возвращается назад выгнанная северо-восточными ветрами вода. В ближней дали зажигает огни поселок Ортодересни. Однако единодушно решаем заночевать на наших суденышках.

Будит меня резкий толчок. Свежий ветер надул паруса и поволок катамаран. Новак суматошно мечется по палубе. Нужно разбираться снасти. Прохладно, сыро и серо. 6 утра. На «Дебюте» такой же аврал. Якорный канат кажется неподъемным. Пролив Узкость показывает весьма свербный характер. Пенные волны приплясывают вокруг. Спросонья подташнивает. Горяченького чаечку бы хоть глоточек-другой для немедленного оживляжа и последующей бодрости. Но это пока мечта.

Наконец-то плывем. Исподволь разгорается солнце. Становится даже жарко. Вожделенный чай отдает нестерпимой горечью. Новак за рулем. На манжетах грязно-белого комбинезона — полустертые цифры азимутов и склонений. Задубелая просоленная физиономия. Зоркий взгляд. Заправский морской волк. Именно таких описывали Стивенсон, Мелвилл, Лондон, Конрад, Грин.

Шлепаю босыми ногами по осклизлой фанере и выбираюсь на носовую сетку. Крепко хватаюсь за штаг. По-прежнему подташнивает. В такт килевой качке постукивает под палубой шверт. Побережный вид тоже не веселит. Какие-то сиротливые казахские кибитки, лошади, овцы. Деревце — редкость.

Неподалеку от нас низко парит пара крупных несущих птиц.

— Пеликаны, — сообщает Пакулин.

Я швыряю им завалывшуюся на палубе головешку. Но славная рыбина почему-то не вызывает у них инте-

реса. Они постепенно отдаляются. Затем видно, как одна из птиц вдруг почти отвесно пикирует и что-то выхватывает из воды.

Скоро сутки, как мы не выходим на берег. Баллоны на катамаране нещадно спускают. То и дело приходится их подкачивать. Наш кораблик нуждается в лечении и отдыхе.

По всем расчетам, за бортом должна быть уже пресная вода. Пакулин зачерпывает полную кружку. Подносит к губам.

— Вроде бы ничего...— И тотчас выплевывает: — Какая все-таки гадость!

Мы просто устали.

Но худо-бедно пролив Узун-Арал уже одолели, и теперь в глубине Бертысской бухты нас ждет город Балхаш.

Это рукотворное чудо. Поистине оазис. Все утопает в зелени. Плодоносит сладкий виноград. Вкусные сочные помидоры. Таких я не едал даже в детстве.

Паримся, моемся, бреемся. Облачаемся в парадные одежды. И легким шагом по твердому асфальту направляемся в горком комсомола.

Оркестр у входа отсутствовал. Хотя громкогласная слава о мужественных покорителях летела впереди наших парусников. Но мы наносили визит в пешем строю, а не на катамаранах. Обижаться было не на что. Нас внимательно выслушали. Организовали экскурсии на горно-металлургический комбинат и в краеведческий музей. Сопроводили в Казахский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства. На прощание наградили большой откровенной беседой.

Люди уезжают отсюда. Этот отток растет. Не удерживает высокий заработок. Не удерживает взлелеянный сад. Не удерживает пережитое. Не удерживает перспектива. Дефицит рабочих рук ощущается уже болезненно. Естественно, прежде всего страдает тут комбинат. Ведь 100-тысячный город существует из-за него и ради него.

Комбинат производит медь. И не просто медь, а лучшую в мире медь. Являющуюся эталоном на Лондонской бирже металлов. Мы видели процесс ее сотворения. В специальных ваннах выныривали из воды с пузырьками воздуха сверкающие точечные частицы. Они проходили необходимые технологические стадии и становились массивными розоватыми листами.

На этих листах словно запечатывается так знакомый нам зоревой отсвет песчаного моря.

Балхаш, комбинат, люди... В малогодной для жизни пустыне все это составляет неотрывное целое. Но вот совсем юный лаборант или практикант снисходительно объясняет: Балхаш солонее, а «для производства меди требуется вода определенного соленосодержания». Предельная норма — 1,6 грамма солей на литр. Каждая дополнительная 0,1 грамма — это потеря тысячи тонн продукции. 2 грамма — это гибель всех садов и огородов. На сегодня положение почти критическое. Комбинат лихорадит. Все психуют. Ученые лаютя.

— В чем же выход? — спрашивает Язов.

Отрок отвечает безапелляционно:

— Отсежь соленый аппендицит! Перегородить Узкость!

— Кара-Богаз-Гол на Каспии мы уже отсекли, — говорю я. — Теперь локти кусаем!

Отрок смотрит непонимающе.

Действительно, количество солей в озерной воде стремительно увеличивается. Это ставит под удар комбинат и город. Уже существует несколько проектов спасения. Один из них — отсечение восточной части от западной 20-километровой дамбой. У него есть и облеченные правом решать сторонники. Так что скорее всего именно он претворится в реальность.

Однако встречались нам и противники. Они говорили, что умертвление пройденного нами соленого Балхаша даст взамен только соль. Что интенсивное засоление озера происходит лишь в последние 10 лет. Что виной всему здесь является сооружение на реке Или в 1970 году Капчагайского водохранилища.

— Доберетесь до дельты Или, — напутствовали они нас, — и вы убедитесь в этом!

Мы покидали город Балхаш с тревожным сердцем. Будто оставляли больного человека. Даже виноград не сладил. На окраинном пустыре верблюд по-хозяйски жевал колочки. Мы единогласно нарекли его Рашидом. Хозяин пустыни не возражал.

Волна стала короче, но круче. Мы забыли о размеренной качке. Наши катамараны метались среди водных бугров. Часто приходилось менять направление движения. Навигационные знаки на озере практически отсутствовали. Зато за бортом теперь всегда была пресная вода. Кипяток почти не горчил.

Нередко на вечерней заре мы наткнулись на большие стаи отдыхающих на воде уток и даже лебедей. Поблизости обязательно вертелись браконьеры. Мужички ушлые, они поднимали птицу на крыло и бросались на моторках

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (заместитель гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), В. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Ю. В. Шинкаренко, Н. А. Широкова (отдел публицистики и следопытской жизни).

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в

Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (фантастики, прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 08.01.87. Подписано к печати 19.02.87. НС 19193. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 408 200 экз. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 467. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

начало нового романа Владислава Крапивина,

новый фантастический рассказ Сергея Другаля,

документальные новеллы о маршале Г. К. Жукове,

очерк о храбрейшем на Руси XIII века князе Мстиславе Удалом,

по просьбе подписчиков журнала — сказки и рассказы для самых маленьких.

вдогон. Ожесточенно палили из многозарядных автоматических ружей. Губили, а не добывали. Грохот висел над озером. Представителей охотничьей или рыбной инспекции при исполнении служебных обязанностей мы за весь маршрут по Балхашу ни разу не видели. Пакулин скрежетал зубами от злости.

Так мы подошли к Или. Но знаменитых илийских тугаев (пойменных джунглей) не обнаружили. Там, где когда-то тигры пасли кабанов, ездят на тракторах и автомобилях. Тростник выжгли, «чтобы дать пространство новому росту». Это мотивировалось потребностями кормопроизводства. В огне и задушливом дыме гибло все живое. Зрелище страшное. Разбойничий набег беспощадных врагов. А после него на выжженной земле белоснежными пятнами проступала та же соль. Чуть ли не через каждые десять шагов попадались порушенные ондатровые хатки. 20 лет назад Баканасский ондатрозверопромхоз принимал от охотников ежегодно до 750 тысяч шкурок. Сейчас знатный доходный промысел по сути исчез.

Пожалуй, лишь одно слово полностью соответствовало всему увиденному: опустошение. Опустошение природы и человеческих душ.

Откуда и почему непотушимым пожаром грянула сюда эта напасть?!

Запредельно сложный вопрос для рядового уральского рабочего. Но один адрес я сегодня могу назвать смело — Капчагай! Голубовато-серая клякса неподалеку от Алма-Аты!

Река Или для Балхаша — это Волга для Каспия, Аму-Дарья для Арала. Даже более того: с доисторических времен ей и только ей было обьязано озеро самим фактом своего существования. Ее воды наполняли его и разбавляли в нем соль. Выверенный за века природный баланс имел точные границы.

В 1970 году Капчагайская ГЭС отменила эти границы. Правда, энергетическая необходимость в обуздании Или уже с самого начала представлялась весьма сомнительной. Упор делался на создание невиданного по размаху массива искусственного орошения.

«Капчагай — это 700 тысяч гектаров орошаемых земель! — торжественно провозглашала выпущенная к празднику перекрытия Или памятная листовка. — Будут созданы 65 целинных совхозов!»

Или остановилась. Добрая половина будущих совхозов предназначалась для выращивания влаголюбивого риса. Капчагайская рисовая каша обещала стать чуть ли не манной небесной. Но в захлебе планов и обещаний достойные наследники гоголевского Манилова не придавали значения досадной мелочи. Большая часть отводимых ими под балхашскую воду площадей была подвержена соловому засолению. На таких почвах не могли произрастать никакие культурные растения. Несмотря ни на какой полив.

Несостоявшиеся 700 тысяч гектаров орошаемых земель легли в постамент памятника бездумному фанфаронству и продуманному очковитательству, но это, как ни парадоксально, спасло Балхаш.

— Что же дальше?

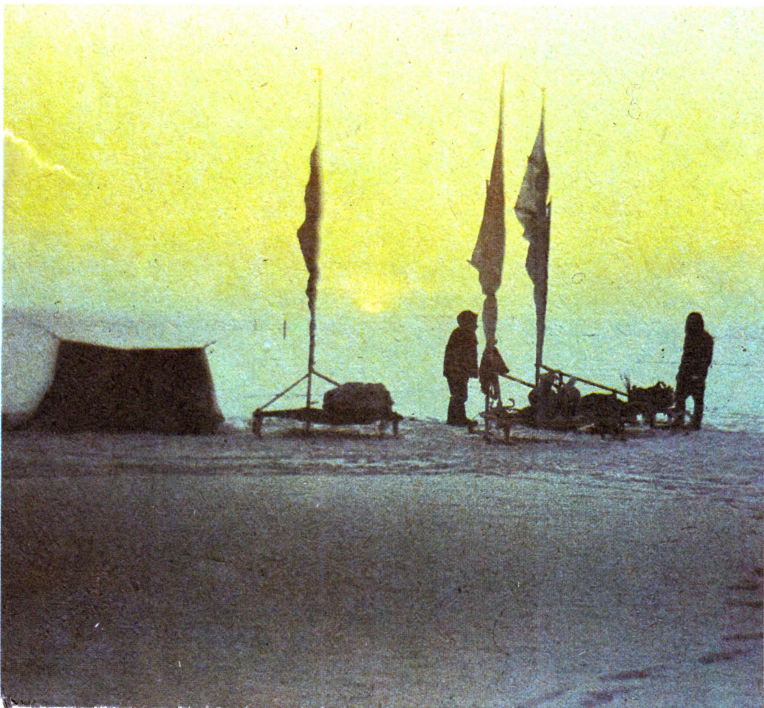
Мы слышали, что Капчагайское водохранилище еще не достигло проектного объема. Что заполнение продолжается. Что в среднем за год Балхаш недополучает сейчас около одного кубического километра своей воды. Что в среднем за год его уровень понижается сейчас на 20—25 сантиметров. Что конца-края этому в ближайшее время не предвидится.

Остров Орто-Арал (один из островов архипелага Бас-Арал) — наша последняя стоянка на озере.купаемся, загораем, готовим рыбу.

Прощальной бирюзой светится какой-то успокоенный Балхаш.

Только вот увидят ли его таким наши внуки?..

Снимки в тексте и на 3-й стр. обложки выполнены участниками экспедиции.

МЕДЬ РЕЗНАЯ, РОСПИСНАЯ

Изделия из меди, начиная с XVIII века, были не в диковинку на Урале. Мастерских людей привлекали благородный блеск этого металла, его податливость и пластичность. Готовили из меди щедро изукрашенную чеканным орнаментом посуду, всевозможную бытовую утварь и даже мебель.

Вот, например, медный столик, изготовленный в Нижнем Тагиле в 1785 году. Сегодня это один из лучших экспонатов Нижнетагильского историко-революционного музея. Столик небольшой по размерам, почти квадратной формы. Четыре изогнутые ножки соединены между собой резной балюсиной.

Особо интересен он тем, что в его изготовлении участвовал талантливый крепостной Демидовых Е. Г. Кузнецов, создатель известных музыкальных дрожек. Большую ценность представляет и роспись: признанные мастера-живописцы Федор и Ваила Худояровы украсили столешницу 29 гербами российских губерний и двуглавым орлом в центре. На внутренней стороне откидной крышки столика изображен родовой герб Демидовых, окаймленный тисне-ным кружевом золотого орнамента. Столик предназначал-

ся для хранения фамильных бумаг и грамоты на дворянство, жалованной Демидову в 1720 году царем Петром. А шесть лет спустя Екатерина I утвердила и герб, предписав, каким ему быть: «Щит горизонтально на половину разделен. Верхняя часть: в поле серебряном три лозы, рудоискательные зеленые, во знак их любопытства в прискании металлов. Нижняя часть: в поле черном молот серебряный, в знак произведения их трудом и коштом медных и железных заводов. Посредине, через весь щит, — полоса золотая, во знак их дворянского достоинства; над щитом — шпашок железного вида, от верху его и по обем сторонам щита украшен лаврами».

Долгое время столик принадлежал москвичу Ф. Е. Вишневному, страстному собирателю различных редкостных вещей. И только в 1979 году он вновь попал на Урал. История оставила нам в наследие уникальное творение рук человеческих.

А. Максяшин.